

**Товарищество писателей в Петербурге
Секция критики и литературоведения
Союз писателей России**

НОВЫЙ РУССКИЙ ЖУРНАЛ

литературной и философской критики,
прозы и поэзии

«... из пламя и света рожденное слово!»

М. Ю. Лермонтов

№ 14

ноябрь-декабрь 19

Санкт-Петербург
2019

ББК XX.YY

Редакционный Совет

Главный редактор
В. И. Чернышев

ISSN xxxx-xxxx

©Чернышев В. И., 2019
©Редакционный Совет, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ НРЖ №14

I. Соединение ПОЭЗИИ и КРИТИКИ	
В. И. Чернышев. СТИХИ Последних времен.	5
Г. Муриков. В. Меньшиков. В. Чернышев. Кто виноват?.	11
А. В. Медведев. Оправдание Чернышева.	15
В. И. Чернышев. Святители и Герои.	18
Оправдание поэтов	27
Личность и народ	31
Избранные места из переписки друзей перед концом света.	36
Владимир Меньшиков. Стихи и статьи по случаю жизни	450
ЦИКЛ «Господь ТОК»	451
День деревни (О новом романе Редькина)	4570
Маргарита Токажевская. Стихи 19 года	81
Владимир Меньшиков. Высота ее поэзии. О стихах Маргариты Токажевской	4588
Б. А. Орлов. Стихи для Русского журнала	95
II. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
В. И. Чернышев. Поэты Серебряного века. Мирра Лохвицкая. Вл. Ходасевич.	102
Александр Медведев. Бег лирического героя в маске автора	4519
Литература и жизнь	4523
Хокку.	126
М. П. Чернышева. Поэзия и жизнь.	127
В. И. Чернышев. Поэзия и партийность.	128
III. ПУБЛИКАЦИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ	
А. В. Осипов. «Философия» профессионализма.	132
В. И. Чернышев. Метафизика профессионализма.	134
IV. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ (статьи, обзоры, рецензии и письма)	
М. П. Чернышева. Генеральный директор.	145
В. И. Чернышев. Ольга Пудова.. Обретение радости.	147
А. А. Мозжухин. Творить и делать. Три рассказа.	152
Т. М. Лестева. «Игра» с классикой Евгении Сафоновой или гимн антикультуре?.	167
Геннадий Муриков. Виктор Пелевин «Искусство лёгких касаний» М, 2019	169
Прелюдия к катастрофе. <i>К 100-летию Версальского договора.</i>	173
V. НАД ЖИЗНЬЮ (статьи, воспоминания, письма)	
В. И. Воронцовский. В Магадан и обратно	181
Анастасия Куницкая. Коктебельская симфония	219

I. Соединение ПОЭЗИИ, ФИЛОСОФИИ, КРИТИКИ

В. И. Чернышев. СПИХИ Последних времен

Г. Муриков. В. Меньшиков. В. Чернышев. Кто виноват?

А. В. Медведев. Оправдание Чернышева

В. И. Чернышев. Святители и Герои.

Оправдание поэтов

Личность и народ

Избранные места из переписки друзей перед концом света.

Владимир Меньшиков. Стихи и статьи по случаю жизни

День деревни (О новом романе Федькина)

Мargarита Шокажевская. Стихи 19 года

Владимир Меньшиков. Высота ее поэзии. О стихах Margarиты Шокажевской

Б. А. Орлов. Стихи для Русского журнала

В. И. Чернышев

СТИХИ ~~ПОСЛЕДНИХ~~ ВРЕМЕН

Последнее Прощание с Н

Старость в дверь постучалась, ее я не звал,
 Годы словно столбы верстовые бегут.
 Заржавела вода вдоль дорог и металл
 Постарел, и морщины, к несчастью, не лгут.
 Мы с тобою встречались лет восемь назад,
 Не просили любви, чтоб не спорить с судьбой.
 Я как старый солдат: жив – и этому рад!
 И не ради наград отправлялся я в бой.
 "Рада ль встрече? Не скучен семейный уют?"
 "Да, спасибо, все так же!" – сквозь слёзы в глазах.
 Хорошо, что в стихах даже рифмы не лгут,
 И последнюю рифмой прощальное горестно «Ах!»
Осень жизни. Тоска как томленье в груди.
 Обещал бесконечность одной и другой.
 Ну, конечно, победа нас ждет *вперед!*
 Только пуст мой колчан. Лук чрезмерно тугой.

*Дождь промочил мою голову,
 Истлели дела и одежды.
 Так, может быть, жить теперь голому,
 Не прячась в пустые надежды?
 Боюсь, упрекнут: некрасиво, мол,
 Без лампы и даже без бочки
 Философу невыносимому
 Ставить последние точки...
 Поэтому буду смиреннее:
 Есть посох, есть рубище, вервие,
 И труд, и юдбль, и парение,
 Отставшие, ставшие, первые...*

Исповедь пасынка века

День вновь не тот уже с утра:
Где опоздал, где слишком рано,
Где – не нальют, где нет стакана...
Жизнь умоляет встреч вчера,
Лекарства ждет на сердце рана
И новой прозы дрожь пера...
Но знаю: жизнь течет как надо
И обольщенья уж не жду.
Мы все идём кругами ада,
Лентяй, поэт, герой и мот...
Лишь в ожиданьи лжи и лада
Мы смотрим в зеркало: Я тот? –
И утираем кровь и пот...
Бессильны знанье, наважденье
Сон алхимических химер,
Вся трезвость меры, полумер,
Глубокомысленность сомненья...
Тот слишком пёстр, а этот сер...
А большинство не стоит мненья...
Ах, эта жизнь! Тоска, зараза,
И свет и тьма... *Зеленоглаза*
Моя попутчица. В раю
Мне лучших снов уже не надо:
Блаженства, боли, света, ада,
Химер у жизни на краю...
Не говорите: это поза!
Я напишу вам новых книг
Не о любви. Иная проза
Меня прельщает. Только миг
Смешаю с нежностью всезнанья,
С блаженством разочарованья...
Свобода ига, иго иг!
И день заладится с утра...
И пусть кричат мне зло и грозно:
Так не бывает, слишком поздно!
О, встречи – завтра и вчера!
С тем выпивал, а с той постился,
Те говорили, я внимал,
Ни с кем из них я не простился,
Ни с кем я в жизнь не опустил...
Дорога встреч. Я в Бег пустился –
...и Бог меня поцеловал!

30 июня 19

Здравствуй, трамвай, посреди
Бега. Как долог маршрут!
Хочешь, со мной посиди,
Узнаешь, как люди живут?

Здравствуй, казенная дверь!
Как ты? Все так же скрипишь?
Мы ведь сродни, ты поверь:
Кошка и робкая мышь,

Вот он, и дом мой – пора
К тем, кто устал от забот,
Только б дожить до утра –
Скромной надеждой живет,

Впрочем, извне не сыщу,
То, что в себе не смогу.
Мир неизбежный прошу,
И улыбнусь на бегу...

* * *

Не обольщайтесь – и для вас
Господь припас и вар и плети,
Чреду суровых лихолетий
И беспокойство в смертный час.

Но искушая дух и плоть,
Он утверждает крепость в слове,
И даже Дьявол наготове,
Помочь гордыню побороть.

Себялюбивые! Зачем
Господь вас мучает? Он учит,
Необходимость, долг и случай
В пример вам ставя. Отличён

От бессловесных тот тем боле,
Кто волю пылкую в залог
Отдаст всевышней светлой воле
Как слову буква, звук и слог.

* * *

Кажется, все к завершенью пришло.
Ранние яблоки пали на землю.
Птицы на юг улетели. Я внемлю, –
Но недвижымы ладя и весло,
Даже, идя, спотыкается зло.

Много, как видно, ненужных затей:
Не окликай же идущее мимо!
Знай: и покойное – непостижимо.
Жалость оставь для бездомных детей
И унижения Третьего Рима!

А остальное – дождливой порой
Камни влачить в неподъемную гору.
Жизнь мне пока велика иль не впору –
Вот и собираю *по сосенке с бору*:
Родину, книги, друзей, домострой.

Полине

Давай, мой друг, уйдем отсюда!
Здесь Север, холод, снег – увы,
Здесь глупость зlá, тяжкá простуда...
– Но Пушкин? Пётр? Нева и львы?
Но свежесть Павловского парка?
Фонтанка, Мойка, Невский, Клодт?
И даже к Зимнему под арку
проходишь – и душа поет!
И пусть уж холод, снег и слякоть –
Но лучше ли пустыни жар,
Когда и хочется заплакать.
Но лишней капли влаги жаль?

И потому, мой друг, не будем
Мы покидать страну чудес.
Нальём! – и горести забудем!
А выпьем – ну и где тут бес?!
Где всё, что нас вчера смущало:
И «погружение во тьму»,
и Дьявол, и соблазнов жало?
Так пей же! Если б небо знало,
Как трудно сердцу и уму!

21 апреля

КТО ВИНОВАТ и ЧТО ДЕЛАТЬ?

Г. Муриков. В. Меньшиков. В. Чернышев

А. В. Медведев

Оправдание Чернышева

В. И. Чернышев

Святители и герои

Оправдание поэтов

Личность и народ

Избранные места из переписки друзей

Ответ на Дрон «Крестьянин», летательный аппарат, которым руководит пилот первого класса В. Меньшиков

Беспилотные летательные аппараты типа Дрон давно известны в международной авиатехнике. Но они вовсе не летают сами по себе, а управляются опытными пилотами, которые, развалившись в кресле, нажимают те или иные кнопки и при этом наблюдают в экране монитора за тем, что происходит с их «дроном». Этот процесс уже был опробован во время событий в Ливии американцами и описан Пелевиным в романе Айq 10. И вот теперь опытный пилот-дронщик первого класса наносит удар по В.И. Чернышёву. Да ещё как! «И взелся этот Василий Иванович на простолодинов чище Гозмана или покойной Новодворской». Я давно знаю Василия Ивановича, но ни разу не заметил в нём симпатии к творчеству незабвенной Валерочки Новодворской. Неужели пилот первого класса промахнулся, и его дрон бросил гранату мимо цели? Между прочим, образ гранаты необычайно развит в статье, в которой даже утверждается, что «я решил назвать писателя Чернышёва метателем гранат в свой народ».

Чернышёва можно обвинить в чём угодно, – я об этом сам неоднократно писал и говорил на разных собраниях: он пишет иногда невнятно и путано. Я как-то назвал его манеру *потоком сознания критики*. Но считать его другом Гайдара и Новодворской может только тот [...]. В последней части своего дроновского полёта В. Меньшиков описывает своё присутствие на протестном митинге КИРФ по поводу увеличения пенсионного возраста, который проходил именно там, где Ленин призывал к Октябрьской революции. Митинг получился маленький и пошленький. *Народ не восстал*.

А мне припомнилось, что лет десять тому назад мы встретились с Меньшиковым на таком же митинге. Но тогда перед ТЮЗом выступали Лимонов и Каспаров. Мы выпили по кружке пива. Выступления были очень скучными и неинтересными. Я думаю, что такие же, как и сегодняшние разглагольствования коммунистов и их сподвижников.

Раз уж ты, Володя, перемежаешь свою прозу стихами, то и я хочу привести стихотворение Георгия Иванова.

Теперь тебя не уничтожат,
Как тот безумный вождь мечтал.
Судьба поможет, Бог поможет,
Но — русский человек устал...

Валя куда-то напролом.
Пора забвеньем насладиться,
А может быть — пора на слом...
...И ничему не возродиться
Ни под серпом, ни под орлом!..

[...]

А Вася Чернышёв всё-таки НЕВИНОВЕН!

С творческим приветом – Геннадий Муриков

Уважаемые господа!

С удовольствием прочитал письменный самолетик Меньшикова, и так же с удовольствием посланный мне в помощь самолетик Мурикова. Но так как Володин дрон был начинен не взрывчаткой а только критическими пассажирами, то я остался жив – но за защиту, Геннадий Геннадиевич, спасибо. Критика полезна, особенно критику, и я, конечно, иногда уж слишком пристрастно нападаю на свой народ, потому что хочу, чтобы он стал лучше, и я его любил за его достоинства, а он мне в ответ, словами Достоевского, сипит: *полюби меня черненьким, а светленьким и без тебя есть кому полюбить* (может быть, это у Розанова, но не уверен).

Более того, этот народ всячески старается, чтобы я о нем думал плохо – но что народ, а что не народ, я об этом пишу свою вторую книгу Исповеди, надеюсь, более важную, но пока приведу пример, который меня смущает.

Сегодня днем жарко. Мы с женой на огороде пропальваем грядки, одеты в одежды легкие, но кусают слепни, поэтому не раздеты. Вдруг на нашем огороде появляется "американка" в оранжевой кофте, шляпе и в чем-то еще разноцветном: она возвращается от дочери, и та ее нарядила. Пошли в дом и несмотря на жару, выпили домашнего вина

"Мама Зоя" рассказала нам, как съездила к дочери. Та когда-то вышла замуж и родила девочку, но муж сильно пил, не работал и Анечку бил, хотя она была очаровашечкой (по моей терминологии).

Этого как-то удалось прогнать и она вышла замуж за второго, родила мальчика, но муж пил еще больше, работал время от времени и жену бил еще пуще первого, однажды пробил ей голову, потом на мосту чуть не утопил маму с дочкой, спасла милиция, случайно ехавшая в соседнее село.

Пожив два года без мужа, она взялась за интернет, нашла ладного хлопца и уехала к нему на родину, мы так же сидели за столом, и мамка уже заранее плакала, что заманит и бросит с двумя детьми, и будет она пробираться на родину пешком, прося милостыню у редких сердобольных, и я в этом был уверен больше других. И вот, чудо – она оказалась в раю, муж не пьет, любит и ее и ее двух детей, и даже к ее приезду выстроил собственный дом, "райский уголок".

Дайте и мне совет, милые женщины, что мне делать, обратился я к ним. Когда-то позаботился я о восьмилетней девочке (которая называет меня дедушкой), потом о ее сестренке, потом и о другой малышке, двоюродной сестре этих, часто они прибежали ко мне из соседнего села поесть и выпить чаю, я привозил им одежду и обувь (конечно, многие и по соседству помогали несчастным детям, но я ездил и в приют, куда время от времени сдавали их беспутные матери)... Обо всем этом я писал уже в своих книгах, повторяться не буду. Старшая девочка вышла замуж, родила мальчика, муж начал пить, потом стал колотить и жену, но прожили вместе они пять лет. Вышла замуж за другого, который был трезв и добр, успела родить и от этого, ребенку два месяца, вчера мне звонила плачущая, деньги домой не приносит, все пропивает (а мы с женой временами посылаем ей по пятьсот рублей, в

буквальном смысле на корочку хлеба), и бьет он ее *по страшному*, добавила она (сама почти как ребенок). «Скажи ему, что на днях я приеду с товарищем, и мы будем бить уже его, и так будем бить, чтобы вся русская философия полетела вверх тормашками!», сказал я ей, не сдержавшись.

Сегодня к ней приехала ее младшая сестренка, та, которую я спас от депрессии, когда она уже перестала разговаривать, ей было четыре года, ее отчим не давал ей есть, и утром она уходила в садик голодная...

Это, господа, самые невинные истории из тех, которые происходят ежедневно у нас в провинции, когда мы пишем книги *о великом русском народе*.

Что говорят девчонки в нашем селе? Они говорят, что замуж можно идти только с отчаянья, нет ни одного путного... Возможно, меня избрал несуществующий Русский Бог для того, чтобы хотя только я, пусть единственный, знал правду о нашей жизни. И мне ее рассказывают дети и подростки и даже иногда взрослые.

В довершение.

У меня две племянницы, сёстры. Старшая купила машину, записала ее на мужа. Ночью он тихонько встал, выкатил машину из гаража и уехал. Прошло пять лет, он еще не вернулся...

Младшая родила ребенка, купила квартиру, записала ее на мужа, однажды пришла с работы (ребенок был у бабушки), – в квартире новые замки... Соседи говорят, что муж уехал с новой женой обмывать медовый месяц, а она пока пусть найдет себе другое жилье. Пришлось ей переехать на дачу, благо та была в пригороде. Это банальная история, ничего в ней нет поучительного, но есть два любопытных штриха. Когда-то он был у меня в гостях, и вот как-то жду я его поздно вечером, где-то он загулял, и вдруг мне звонят из милиции, подрался мой гость с ментами, но мне его могут отдать, если по пять тысяч я заплачу за каждого мента, им побитого. Как ни странно, менты меня любят и берегут! Сошлись по тыще за брата, то есть на пяти тыщах всего. И я от ментов был в восхищении – они пошли нам навстречу только потому, что были потрясены невероятием случившегося. Да у нас в Сибири все такие, сказал я им, но мне не поверили.

Итак, прошло пять лет, племянница купила вторую квартиру (она геолог, таскается по тайге в поисках золотых самородков), мужа ее уже бросила его вторая жена (а он квартиру уже переписал на нее), потом выгнали с работы за пьянство и стал он бомжом. Пришлось простить и пустить, не пропадать же бывшему мужу да притом отцу ее ребенка?

Славянофилы видели крестьян из окна кареты или с крыльца господского дома. Даже Солженицын видел народ в некотором отдалении, иначе не сказал бы, что *в его глубинах что-то такое таится*...

Тем более что этот народ, который он единственный пожалел. и даже написал о необходимости *сбереженья народа*, почему-то его ненавидит.

Правда, заботится ли о народе правительство?

Помещики гоняли народ на барщину и отдавали в солдаты, но бабы рожали и народ прибывал, даже распространился на одну шестую мира.

Большевики народ истребляли всячески, но бабы все же рожали и народ все равно прибывал, хотя уже и помедленней.

И вот настало время, когда бабы совсем перестали рожать и есть опасность исчезновения народа (как некогда "*погибоша обры*"). Я народ ругаю, но я страдаю от того, что он исчезает. Но я думаю, что нет среди городских интеллигентов ни одного человека, кроме меня, который бы от этого страдал. Каждый думает только о себе, а о том, что русский народ исчезает, думать им некогда.

Поэтому вы, мои дорогие, правы оба. Володя прав в том, что меня ругает, Геннадий Геннадьевич прав в том, что защищает.

А я не прав в том, что не могу сочинить хотя бы иллюзорного русского бога, потому что – пусть простят меня верующие, но не может быть одного бога у всех народов, пока народы между собой дерутся. Чтобы братья дрались при одном отце, бывает, но все же редко. Да к тому же... Но все прочие обстоятельства нашего пленения вы знаете без меня...

Здравствуй, Василий Иванович! С приездом! Вот как я, но это предварительно, характеризую тебя в заготовке будущей осенней статьи: "Это славный старичок, бескорыстный правдоискатель, и никто его ВИНОВАТЫМ в чем-либо не считает. А в эссе "Рокировка" как раз и описано, что если он и был в чем-то "виноват", так всю его вину по отношению к инертному народу я взял на себя. Только что это за вина и чья она? Русского безденежного, со всех сторон обнесенного пенсионера? Давайте всю вину Путина и его сокольников из правительства возложим на простой люд, а еще на Чернышева, Меньшикова и на всех авторов "Топора" – до кучи.

Еще раз с приездом! Твори, но знай меру. Береги себя и НРЖ! (новорожденного). Удачи.

П.С. Я как-то сказал, что женщин создал Бог, а мужчины произошли от обезьян сами. Меня пристыдили женщины, сказав, что я обезьян оскорбляю, у тех все путём, и все обо всех заботятся.

Но вот смотрю на Государственную Думу, живущую по пятьсот тысяч в месяц (или поболее?), она обсуждает закон о семейном насилии и никак обсудить не может: Это что же, теперь бабу и вожжами учить нельзя? – вопиют они горестно.

А чему же нас учило тогда христианство, не оно ли велело: *Жена да убоится мужа!*? Вот за две тысячи лет это учение в нас как короста и вьелось!

Александр МЕДВЕДЕВ

ОПРАВДАНИЕ ЧЕРНЫШЕВА

13 сентября 2019 года в Книжной лавке писателя представляли книгу «Групповой портрет товарищества русских писателей» с подзаголовком: по страницам «Нового русского журнала».

По замыслу В. И. Чернышева, редактора указанного издания, это первая книга из двух задуманных, в которую он поместил литературную критику и стихи авторов данного журнала. В короткий срок, за два года им выпущено шестнадцать объёмистых номеров «журнала с топором», как он его называет, снабжая каждый номер обложки изображением экзотических топоров. Сей предмет должен символизировать остроту публикаций, кроме того, свидетельствовать о мастерстве авторов, владеющих словом будто бы искусные плотники, без единого гвоздя, *только топором*, работающие дивной красоты литературные шатры и колокольни.

Этим уникальность издания не исчерпывается.

«Новый русский журнал» – малотиражный, более того, незарегистрированный, его распространяет автор-редактор на Секции критики и литературоведения Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, а также при личных встречах с желающими приобрести номер.

В определённом смысле журнал ещё и *внутриполемический*. Карфагеном, который должен быть разрушен, сквозной темой редактора неизменно оказывается история русского народа со всем его нелепым укладом, безбожием и смертолюбивой религией, с его заблуждающимися писателями, с жестокими тиранами и тьмою их отвратительных сатрапов. Редактор публикует объёмистые отрывки из своих творений, посвящённых обличению этого русско-советско-российского Карфагена.

Однако – странное дело, сквозь массивы «свидетельских показаний» о нелепых русских головотяпах, которые во всю свою историю «постоянно ссорились и калечили друг друга», о чём неустанно повторял Салтыков-Щедрин, а до него – Радищев, а ещё Герцен, а после Солженицын, Войнович тож, а из новых – Шишкин, Алексиевич... Да что там! не место здесь поимённо перечислять весь легион правдорубов. Скажу только, что сквозь кишашую массу нарубленных обличений головотяпства нежной порослью смотрятся в «Новом русском журнале» трогательные лирические отступления редактора, – описания непосредственного участия его лирического героя в устройстве судеб реальных людей. В разнообразии житейской обыденности он пересекается с ними в городе и на селе.

Другие авторы, во всяком случае, часть их, помимо своих непосредственно критических и литературоведческих материалов, не сговариваясь, так или иначе оппонировали редактору в его неистовом историко-литературном и отчасти религиозном анти-карфагенинге. Их усилия желаемых результатов не приносят, ибо редактор не так прост: по его же уверениям, его непримиримость к головотяпству русского народа исходит из стремления привести к спасению этот самый народ, а заодно, чего уж там, и Россию в целом.

Внутренняя полемика редактора и участников журнала перетекает из номера в номер. При этом в журнале публикуются и малоизвестные материалы былых времён, и они по-новому, вероятно, воспринимаются современным читателем.

О современном читателе говорить сложно.

На вечере, посвящённом выпуску книги «Групповой портрет товарищества русских писателей» собралось 35 человек, большая часть которых авторы «НРЖ», остальные – «группа поддержки» редактора из его родственников и друзей родственников. Согласно высказываниям нескольких авторов, такое существование журнала – самиздатское, по сути – не вполне их устраивает.

Но возможно ли иное существование «НРЖ»?

По-моему, нет.

В. И. Чернышев в одиночку осуществляет неподъёмную редакторскую деятельность, к тому же, он редактор пишущий, в каждом номере значительная часть материалов – его собственные. Мыслимо ли при такой загрузке и таких издательских темпах ещё заниматься продвижением и распространением журнала? На это у В. И. Чернышева нет ни средств, ни времени, ни сил.

Перед нами пример подвижничества.

А как подвижнику указывать, давать советы? Внутренний голос тотчас шепчет: легко тебе советовать, а сам-то что? Сам взял, да и попробовал бы связаться с авторами, составить содержание, издавать, распространять и продвигать журнал... И язык не повернётся совет дать. Поэтому, остаётся только в изумлении развести руками и с почтением поклониться В. И. Чернышеву.

Рассматривая, насколько это возможно, публикующихся в «НРЖ» авторов, у меня складывается впечатление, что, в определённой степени, и они подвижники. Эпатажа – ноль, глумливого отношения к народу России и её истории также ноль, деклараций формальной новизны, политической клоунады, выражений солидарности с проблемами меньшинств – ничего подобного, что могло бы сделать им «имя, афишу, кассу», они не могут предъявить. Потому обречены быть, как говорится, писателями, широко известными в узких кругах. Чем же тогда они отличаются по части предприимчивости от редактора «НРЖ»? В этом смысле, наверно, ничем.

Издательское дело само по себе трудное, ненадёжное. В своё время, в 1977 году художник М. Шемякин при участии поэта К. Кузьминского издал в Париже альманах «Аполлон–77». Среди авторов были: Эдуард Лимонов, Генрих Сапгир, Игорь Холин, Роальд Мандельштам, Константин Кузьминский, Анри Волохонский, Олег Охупкин, Владлен Гаврильчик, Елизавета Мнацаканова и многие другие личности, представлявшие новую волну творчества Советской России. Кроме того, издатели не обошли вниманием и своих предшественников, чувствуя тесную связь с такими творцами, как, например, Алексей Ремизов и Павел Филонов. Несмотря на большой творческий расцвет и подъем в этот период в России и спрос на

подобные издания у широких слоёв читающей публики, альманах дальше первого номера не продвинулся.

В. И. Чернышев личность, может быть, менее легендарная, чем М. Шемякин и К. Кузьминский, но всё же легендарная, – интересующиеся его деяниями легко могут в этом убедиться, набрав его имя в любом поисковике. В наше время ему в одиночку удалось выпустить шестнадцать номеров(!) «Нового русского журнала». Похоже, В. И. Чернышева Аполлон, в отличие от М. Шемякина и К. Кузьминского, всё же потребовал к священной жертве.

Вот только беда: по сравнению с 1977 годом читательского голода в России нет, книжные магазины перенасыщены всевозможной литературной продукцией – читай, не хочу. И действительно, читать не хотят?

Возвращаясь к теме современного читателя, на самом деле, приходится констатировать неизлечимо большой проблемы распространения печатных изданий. Сложилась такая ситуация, что писатель, даже найдя с горем пополам возможность напечатать книгу, встречается с трудностью непреодолимой – с отсутствием интереса у книготорговых организаций к результату его труда, если он заведомо коммерчески не успешен. К успешным относятся книги по кулинарии, по различным изводам йоги, фэн-шюя, криминального чтива, новой хронологии и далее по известному списку. То есть, современная книготорговля повернула Россию лицом ко всевозможным «Блюхеру» и «милорду глупому» и напрочь отвернула от «Белинского и Гоголя». Есть, правда, в «НРЖ» темы с этой точки зрения, казалось бы, успешные, трактуемые В. И. Чернышевым – это низведение ни во что большевизма, это и бесконечные претензии к христианству, но они как-то не возгораются у него до пламени хайпа. Они тихо тлеют, заслоняемые светом его же лирических очерков, христианских в основе, о горемычных и счастливых, о путных и беспутных добрых людях. Так что, в итоге «НРЖ» не пристроить ни по ведомству, клеймящему «кровавую гёбню», ни по ведомству «молитвенно-озлобленному».

Надо сказать, редактору «НРЖ» и дела мало, что его детище не зарегистрировано, и коммерчески убого. Ему достаточно, что детище любимое им, так, как любят искусство. Мне легко это заявлять, и видимо, Аполлон тут виною, не он ли заставил меня заглянуть даже не на первую страницу, а лишь в предисловие самого известного романа самого известного писателя-эстета? Я заглянул, прочёл и полностью с ним согласился, тут же отнеся написанное и к В. И. Чернышеву. Вот эти слова: *«Тому же, кто создает бесполезное, единственной оправданием служит лишь страстная любовь к своему творению. [Ибо] всякое искусство совершенно бесполезно».*

В. И. Чернышев
Святители и герои

Александр Васильевич прислал мне эту статью по электронной почте для журнала. Вчера ее же прислала мне ТМ с тем, чтобы я инициировал в связи с нею некую журнальную полемику. Но вчера же я окончил вторую книгу своей Исповеди и сдал ее в печать, она посвящена Любви. Сегодня мне звонила одна из ее героинь, вдруг она узнаёт, что я воюю с христианством и изумленно мне возражает так: Я, конечно, **не** христианка, но если мы отринем и христианство, то что же у нас останется? Где опоры?

И кстати она мне еще говорит, что есть девушка с зелеными волосами, которую надо срочно спасать. (А у меня уже был опыт дружбы с зеленоволосыми – не только зеленоглазыми, – и тогда я решительно взялся за ее спасение, но в конце концов меня все же удалось спасти). Но теперь у меня уже жизнестойкости меньше, и сегодня я еще подумаю: много накопилось дел, и мне надо пока задержаться на этой несносной земле, а спасая новую зеленоволосую, я рискую...

Затем звонит другая и приглашает на литературно-музыкальный вечер, со столиками и тайной водкой, с А.В. мы будем сидеть за одним столом, я ему вручу свою Исповедь, вдруг прочитает (потом, когда-нибудь)? (И хотя водку я почти не пью, немножко все таки с ним за компанию выпью).

Не спеши, читатель, подумать, что все эти мои слова не имеют никакого отношения ни к его статье, ни к литературе, ни к искусству – нет, самое прямое. Не меньшее, чем моя книга относится к любви, к искусству и к жизни. Хотя я еще продолжаю размышлять и ищу их подлинную, внутреннюю, а не только внешнюю связь.

В девушек, о которых я писал, я был влюблен, они героини моего романа, отчасти подлинные, отчасти вымышленные, как и я, ведь я тоже только Миф, и из них, как *прообразов*, создаю литературных героинь (если это не они сами превращаются в них). Мы все когда-то умрем, и мне жаль и себя и других. А так они уже не умрут, они будут жить, пока о них кто-нибудь будет читать. Да вдруг и я не умру, если не как автор, то как неудачный «герой-любовник»? Ибо хотя в наших отношениях надо было стремиться к тому, чтобы они в меня влюблялись, но мне гораздо важнее была ткань самого романа, соединявшего нас, и не всегда я понимал при его начале, в чем она состоит, а чаще только через десятилетия, как например, в переключке В., И. и А., в их письмах, присланных мне в тюремную камеру в 2004 году, когда я как раз писал свою первую *антихристианскую книгу* «Записки на пальме».

Но кто я на самом деле, я пока еще не знаю (или искусно скрываю). Догадываюсь про свою жизнь – что это, конечно, никакая **не** жизнь, а создание романа, в центре которого его автор и послушные ему читательницы, что это, таким образом, **жизнь как роман**.

Но и А.В., и многие другие, и авторы и читатели, становятся перед НРЖ в тупик, и сущность этого тупика А.В. сформулировал точно: во-первых, это

никакой не журнал и тем более не роман, в *литературе его нет*, он даже не зарегистрирован (как повсеместны сегодня не зарегистрированные браки), следовательно, он – не *литература*, и если, как я надеялся, **МОЯ ЖИЗНЬ – роман**, то на поверку она оказывается и не романом и не литературой, а СамИздатом. (Без венчания и без регистрации). Но если все то, что я пишу, не относится к *литературе*, и не является ею, то к чему относится и чем является? Очень просто: моя литература является **жизнью** (или формой жизни), так же как и *моя жизнь является литературой*. И вот первый важный вывод: я не живу, я литературствую, точнее говоря, литература и журнальное дело, редактирование, верстка, издание книг – это и есть мой подлинный способ жизни. А так как моя литература – это форма **искусства**, проявляющего себя и через очаровательных героинь, порхающих на ее страницах, и через изящную ткань повествования, то она не только не стремится извлечь пользу из самой себя, но и я, как демиург, не стремлюсь к пользе. Моя литература, притом, это не только форма жизни, но и способ любить – какая польза в любви? Если кто-то подумает, что бывает и в любви польза, то он, очевидно, подумал о чем-то другом...

Итак, бесполезно искусство, бесполезна любовь – но они могут существовать порознь или вместе. В моей Исповеди, которую я принесу за столик к приятному и умному собеседнику, и искусство и любовь соединились как двое влюбленных – это еще одно объяснение того, почему НРЖ не регистрируется и не становится чем-то официальным. Он подобен скамейке, на которую садятся двое; или подобен подворотне, в которой собираются трое (те, по своему, тоже влюбленные) – пока еще никому не пришло в голову регистрировать скамейки и подворотни. Притом... если говорить не о собутельниках, а о влюбленных, то что такое встречи в том месте или учреждении, которое получило официальный статус – то есть зарегистрировалось? Не хочу никого обижать, но сегодня НРЖ – это единственное место, где можно встречаться бесцельно и бескорыстно, где можно встречаться, не боясь, что у кого-то возникнут нелепые и обидные подозрения. У нас ведь не Дом свиданий! За вход мы не берем денег. Бумажный экземпляр, который мы получаем иногда бесплатно, иногда за деньги, это не коммерция: это фотография на память (или даже так: мы пришли в гости, выпили по стакану прекрасного вина, но нам захотелось унести этот стакан с собой, и мы его покупаем – но стакан мне не принадлежит, деньги за него получаю не я, так как не мне принадлежит печатный станок и бумага). Если же вещественная память нам не нужна, то достаточно хранить у себя файл с содержанием номера, а файл, как и наша собственная память, ничего не стоит.

Но я еще не все объяснил: а как же Аполлон, призывающий к жертве поэтов (кстати говоря, иногда он медлит и **пока не трепует поэта к священной жертве** или раздумывает, кого из поэтов сегодня положить на жертвенник), и мы успеваем пожить такую же жизнью, как и другие: *но, господи, какая же это ужасная жизнь!*

Но все таки как же Аполлон?

Ну, как же? – да как-то так... у меня ведь есть и свои секреты, и не все я

готов пока вам открыть! У меня тоже жизнь не сахар. С тех пор как на Олимпе разгорелась война и произошел переворот (увы, из-за любви, которая бесполезна как и мы), мы все почти всё потеряли. Вас не читают, меня не почитают, сапожники и поэты смешались в кучу, *юродивые, святые, святоши, пророки и моралисты* несут только *пургу!*

Но это не всё. Я приоткрыл только краешек завесы. Готовится нечто новое, и это новое перевернет мир не меньше, чем компания бродяг, объявивших книжникам и фарисеям войну, прекрасные изваяния на улицах Афин назвавшая идолами, а раскаявшихся блудниц святыми. К *Священной жертве* я вас еще не успел призвать. Ждите.

 Еще раз перечитываю статью А.В.

Мне, конечно, хочется возразить ему, в чем-то оправдаться, что-то в себе более ясно проявить и усилить – ведь это же не «**игра в бисер**» из знаменитого романа Гессе, а нечто принципиально другое – поэтому возразить необходимо! – но я в значительной степени обезоружен.

И все же...

1. Начнем с христианства. Если бы оно представляло собою доказанную математическую теорему, то или бы мы все принимали ее выводы, или бы некоторым из нас следовало бы подарить учебник математики. В случае теоремы недоказанной одни бы сомневались в высказанной гипотезе, другие бы пытались ее доказать. И, наконец, есть ничтожное число таких теорем, относительно которых есть доказательство, что их нельзя доказать.

Но есть еще зловредные теоремы, с которыми шутки плохи: они не доказаны, не известно, можно ли их доказать, но хуже всего то, что неизвестно, можно ли даже прояснить положение дел.

И, тем не менее, математики не сходят с ума, не устраивают Крестовых походов, и даже если имеют разные точки зрения относительно некоторых терм Пуанкаре, не пишут доносов друг на друга, не нанимают профессиональных убийц, и даже не раздражаются злобными оскорбительными статьями, какими раздражался Ильич на Беркли, клеймя его *попом*, и на своего товарища по партии Богданова, клеймя его как *поповствующего*.

Что же сводит с ума людей и вызывает вражду между ними?

Власть. Бог (вера). Любовь. Происхождение мира и человека. Что такое человек, является ли он мыслящей материей или мыслящей машиной, но не инобытийным «нечто» сравнительно с осязаемыми и видимыми вещами? Что такое *красота* и нравственность, просто ли «договорились» люди одно называть *красивым* (нравственным), а другое некрасивым (в чем яростно убеждает нас великий Лев? Об этом мы спорим чаще, чем о боге.

Ну, кажется, я перечислил всё, из-за чего мы спорим, воюем, ненавидим друг друга.

Розанов написал про христианского бога 20 томов, потом как-то обмолвился: «*старушка пришла в церковь, зажгла свечку, и помолилась, и такая благодать на нее снизошла! Кто это выдумает? Ни ученый не создаст, ни писатель не сочинит!*» (странно, что они еще остались, после Феодосия Великого).

Что я имею против старушки и ее веры? Ничего. Но вмещено ли христианство в эту старушкину свечку? Нет. Более того, в *умиление* частного человека может вмещаться любое умонастроение, и с такой точки зрения никакое мировоззренческое учение невозможно опровергнуть. Возьмем Моральный кодекс строителя коммунизма, там написано, что *человек человеку друг, товарищ и брат!* – разве плохо? И Христос говорит, мол, *возлюби ближнего!* Так что же, «Капитал» и «Евангелие» проповедуют одно и то же? Нужны математические дефиниции. Христианством называется... Марксизмом называется.. (как в математике: там почему-то никто не говорит, что дифференцируемая функция и не дифференцируемая – это одно и то же. (Кстати, *недифференцируемая* функция – это когда на ее кривой все ее точки сплошь колдобины, на КАЖДОЙ споткнешься).

Поэтому, давайте вернемся от старушки к разумному обсуждению наших взглядов, и скажем, что *христианством* называется то, что проповедуется в Новом Завете и так же Блаженным Августином, Блаженным Иеронимом, Игнатием Брянчаниновым, Кьеркегором, швырнувшим обручальное кольцо к ногам невесты, и Торквемадой – и что чем-то существенным отличается от проповеди Ильича и Маркса, которые проповедуют марксизм и коммунизм (но не христианство).

Со всеми остальными, которые поклоняются *чему-то очень хорошему*, что они услышали либо от родителей, либо от бабушки, либо где-то прочитали, и что они называют *христианством*, в том числе долг перед родителями и детьми, перед униженными и оскорбленными, перед народом и природой – разве ж я с ними спорю? Разве возражаю?

Надо сказать, что интеллигенция 60-х – 70-х годов прошлого века вся сплошь была, как они думали, религиозной, мы, они говорили, тоже верим во что-то высшее, что над нами над всеми, какая разница, называть ли это марксизмом, конфуцианством, христианством, исламом или буддизмом? А в 16-м веке за ошибку в слове священника волокло на костер. Как жаль, часто я думаю, что ныне перестали сжигать за проповедь таких прекраснодушных глупостей, кои проповедуют наши интеллигенты!

«Розанов приводит возражения Достоевского мыслителям, *отрицающим свободу воли...* – так я теперь и не знаю, возражать ли христианам, живущим по воле Господа и как *бабушка скажет*, т.е. тоже ее отрицающим?»

Еще Достоевский: *«По крайней мере, от цивилизации человек стал если не более кровожаден, то уж наверное хуже, гаже кровожаден, чем прежде. Прежде он видел в кровопролитии справедливость и с спокойною совестью истреблял кого следовало...»* С чем спорить? Чему возражать? И это властитель умов и инженер душ... С чего он взял, что я хуже тех, которые *«истребляли кого следует»?*

А Константин Леонтьев выводит любовь из **страха божьего**, и еще говорит, что **добро, которое делается не для Бога, это зло**. К чему стремится Константин Леонтьев? Как он делал добро? Как он разбирался в том, для кого он его делал? Нет, не только спорить бессмысленно, но даже просто поговорить по душам с русскими христианствующими писателями совершенно бессмысленно, не только бесполезно!

И, наконец, последнее: источник христианства состоит в **идее грехопадения**, и в необходимости искупить **первородное зло**, явившееся его результатом, что возможно только Сыну божьему, своим распятием изменяющему, искупающему природу человека. Никакая праведная жизнь, никакая святость не способна искупить в конкретном человеке это первородное зло, каких бы высот святости этот человек не достиг. По крайней мере, апостол Павел, за ним Лютер и Кальвин, а за ними Лютеранство и Кальвинизм проповедают невозможность оправдания (искупления) греха добрыми делами (см. послания Павла...)

В своей книге «Прощание с N» я пишу о «романе с христианкой». И вот что я понял: я ишу некоторую теорему, некоторое объяснение, которое бы для меня было исчерпывающим объяснением. Я словно бы ишу конец нити в запутанном клубке ниток, чтобы его распутать. Именно поэтому в действительности я никого не опровергаю, ни с кем не спору: я спору с самим собою. Христианка, в которую я был влюблен, не хуже нехристианок или большевичек (к тому же она была одновременно и большевичкой), но она верила, что мы не должны влюбляться, так как она замужем, а я женат. Да и я не сомневался, что «мы не должны влюбляться». Но я хотел ее спасти, и вбил в свою дурную голову, что если она в меня влюбится, то я ее действительнее спасу и даже только тогда и смогу спасти (то есть, буду иметь над нею столько власти, что смогу повлиять на нее благотворно). В отношениях с детьми это справедливо, но в отношениях между взрослыми любовь нельзя нагружать благими целями – и вот также искусство нельзя нагружать благими целями! И любовь бесцельна и искусство бесцельно (вот в этом утилитарном смысле). Только русский человек, понимая это умом, так обуян *жаждой спасения мира* (видно, в этом мы подобны *новозаветным* евреям), что пытается спасти мир и человека либо через **любовь**, либо через **красоту** (за эту идею, хотя и совершенно глупую и в корне противоположную христианству, я прощаю Достоевскому весь его философский бред.) Правда, среди героев этого романа (Идиот) умный один человек все же нашелся, а именно Аглая, и она воскликнула, что Христос ничего подобного (о спасении мира красотой) не говорил. [Не удержусь, чтобы не рассказать об одном происшествии, не имеющем, конечно, никакого отношения ни к роману Достоевского, ни к самому Достоевскому, но только к нашим русским судьбам. Лет десять тому назад я сидел в кабинете моего покойного друга Маркияна Чубея в Пулковской обсерватории (а продружили мы к тому времени почти 50 лет!) – и вдруг раздался стук в дверь и вошла очаровательная девушка лет 22-х. Она отлично говорила по русски, но было все же слегка заметно, что она не из России. Оказалось, что зовут ее Аглая, она француженка, окончила Сорбонну, математический факультет, русскому языку научил ее дедушка, и он же дал ей это имя, так как был либо поклонником, либо даже дальним родственником Достоевского – кстати, она слышала о бароне Фальц-Фейне, тоже потомке Федора Михайловича, воспоминания которого я печатал в журнале Мѣра. Она приехала из Франции, чтобы взять у него интервью. Маркиян должен был придти минут через 20, и

она собралась пойти погулять, но я закрыл дверь на ключ и заявил, что пока возьму интервью у нее – но если она будет настаивать на том, чтобы я дал ей свободу, то я дверь открою. К счастью, на свободе она настаивала не слишком, и мы интересно поговорили о ее русских родственниках...]

И вот оно, я уже близок к возможности объяснить свое отношение и к *бесполезности искусства*, и к «игре в бисер». Да, искусство и литература отрицают себя, как только становятся для чего-то вне их или сверх их. Их цель в них самих, как отчасти в ней самой цель математики). Ибо нет *социалистической математики* (и социалистических таблиц логарифмов), как нет христианской этики и истории. Однако искусство для русского человека не является чепухой (то есть *игрой в бисер*), как и любовь не является чепухой ("О, знал бы я, что так бывает, Когда пускался на дебют, Что строчки с кровью – убивают, Нахлынут горлом и убьют!") – разве это европейская «Игра в бисер», ибо «*да, скифы мы, с раскосыми и жадными очами!*»

И Медведев справедливо заметил, не отвергая бесполезность искусства: "Похоже, В. И. Чернышева Аполлон, в отличие от М. Шемякина и К. Кузьминского, всё же потребовал к священной жертве." (Если это я не сам себя обрек на эту жертву!)

Да, мы все одной крови, соучастники (или "подельники") НРЖ, или "топориной" охоты – но к чему мы стремимся, что нами движет? Конечно, не жажда развлечения или самоутверждения, не тщеславие, не надежда на успех – но что же? И как бы эффектно и красиво не прозвучали слова, что мною (или нами?) движет бескорыстная любовь к искусству, и совершенно прав А.В., когда пишет: «*Надо сказать, редактору «НРЖ» и дела мало, что его детище не зарегистрировано, и коммерчески убого. Ему достаточнo, что детище любимо им, так, как любят искусство.*» – это не полное объяснение того, что я делаю и что мною движет. В связке писем К., героини «Карельского романа», я неожиданно нашел два ее рассказа, я их начал читать с опаской, боясь разочарования – и заплакал! Нет, не напрасна была наша переписка – хотя никаких целей просвещения или воспитания я не ставил, я ею был только восхищен, а отчасти был восхищен собою. И нет, я не Аполлон, я пошутил, но, все же, я имею отношение к Олимпу, возможно, я – Пегас, а НРЖ – это мои крылья, с помощью которых я надеюсь взлететь на небо. Пока же я перевозчик и проводник, я предлагаю путешествия на Олимп, и в отличие от Харона – совершенно бесплатно. Но не всем...

И на этом я остановлюсь, пусть еще кое что из моей **Природы, Предназначения и Магических тайн** останется неизвестным

Что наша жизнь – война или Пикник на обочине?

Бодрствующие и не слепые ясно чувствуют и ясно знают, что *наша жизнь – война*. Пикник только для наших врагов или изменников Родины или для равнодушных, для Иванов, не помнящих своего родства, продавших свое первородство за чечевичную похлебку.

Что происходит с Россией и русским народом? За тридцать лет он

сократился на тридцать миллионов, из них пять миллионов, талантливых и молодых, бежали на Запад.

Существует некий предел плотности населения, ниже которого территорию можно назвать безлюдной, ее уже не удержать в прежних государственных границах. Пятьсот лет наши предки осваивали Сибирь – вы хотите, чтобы она мирно и плавно переехала к китайцам и японцам, к янки и фрицам, или чтобы ее обгладывали акулы Уолл-Стрита?

Что происходит с нашей страной, вы не знаете, газет вы не читаете, вы смотрите Зомби-ящик – но хотя бы читайте «Журнал с топором».

Какова его задача?

1. Пробудить интерес к Золотому и Серебряному векам русской истории и культуры, остатки ее в архитектуре мы все еще видим на нашей улице, но богатые методично, шаг за шагом, искореняют эти остатки в малых городах, где они еще более всеильны.

2. Пробудить интерес к образованию, к культуре и философии, без философии наше мировоззрение будет невразумительной кашей из некритически усвоенных цитат из марксизма и христианства, из проповеди, что «мы этого достойны» – чего именно? – и из безмятежных наркотических снов.

3. Пробудить интерес к живым окружающим нас людям, почувствовать их проблемы, задуматься, почему они мечтают отсюда бежать: их притесняют чиновники, которые отбирают у них бизнес, их притесняют менты, которые им не разрешают высказываться и собираться группами больше трех человек; девушек притесняет пьянство молодежи, им уже не найти приличного жениха (но этого вы знать не хотите); молодого ученого притесняет политик в области науки, его зарплаты может хватить только на дешевую любовницу, но не на многодетную семью; продовольственные товары мы едим по большей части *оттуда*, собственную пшеницу радостно продаем *туда*, чтобы хватило на новый мобильник... скучно продолжать обвинения...

4. Призываю ли я выкопать танк Т-34 и его отремонтировать? Нет. Даже на Пикник я и сам временами уезжаю – но жизнь требует от нас подвига и напряжения, а не только наслаждения бесконечным сном. Но спасем ли мы себя и других христианским подвигом устранения от жизни, даже спасем ли себя простым *неучастием во лжи*? Этого мало. **Надо проснуться!**

5. Надо полюбить Россию **дейтельно**, а не умозрительно. Надо ее, наконец, **понять: почувствовать сердцем, понять умом** Мне уже начинает казаться, что только я не слышу – ибо почему только я вижу тех, *кого притесняет всякая сила и всякая власть* – а вы их не видите? Почему я везу в деревню вещи обездоленным деревенским деткам, а вы их не видите? Почему чужая боль болит в моем сердце, а ваше радостно бьется...

Но хватит обвинений, не вы и виноваты – но все же и вам **надо проснуться!**

И вдруг раздался телефонный звонок. С женщиной средних лет состоялся интересный разговор по телефону и мы даже поспорили.

Мы оказались на диаметрально противоположных позициях. У нее трое детей и все трое получили прекрасное образование. Ее собственная жизнь

благополучна. Радуют и муж, и дети, и внуки. Кто хочет, кто старается, тот получает и знания, и просвещение, делает карьеру, преуспевает во всех отношениях, даже помогает другим – как вера помогает верующим, по мнению лютеран). (Любопытный рассказ я услышал на заседании евангелического общества в конце девяностых годов. Респектабельный человек поспорил с сыном, помолится Богу и Бог ему поможет: его сын покрывлся струпами – для вразумления! Но так как большинство избаловано жизнью и не хочет трудиться, то это несчастное большинство несчастно и не устроено. Во всем виноват человек, как началось с злополучной Евы, так до скончания века.

Вот я лично жалею плачущего человека и пытаюсь его утешить. Но иногда меня захлестывает негодование, мне хочется, чтобы эти благополучные вдруг проснулись, услышав толчок и треск, и увидев, что их счастливый Титаник пошел ко дну. Не обстоятельства меняют жизнь человека, круша **самодовольное упоение собою**, а даже Богу наконец становится невыразимо противно лицемерить самодовольные лица.

В нашей стране миллионы сидят в тюрьме, каждый второй приговор несправедлив, уже в начале следствия подозреваемого впахивают в камеру мордой на нары, а на суде он сидит в клетке, как Пугачев – самодовольный весело заявляет, что его это не коснется. А жаль. (Впрочем, коснется и его, потерпи, миленький, и ты скоро узнаешь, почему фунт лиха!).

На наших дорогах на тысячу автомобилей в десять раз больше несчастных случаев, чем у других, потому что дороги гаже, обслуживание их хуже, мент ищет, где получить, а не как помочь. Нет, восклицает самодовольный, мы сами виноваты в своих несчастьях, надо исполнять правила, слушаться царя, священника, жандарма, охранника, Бога, даже грабителя и разбойника, и всё будет превосходно. Ну, конечно, это русский народ в большинстве своем развратился и хуже других, оттого и живет плохо, и бабы у него не рожают, несмотря на все усилия правительства и его уже беспредельно наглых воровчиновников.

Впрочем, спор наш бессмыслен, слова не меняют ни лед ни пламень, слова не заставляют немилосердного стать милосердным, а бесчестного честным. Даже Христу, якобы посланному Богом для вразумления падших, вразумить никого не удалось, была ли его встреча с Савлом вразумлением Савла? Будущего апостола шарахнула молния, он ослеп, и прозрел по неведомому промыслу божию.... Может быть, в этом промысел и Христа? Но вразумил ли Спаситель кого-либо на Голгофе из тех, кто кричал: *Распни его!?* А кричали все... Изменило ли и христианство за полторы тысячи лет европейское человечество? – не так ли и Жанну распинала в Париже Франция, а евреев повсеместно истреблял обезумевший немецкий народ, как в начале веков евреи распяли Христа, а с пришествием Лютеранства немцы истребляли сами себя? В начале двадцатого века и русский правящий класс самодовольно взирал на происходящее, поучая отставших (тех, кто отстал от прогресса). Иоанн Кронштадтский поучал неверных, Иванов-Разумник поучал верных, Толстой учил христиан, а Горький босяков, и все учили несчастный народ, отправляя его на войну.

Я жалею несчастных русских, изгнанных Революцией и Гражданской

войной из России, наиболее культурных и наиболее образованных (не скажете же вы, что Ленин был культурнее и образованнее Милокова... или хотя бы Колчака и Врангеля, а мелкий журнальный критик Троцкий образованнее Бунина и Мережковского или Шульгина? А Тухачевский и генерал Каменев талантливее и выше Деникина и Каппеля? Тем более Дыбенко и Крыленко и Антонов-Овсеенко? Все красные вожаки были по-своему самозванцы, все они были Гришки Отрепьевы, даже те, кто привлек внимание большевистских Мнишек – комиссарш Ларисы Рейснер и Александры Коллонтай.

И вот, жалея несчастных русских, изгнанных Революцией, я с удовольствием говорю: *Подделом!!!*

Споры бессмысленны, но что делать литературному критику и философу? Он ведь не бесстрастный монах (во всем противоположный Христу – и как этот тип людей занесло в христианство?!), он скорее инквизитор и революционер.

Однако, вопреки всяким моим стараниям осчастливить народ, образумить его, спасти и преобразить, я часто с грустью вспоминаю девятнадцатый век: а, может быть, рано освободили народ от крепостного права? И крестьянки рожали, и мужики работали, а не пили (не все пили), сохранялись особенности национального быта и народной культуры, жизнь была обогащена, как лес подлеском и всяческой живностью, ягодами и грибами, травой и кустарником – так существовали песни, обряды, былины и сказки, танцы и пляски, не одной работой был жив крестьянин и не одним хлебом, и не только верой в Бога, и не только молитвой, но язык и искусство пронизывали и наполняли его жизнь. Но как бедна сегодня обыденная и деревенская и городская жизнь! – как бедна жизнь тех, кто не читает, не пишет книги, не издает журналы, не ходит в театр и не слушает музыку!

Нет, мне еще далеко до учителя жизни, я не более чем ученик, хотя и яростно спорю. Я только отчетливее других вижу, что *жизнь сузилась*, человек сузился, не только до *одномерного человека*, но до *одноклеточного*!

Что делать и кто виноват? Виновных я как будто знаю, но поименовать могу лишь обиняками, то же и на вопрос «что делать?»

Разорванные нити в запугавшемся клубке я еще распутал не все – но эти мои слова не намекают ли на то, что Журнал – это мое частное дело, для удовольствия ли, самопознания, тщеславия, обретения пути и истины?

Нет. Но пора остановиться, пусть выскажутся и другие (хотя, возможно, самые разумные промолчат). А я расписываюсь в неспособности вывести вас из хитросплетений правды и лжи, тем более что наше время еще более отягощено невежеством и мракобесием, чем время Христа.

ОПРАВДАНИЕ ПОЭТОВ

... Упоминания об отношениях Пушкина и Булгарина избито, миллиард раз всеми говорилось, но что **Булгарин дружил с Грибоедовым** и помогал ему в жизненных и литературных обстоятельствах (а с Грибоедовым дружил Пушкин!), умалчивается. Аристократы отношения свои разрешали на дуэлях, представители же третьего сословия (Булгарин, Николай Полевой, Сенковский) были менее, так сказать, благородны. Впрочем, Геккерны (включая Дантеса) вели себя подлинно **неблагородно** (будучи аристократами), что Гюго отмечал в первую очередь.

Царь был солдафоном, это на поверхности, не случайно даже его собственное семейство дало ему кличку *Палкин* (за прямолинейность) – повторенную Герценом. Но был ли он прямолинейным? Крымскую кампанию мы проиграли по его вине, и с декабристами он поступил более жестоко, чем ожидало от него общество, но его Следственная комиссия предлагала еще более суровый приговор.

Заговор с убийством Пушкина и с гонениями на него правительство, что идет от **советского** пушкиноведения, я не трогаю, пусть каждый верит как хочет, тем более что темных сил в мире и впрямь предостаточно, вон журнале печатались статья Мурикова о масонской февральской революции – так ли это, я сам не знаю, но что-нибудь и я и другие можем узнать только из сопоставления множества взглядов. Итак, темные силы травили Пушкина (хотя его никто не травил), убили (... хотя я считаю это маловероятным, а более склонен видеть в несчастных обстоятельствах осени и зимы с 36 на 37 год жажду Пушкина к смерти, для многих почти очевидную. Как киты выбрасываются вдруг на берег и погибают, так и Пушкина стал вовлекать УХОД – как Толстого в конце жизни, как Лермонтова даже в ее начале).

Сопоставляются Лермонтов с Пушкиным в наше время как жертвы царизма – и получается почти революция!!! Революционера Пушкина убили, но еще более радикальный революционер Лермонтов за него отомстил! Но из творчества и Пушкина и Лермонтова следует абсолютно ясно только их противостояние мещанской буржуазности, их аристократическое высокомерие (поэт и должен быть на стороне аристократии, и хотя я крестьянин, но с ними). Правда, я «свою Натали» не тащил бы на аристократические приемы, потому что я и аристократию часто презираю (хотя она неоднородна, Корф – и Вяземский, Пушкин – и Филарет с Бенкендорфом, Лермонтов – и Николай Палкин...)

Если Пушкина преследовали, то кто именно? И при жизни и после смерти ненависть сопровождала Лермонтова, его и в его время многие не любили, он был высокомерен, его и царь не терпел (как и Сталин!), но никаких заговоров со стороны правительства по отношению к Лермонтову быть не могло, потому что все семейство Николая Палкина обожало Лермонтова. И в целом та часть общества, с которой Лермонтов был связан, была влиятельна, они были все и родовиты, и богаты, и Лермонтов стал известен русской публике не только благодаря своей гениальности (как и Пушкин), но через издания своих сочинений, не нуждающихся в царских субсидиях. (Моих современ-

ников вместе со мною даже и убивать не надо, общество нас просто знать не знает и не хочет знать. Что же это за общество? Насколько выше в таком случае Бенкендорф и Палкин!

Сложно с христианством Пушкина. Почти никто из русских поэтов и писателей девятнадцатого века христианином не был, поелику и весь век был атеистическим. (В двадцатом происходила замена религий).

Когда умирал друг Пушкина князь Вяземский, царица (супруга Александра Второго) буквально стояла перед ним на коленях, умоляя примириться с церковью и причаститься (посылала ему в Германию депеши – не знаю, по семафору их передавали, что ли?) Но князь остался непреклонен. Пушкин же умирал, оставляя свою семью в долгах и в неопределенной будущности, фрондировать на смертном одре ему, как Вяземскому, было неуместно. Мировоззрение великого человека все заключено в его творчестве, **в поведении**, в жизни и в обстоятельствах смерти. Он умер, защищая свою честь, честь семьи и жены. Но нет ничего более ненавистного христианству, нежели **честь и гордость**, которые в богословии называются гордыней (*Пушкин погиб, обаянный гордыней* – это я слышу от многих сегодня. А почитайте, что пишет о **чести** Игнатий Брянчанинов, современник Пушкина, поневоле станешь атеистом и богоборцем!)

Таков же и Лермонтов. И если уместно вспоминать о Лермонтове в связи с Пушкиным, то можно сказать так: *следующий за первым пророком* несомненно видел в них обоих сходство, и защищал *единомышленника* – во всем (хотя, конечно, Пушкин был более мягок, чем Лермонтов).

Возможно, **темные силы** и впрямь преследовали сначала Пушкина, потом Лермонтова, потом Достоевского (он умер в шестьдесят лет, в расцвете творчества, не дописав даже до середины свой главный роман – Братья Карамазовы) – но это **трансцендентные темные силы**, чернь чаще не замечает гения (что и спасает его от возмездия Третьего отделения, ЧК и КГБ).

Справедливо ли называть Пушкина **создателем** русского языка? Стихи Жуковского, Батюшкова, Вяземского, раннего Тютчева, Дениса Давыдова, «Конек Горбунок» Ершова писаны на том же языке, что и у Пушкина. (Кстати, родным языком, то есть языком первых лет жизни, у Пушкина был французский. Кстати, и Татьяна Ларина лопотала сначала на французском, не зная русского). 18 и 19 век много сделали для развития языка (и сам Пушкин – несомненно): **военная терминология, инженерная, математическая, философская** (Киреевский, Павел Бакунин) – тысячи слов вводились в язык блестящими философами и учеными, предшественниками и современниками Пушкина. Даль, лечивший Пушкина после дуэли, собрал гигантский свод не только словарный, но и свод пословиц, поговорок, заговоров и пр., а также сказок и былин (а еще более другой Киреевский). При Уварове построилась Пулковская обсерватория, но современный астрономический язык создавался еще Ломоносовым. (Кстати, я написал **Учебник высшей математики**, писал его восемь лет, языком его горжусь, от

математиков слышал только восторженные отзывы – но этот Учебник не издан. Так не лучше ли быть гонимым Бенкендорфами и Геккернами, и быть убитым на дуэли, но быть принятым министерством Просвещения, как был принят Пушкин при Уварове? И хотя и *«хорошо, что мира липкой лестью я не был схвачен, даже не убит!»* – но хорошо ли, что не убит? – ибо *«чем я возражу [этому миру], пока я не убит?»*

В человеке совмещены поэт, гражданин, соучастник, сотрудник (семьи, общества, близкого круга), эти три его личности не совпадают, но гениальный поэт (как и гениальный писатель, философ, ученый, полководец) определяется в наибольшей степени своим творческим началом, а не поведением и взглядами на мир. И все же, я имею право, крестьянский сын, живший в эпоху бесконечно более жестокою, лживую, лицемерную, низкую, чем эпоха девятнадцатого столетия (правда, хотя и возвысившая дворянство над народом, но не уничтожавшая народ) – упрекать дворян за расточительность богатства (от крестьянского труда) в карточной игре и чрезмерных нарядах их жен. (Правда, нынешнее время, *возвысившее не дворян, а временщиков и казнокрадов*, а то и просто бандитов, расточает богатства, ограбив и народ и природу, еще неизмеримо больше, чем навязшие в ушах пресловутые казнокрады 19-го столетия (и Карамзин **никогда** не говорил свою знаменитую фразу: Воруют, но я зато постоянно повторяю при оценке нашего века: **Всё также подличают и лгут!!!!!!**))

Но надо ли затевать разговор об **оправдании человека**? Чем мы оправдываем его со стороны, современники и историки, философы и друзья? И если оправдываем, то достаточно ли нашего оправдания, или надо ему оправдываться и самому? Несомненно!

Апостол Павел утвердил как главное **оправдание христианства**, что человек оправдывается (то есть искупляет свою первородную вину – вину, которую следует назвать **клеветой на человека** – и именно это и есть завязка и закуска христианства, а вовсе не Христос, ибо он пришел только *вследствие* – и именно это объясняет, почему я не христианин – ибо пришел Христос спасти человека вовсе не от того, от чего его надо спасать!)... итак, *человек оправдывается верой в Бога!* Будь ты хоть трижды мерзавцем, но если веруешь, то именно этим уже оправдан! Более того, при рождении уже предопределено, будет ли человек оправдан – так можно и не верить?!!!

Апостол Петр ему возражает, что *человек оправдывается делами*, и Павел ему отвечает уже ожесточенно, что тогда последователи Моисея, исполняющие Завет, оправданы, и зачем же приходил Христос? И действительно – зачем?

Разумный человек тут же бы и заметил, что существует два *не совместимых* учения (при одном невероятно противоречивом Христе, который то призывает *любить ближнего, то есть единоплеменника*, и кланётся, что пришел спасти свой народ, то начинает его проклинать и страшать геенной и варом и смолой! То говорит, что пришел к грешникам, то страшает, что *при Страшном суде ни один не спасется, ибо нет праведников*,

ни одного! То показывает, что ему ненавистны родственные узы, не выйдя на встречу с матерью и своими братьями, то на свадьбе даже воду превращает в вино, мол, что-то человеческое и мне не чуждо. То называет себя «сыном человеческим» (отвергнутым своим народом, ибо ему даже негде приклонить голову), то сыном Божиим, который его и принес в жертву за народ. (Тут страсти кипят даже пуще, чем в любимом моим поколением романе «Овод», где Монтанелли метался между любовью к Богу и любовью к сыну, а сын метался между любовью к отцу и любовью к революции).

Павел и Петр возвещают противоположные Учения, Христос – словно бы орудие всех одновременно исторических сил, потому-то и противоречив, абсолютно не целен. Я о его нецельности говорю не в порицание, ибо разве А.В. не заметил, что противоречив и я, и моя дисгармония – это и есть моя сущность? **Народ** свой я то проклинаяю, то клянусь, что это именно я пришел его спасти (в первой книге Исповеди). **Род** прославляю, и отца и мать выставляю в качестве идеала (в книге «Поиски длиною в жизнь»), но окружаю себя толпою очаровашек, притом вовсе не блудниц, а изначально отказывающих мне в природной любви (во второй книге Исповеди: «Путешествия во времени»). И даже чудеса совершаю, издание НРЖ А.В. определяет как моё главное чудо.

Но есть ли у меня Апостолы? Они несомненно есть, я пока их не сосчитал, только это апостолы не мои, не мною поставленные. Мне было поручено издание НРЖ, они явились (незваные) со стороны и впряглись в неподъемный груз. И каждый несет свою собственную **пургу**, отличную от моей, так что вместе мы взвихрили невиданную **Метель**. Неважно, сколько и что у нас общее с христианством, марксизмом, народничеством (национализмом) – общее несомненно есть, что и доказывает нашу историчность. Возможно, мы тоже Миф, но наш Миф не религиозен, он **внутри литературы**. (Впрочем, как понимать религиозность...)

Нашей общей литературной деятельностью мы и спасаемся, **творчество и труд, благие дела** – а то, что вызвано вдохновением и заботой о других, не может не быть **благим** – вот основание нашей **веры**.

Следовательно, нашей целью является не просвещение народа, и даже не его преобразование и спасение, а **созидание**... Оно не бесцельно, оно не игра, не шутовство... но мы не стремимся к пользе, для себя и других, ибо нам ("по большому счету") неважно, принесут ли наши творения деньги или признание (*оно в нас самих*, по словам Пушкина). Нами движет **любовь** к искусству (и даже к истине, хотя во-вторых), возможно, мы оправдаемся (спасемся), возможно, спасем народ, возможно... Но не все карты пора открыть, а то мы проиграем... По крайней мере, А.В. меня оправдал, а он и другие (сотворствующие) оправданы мной заранее. ... (многоотчие)

ЛИЧНОСТЬ И НАРОД

Что такое личность и что такое народ, каковы взаимоотношения между ними – об этом я размышляю и хочу понять и глубинную природно-культурно-историческую связь этих двух явлений-сущностей, но и связь надприродную и наджитейскую, метафизическую... нет-нет, даже не так – связь даже не только поднимающуюся над физикой бытия, над его материей, но поднимающуюся над идеей насущного существования, ту связь, которую после Канта и называют **трансцендентной**, существующей даже над частными свойствами, сверх них: вне племени (этноса), вне истории (течения времени), вне культуры (особенно в ее наличном пребывании, в украшении быта), вне пола (хотя, конечно, пол в отношении к народу... ?), вне материи (отдельный человек *неразрывно связан с телом*, вне тела он ... ммм... об этом поговорим позже, в нашем видимом мире будем учитывать реалии видимого мира, в котором человек *неразрывно связан с миром*, а те, которые начинают нести псевдорелигиозную ахинею... у них, как правило, нет никакого опыта, ни научного, ни метафизического, ни сакрального, ни ...) ... итак, личность и народ связаны, одно порождается другим, что в них первично, что вторично, пусть об этом спорят марксисты... но я размышляю о народных основаниях личности по многим причинам, совсем не праздным, в том числе в связи с необходимостью понять, как найти путь к сознанию *одномерного человека*, как в моей деятельности поэта, философа, редактора и издателя быть понятым. Конечно, меня надо читать – но я же пишу?! Конечно, то, что я пишу, должно быть привлекательным? Но вот я пишу, что народы взаимопроницаемы, но хотя могут перемешиваться семьи, роды, племена, но черты характера и привычки и даже язык более консервативные стихии, и сколько бы в русских иные идиоты ни оттирали татарина, но вот читаю Аввакума, и вижу, как был русский русским, а не немцем и даже не татариним, так им неизменно и остается... или читаю, как в 1381 году пошли русские в поход на татар, уже после победы в Куликовской битве, пришли на Волгу, расположились по деревням, отдохнуть, браги попить, баб потискать... гуляют, радуются жизни... а тут татары ударили! Русские и побежали. Татары взяли Москву, сожгли ее, русские побежали далее, до Вологды... Какое перемешивание? В чем и когда изменялся дурной русский тип? Вот хороший изменялся точно, умников почти всех перебили, остался один, да и то скрывается...

Итак, что значит *народность* (а я именно *народник*, националист, притом «махровый») – это мне важно понять прежде всего для того, чтобы найти взаимопонимание с миром, понять мир и жизнь во всей глубине их сущности.

Это мне важно еще и для того, чтобы вступить в диалог с теми, с кем я живу бок о бок, ибо пока никто меня не слушает или не дослушивает до конца.

Понимание и непонимание объясняются еще и некоторыми школьными знаниями, хотя бы до четвертого класса. Вот, например, приезжает инспектор из РОНО проверять мою работу учителя, а я объясняю школьникам, что некто стал тратить на 25 процентов больше, увидел, что живет не по средствам, и

траты уменьшил на 20 процентов, чтобы вернуться к прежнему – так надо же, чтобы вернуться, на столько же и уменьшить, на сколько увеличили, то есть на 25, восклицает инспектор и стучит мне по лбу указкой! – хорошо еще, в учебнике был ответ, и в нем напечатано было по моему. Мда, и в учебниках опечатки бывают, заметил инспектор, но сразу из школы меня выгонять не стал. Вот так и солнце идет слева направо, а умники нас дурачат, будто это земля вращается справа налево, вот так и землю, как ни посмотришь, Бог сделал плоской, а умники...

Конечно, мое несчастье в том, что родился я умником, а умников народ страшно не любит (как рассказал нам даже Шукшин в одном из своих рассказов), поэтому и Спаситель, чтобы стать ближе к народу, обличал и умников и фарисеев: «затем, обращаясь к *фарисеям и книжникам*, Господь сказал: «Горе вам, *книжники и фарисеи*, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам!»» Как сказано во всезнающем интернете, «**Фарисеи** – это религиозная группа, которую отличало неукоснительное выполнение Закона, *следование обычаям предков* ... Саддукеи – религиозная группа иудеев, состоящая преимущественно из священников и иерусалимских аристократов. Саддукеи отрицали «устное предание» **фарисеев** и не верили в воскресение мертвых, а также в существование ангелов и демонов.». [Кто из них более влиял на христианство? Апостол Павел «еврей от евреев (как он сам говорит о себе), из рода фарисеев ... На суде у царя Иудейского, когда его было приговорили к битью батогами, он возразил, что если об этом узнают римские власти, то горе будет сему царю, ибо Павел римский гражданин, а для них *телесные наказания запрещены* (за тысячу семьсот лет до просвещенной Екатерины и Великой французской революции). И в подтверждение сего предъявил римский паспорт «Я за большие деньги купил его!» – сказал царь – «А я и родился с ним», возразил Павел. Л.Л. всё сетует, что я обращаюсь к прошлому, «в котором все устарело», а не к современности – но неужели не для всех очевидно, что и в античности и у Пушкина я нахожу примеры для всех моих возражений, только вы не хотите их слышать, а в *современности* ничего не найти, настолько она *тупа и одномерна!*]

Но **народность** важнее даже знаний. В споре с немцем, опирающимся на арийство и меряющим форму черепа, я возразил, что в немцах 25 процентов славянской крови, и это установили их же ученые, а во мне нет ни одной капли немецкой крови (хотя *лучший русский – это немец!* – и это мои слова.)

Природные русские (или думающие, что они русские), предлагают уничтожить европейскую науку, сапоги мазать дегтем, пить чай из берестяных чашек (нет, вместо чаю пить таволгу), слово «русский» отринуть, заменив на *русич* или «древлянин», современный русский язык отринуть тоже, и поклоняться вместо Христа сначала Марксу... нет, Кобе... нет, опричной банде и ее Малюте... в крайнем случае, Берию... нет, золотому тельцу, как ныне!... Пушкина (он ведь жид!) бросить с корабля современности, Даля выбросить вместе с его словарем, он ведь даже не немец, а только датчанин, Солженицына и Шафаревича (Игоря Ростиславовича), «оба евреи», как установили в ЧК, – заменить на Демьяна Бедного... – *трудно*

быть русским в России! Я уже подумываю, не сжечь ли мне мою поэму «Я русский!» и не перейти ли в евреи? Говорят, что и Гете и Вагнер тоже обращались в ведомство Розенберга с просьбой изменить им национальность, а Бетховен просил вернуть старую – «гугенот»...

Игорь Ростиславович сокрушался, что я так переиначиваю его идею о двух народах, и в Большом народе нахожу лишь тлетворное, а в малом – доброе, но я вырос в маленькой деревушке, где все на виду, и воочию видел оба народа и их впитал и в кровь и в плоть и даже в нетленный дух. Большой народ, ленивый и тупой, сплошь из грязнуль, из невежд, из воинствующих мракобесов, из пьяниц и верноподданных – конечно, я не любил. Но я учил в школе детей, этих ангелов божиих, рожденных своими беспутными пьяными отцами и несчастными забытыми работающими день и ночь матерями, и я жалел и тех и других. Мне приходилось пить самогонку (а то и тормозную жидкость) с их грубыми и жестокими отцами – и представьте себе! – мне становилось жалко и этих. И когда-то я понял, что обличая всех, как Христос, мы не построим ни коммунизм, ни царство божие ни на земле ни на небе. Отрицая мир и в посмертном небытии находя отраду, мы не построим даже приличный вертеп.

Я знаю, что мог бы сделать для людей лично я: если бы нашлось хоть несколько богатых людей, и они помогли бы мне хотя бы работать учителем в школе (а меня этот мир отовсюду изгнал!), я воспитал бы несколько умных и образованных учеников (как Аристотель в Ликее, как плеяда учителей в Лицее в Царском селе), мы посадили б хоть семечко, из него бы выросло Древо, новая Ева съела бы *плод познания добра и зла* и умными бы стали и ее дети... И если б нашелся хотя бы один богатый, захотевший попасть в царство божие, он бы дал денег на Новый Русский журнал, из него бы выросло новое племя русских.

Не надо объяснять, что большевизм вместе со Сталиным или во главе с ним был слишком жесток и истребил слишком многих – *народу это не понятно*. Но Сталин как дурной подметальщик улицы произвольно перемещал народы, переселял чеченцев, крымских татар, ингерманландцев, поволжских немцев, русских крестьян (под именем кулаков). В теперешних моих деревнях, в Сушилове и в Перелогах, живут переселенцы из под Новгорода (злополучный Новгород, еще Иван Третий переселял их под Тверь, потом Иван Четвертый их сплошь перебил, заселив опустевшие земли тверскими, и вот на болота пригнали девок из Новгорода, болота засеяли льном, потомки их теперь уже коренные, но лен больше не сеют... и ничего не сеют. А свалки устраивают на околицах деревень). И я жалею народ, а обличаю его безумную власть, Христос же призывал к обратному, он велел покоряться власти, ибо она от Бога (от кого же тогда его Бог?), и ждать конца света...

Но я размышляю об отношениях Личности и Народа, несмотря на дурное время толерантности и исчезновения европейских народов. ***Народно самосознание человека***. Вне народности мы и не можем понять друг друга. Читаю ныне Роман об Индии, и понимаю, что мне абсолютно ничего не понятно, даже если бы я знал индийский язык, взаимопонимания б я не нашел. Человечество НЕ существует, как не существует общечеловек, а отдельно мужчина и женщина, хотя мы и дополняем друг друга.

На днях я написал статью о поэте Владиславе Ходасевиче ("этом *еврее*", сказал мне мой единственный русский читатель – это сказал он, русич, мне, *русскому из русских*, как апостол Павел, и даже антисемиту, как мне меня самого объяснил мой старый товарищ Виктор Файнберг, ибо ты, он сказал, **украшение антисемитизма!** ... так, может быть, мне пока «не возвращаться» в еврей?) Выдающийся поэт на треть еврей. Хотя я обо всем этом все уже написал, но меня или совсем не читают, или не хотят понимать ни слова! – а я только что перечитывал, и *пришел в восхищение – гениально и то, что написал Ходасевич, и то, как объяснил его я.* Не знаю, где читатели находят себе лучших авторов... Часто полукровки (или просто дети смешанных браков) более остро переживают размышления о своей народности, и кичливость в этом отношении иного кvasного «русского» меня даже бесит – найти себя не просто, да искало ли себя большинство, бездумно думающее, что они русские, или марксисты, или христиане – а потом даже не поворот, а дрожание исторических весов – и от их принадлежности и от их веры не остается даже пылинки!!! То, что не выстрадано, не стоит **ничего!** Ни рождение, ни смерть, ни любовь, ни народность, ни вера, ни мировоззрение.

«Существенным надо считать представление самого поэта о своем происхождении и о том, к какому народу он принадлежит.

"Не матерью, но тульской крестьянкой Еленой Кузиной я выкормлен. Она Сивальники мне грела над лежанкой, Крестила на ночь от дурного сна.

Она меня молитвам не учила, Но отдала мне безраздельно всё: И материнство горькое свое, И просто все, что дорого ей было.

Лишь раз, когда упал я из окна, И встал живой (как помню этот день я!), Грошovou свечу за чудное спасенье У Иверской поставила она.

И вот, Россия, "громкая держава", Ее сосцы губами теребя, Я высосал мучительное право Тебя любить и проклинать тебя.

В том честном подвиге, в том счастье песнопений, Которому служу я каждый миг, Учитель мой – твой чудотворный гений, И поприще – волшебный твой язык.

И пред твоими слабыми сынами Еще порой гордиться я могу, Что сей язык, завещанный веками, Любовней и ревнивней берегу...

Года бегут. Грядущего не надо, Минувшее в душе пережжено, Но тайная жива еще отрада, Что есть и мне прибежище одно:

Там, где на сердце, съеденном червями, Любовь ко мне нетленно затая, Спит рядом с царскими, ходынскими гостями Елена Кузина, кормилица моя."»

Что принадлежит каждому человеку? Две бытийности.

Его **происхождение** и принадлежность, т.е. народ, язык, культура, семья, сословие, богатство или бедность, даже в некоторой степени наклонности, характер, способности, отчасти его познания и образованность.

И он сам как таковой, т.е. и способности, характер, образованность и познания, отчасти язык – в дополнение к тому, что он получил через происхождение. Человек двояк: он как таковой, добрый или злой, умный или глупый, и он как человек, получивший наследство. **Образование** в значительной степени ему не принадлежит. Сбегая за кордон или уезжая, гражданин грабит свою страну, он вывозит результаты народного труда, мы все в него вкладывали, давали в долг, который он должен был возместить или отработать, а он забрал всё НЕ своё безвозмездно.

Справедливо было бы его не отпускать совсем, или отпускать за выкуп. Да и с какой стати считать, что гражданин от своего народа и своей страны свободен? У него есть самый главный **долг**, даже более первичный, чем перед родителями и детьми – **долг перед Родиной**. Ведь в случае войны родина призывает его в армию и отправляет на смерть. Имеет ли она на это право? Безусловно! Тарас Бульба у Гоголя говорит сыну: Я тебя породил, и я тебя и убью! Все страны (и народы) мира отчуждают у личности право на безраздельное владение и распоряжение собственной жизнью, но христианство подменяет право народа на своих детей правом Бога на них (который только у еврейского народа является народным богом, но более ни у какого). И апостол Павел, изменяя своему народу, *обольщенный* «прекрасной полячкой», завершает измену оправданием: *ибо несть отныне ни еллина, ни иудея, а все мы во Христе братья* (но я уверен, что стоеросовые христиане, которым не понравятся мои рассуждения, за брата меня не считают!)

И все же в народе не два, а три разных народа, и кроме аристократии и простонародья, повторяющего бездумно клише и призывы жреческой власти, есть еще *кичливое самодовольное благополучное меньшинство*, которому просто повезло **устроиться благополучно**, и они думают, что они избраны самим богом благоденствовать и высокомерно поучать неприспособившихся. Но одни из них – бандиты и воры, мошенники, казнокрады, взяточники и лихоимцы, государственные служащие, чиновники высокого ранга, менты и прокуроры, начальники тюрем – другие: *обслуга высокопоставленной швали*, их личные парикмахеры, портные, биографы, речеписцы, смехачи и трепачи, телохранители, дворецкие, мытари (сборщики налогов), жрецы и священники, пропагандисты и журналисты. Никто из благополучных, нас обличающих в **неумении жить**, не вырастил ни одного зернышка, не вылепил горшка, не выковал подковы, не вбил гвоздя в стену. Ученый и философ, может быть, тоже не пашет землю, и лопата и плуг обязаны ученому, всегда менее благополучному, нежели "обслуга" – и эти шестерки смеют нас обличать, хотя бы и нищих. Не раз я слышал, как рассуждают о том, что женщинам из многодетных семей надо запретить рожать, чтобы *не плодить нищету* – этих женщин я бы послал в бордель или на рыгье окопов. Благополучных и самодовольных я ненавижу больше всего, больше пьяниц и лентяев, даже больше, чем идиотов, часто повторяющих: вот этот управляет плохо – но кто вместо него? Некому!

Так чем же я оправдался? Тем, что не люблю власть. Не люблю хамство и ложь. Не люблю невежество, претендующее на учительство. Не люблю низость, жестокость, грубость, равнодушие к страданиям народа.

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется – но нам сочувствие даётся, как нам дается благодать.»

Еще я оправдываюсь *любовью* и способностью *прощать*, даже виноватых. Иногда человек говорит или делает что-то не так по глупости, по незнанию, по робости, застигнутый врасплох – я не настаиваю на их обличении. Даже равнодушных я готов простить, в надежде, что и у них еще наступит прозрение. А сбежавшие еще вернуться, иные сами, иные под конвоем... И если я спасу для России хоть одного заблудшего, этим я оправдаюсь до конца..

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ ДРУЗЕЙ ПЕРЕД КОНЦОМ СВЕТА

26 июля 19 Большой гладиатор приветствует друзей!

Я понимаю, что в бедах России вы не виноваты, возможно, не виноват и русский народ, но все же он меня изумляет. Когда Иван Третий бил и душил тверитян и новгородцев, они не сопротивлялись; когда Иван Четвертый растерзал патриарха Колычева, церковь хотя и объявила патриарха святым, но не роптала; когда он душил, жег и топил новгородцев, население покорно стояло перед ним на коленях (возможно, полагая, что наместник бога на земле **вправе** их терзать). Мое послевоенное детство наполнено воспоминаниями о ночных воплях женщин, которых избивали победители, вернувшиеся с войны (в романе "Боль и любовь" я об этом писал, но смягчая суровую правду).

Сегодняшняя Государственная дума отказывается принять **Закон о защите детей и женщин от насилия**, но даже мои бывшие подопечные из соседнего села, которых я подкармливал, от нее страдают, старшая замужем уже за вторым, и этот ее тоже дупит, кроткую и хрупкую как тростинку, ее сестрички и подружки клянутся, что и замуж выходить не будут (или она, непьющая и не гулящая, хуже этого пьяницы, бездельника и придурка?). Первого мужа она выгнала, со вторым помирилась, хотя у нее пропало молоко. Да и в моей деревне я знаю до мельчайших деталей подобные же истории, мамы этих несчастных дочек ходили к нам выпить и поплакать...

Горит 900 тысяч гектаров леса в Сибири, дым уже в Поволжье. Что делает правительство? оно развивает "**нанотехнологии**", промышленность в России исчезла, нанотехнологии проели десять триллионов и отвалились...

Кому же пожаловаться?

Я ругаю народ за то, что он стоит на коленях и еще колени царя лобызает. Меня за это ругают. Будто бы Ремизов не ругал народ в сто раз пуще, как и другие, но их прощают. Или их уже давно забыли?

Возможно, мы с вами ни в чем не виноваты, но пожаловаться некому.

Володину книгу начал читать, но уехал в деревню, там меня начало мучить сердце, вот почему в семь часов утра я пошел косить траву на поле за баней, сердце утешается ритмом косы, точно так же как и музыкой, но в деревне нет интернета, нет и музыки.

Конечно, я мало успеваю, вот почему так медленно исполняю то, что должно.

... да еще приехал товарищ, он ездил на рыбалке, там они пили палёную водку (это вам не Москва), "жилистый мужик", он выдержал испытание. И все же мне предстоит ему показать пример безалкогольного добродушия. А для серьезного ЧТЕНИЯ чужих сочинений нужно настроиться!!!! – что толку, что я пробегу двести страниц и промямлю на страницу, нужно ведь **СОПЕРЕЖИТЬ!** вот я в деревне сарай покрывал жостью, гвоздодер (типа ЛОМА) сорвался, и со всего размаху въехал мне по голове! Как она затрещала! Но какая голова! Выдержала!

После этого я снова принял решение жить долго и счастливо, несмотря ни на что, несмотря на нашу людоедскую власть.

Перечитывал альманах «Русские страницы» – семнадцать номеров – на самом деле я счастливый, но пользуюсь случаем, протягиваю благодарную руку и больное сердце друзьям. Александр Васильевич М.! Пользуясь случаем: я восхищен вашими статьями, и алмазной точностью отделки!

Слава! Овсянников. Тебя не хвалю, ты и так хорош, да и некогда, опять Володя скажет, что время на свои бездарные письма нахожу, а на его стихи времени нет – но как раз я начал читать и стихи и прозу, только ведь я читаю медленно...

Разговоры и письма отнимают конечно, время, но в них я утешаюсь, это мой способ самолечения.

Я отношусь к вам серьезно и надеюсь со временем стать вам полезным.

Был на выставке авангарда 1910 - 1914, хотя и вторично (как мне показалось) сравнительно с классикой (Бенуа, Серебрякова, Малевич, Петров-Водкин, Фальк. Коровин и так далее), но о ней надо написать в журнал!

Читаю статьи Татьяны Москвиной, вот она пишет про кого-то: *«Да ему даже в голодный год ни одна баба не даст!»* – будем равняться на нее, чтобы нам... и потому необходимо что-нибудь написать о злодеях, чтобы обличить зло.

Итак, начинаю: выздоравливать, успокаиваться, становиться лучше... Встречался с внуком (ему пять лет)... Жизнь не обходит и его своими поучениями, но он предлагает такие тонкие решения проблем (вроде пробуравливания Земли насквозь, чтобы оттуда смотреть на облака), что, возможно, мы все же ПОБЕДИМ!

Ваш неуклонно преданный нашему сообществу ВИ

Привет, Слава! Ушел в отпуск на две недели и отключил телефон.

Поколение, к которому я принадлежу, это "дети войны" (то есть родившиеся или зачатые в войну), юность которых пришлась на шестидесятые годы, мы были последними "романтиками" советского времени, Молодежь Целины, Космоса, "Лицом к лицу с Америкой", Карибского кризиса и надежд на молодых революционеров Кастро и Че Гевары. А "Шестидесятники" в литературе и искусстве – это предыдущее поколение, не единообразное, Вознесенский, Евтушенко, Рождественский, Белла Ахмадулина, Аксенов... Поколение молодежи, пошедшей на войну, психологически нам понятнее, и мы с ними подружились, они стали нашими воспитателями, по крайней мере для меня, там и Эрнст Неизвестный, и Твардовский, и Солженицын, и Виктор Астафьев, и Виктор Некрасов, и Шафаревич, и мои собственные друзья-воспитатели Юрий Борисович Перепелкин, Михаил Андреевич Гневушев...

Поколение после нас, к которому принадлежат Гайдар и правительство и современные властители дум, обаянные демоном сталинизма, родившиеся в канун его смерти или сразу после нее – наши антиподы.

Удивительным образом МОЁ собственное поколение не сыграло НИКАКОЙ исторической и культурной роли, и даже само растерялось, иные шарахнулись в сталинизм, изобрели богов из Ивана Грозного, Григория Распутина, Петра Первого, Сталина... Людей талантливых среди нас было много, но мы ВЫПАЛИ В ИСТОРИЧЕСКУЮ ПРОРЕХУ. По настроению Загинало, Человекопада, Человека за бортом видно, что мы раздавлены двумя глыбами: поколением Горбачева-Ельцина, продавшим Россию, и поколением юрких комсомольцев новой формации, получившим у тех руль корабля и проматывающих наследие дедов и отцов. Ледокол Титаник России, если МЫ ВСЕ не опомнимся, ПЕРЕВЕРНЕТСЯ в Смутное время и вероятно затонет. Я хочу успеть прокричать свой поздний УПРЕК своему народу, который не хочет смотреть в лицо страшной действительности.

Но сегодня я пытаюсь усмирить свои упреки, не надо думать, что я человек войны, я хочу соединить ВСЕХ, и "евреев"-антисталинистов, и безумных русских, прославляющих Ивана Грозного, который Россию и добил, так что она и впаля потом в Смутное время, и даже запоздалых большевиков в духе отчасти (кажется) Удальцова.. Но надеюсь я на новую поросль, среди них растут гении... ВИ

Письма октября-ноября. Александр Медведев

Большому гладиатору салют, здоровья и крепости духа!

Трудно мне так судить о событиях давней поры, когда новгородцы, тверяки, рязанцы и суздальцы бились друг с другом, как судите Вы, Василий Иванович. Не дана мне Ваша подзорная труба, чтобы распознать, кто прав был в истории нашей, кто виноват, где злодей, а где ангел-истребитель, кого жалеть, кого проклинать. Все хороши! Сказал же, кажется, тёзка мой, Александр Хейг про латиноамериканского диктатора: Да, он сукин сын. Но он наш сукин сын! А мы, чистюли, чистоплюи, своими кобелями брезгуем, на чужую псарню заримся. В этом какая-то непоследовательность, да, кажется, и неполноценность наша.

Да что история.

Вот, сейчас. Прокис вдруг мой скепсис по отношению к высказываниям режиссёра А. Сокурова о состоянии современной России, – всё-то ему не так, ухмылялся я всякий раз, услышав его протестный голос по тому или иному поводу. Что взять с либерала, думал я, про них, либералов русских, ещё Достоевский всё сказал. А тут интервью Сокурова в Латвии. Как он их пристыдил за героизацию нацизма, за ненависть к России! Говорит, посмотрите, что вам, прибалтам, немцы оставили – ничего! и что русские, а вы всё гундосите на русских.

Я удивился.

И сказал себе: что ж ты, такой умник, клеймо, стало быть, рано поставил на человеке?

Также вспомнил, как на небольшом застолье среди художников один профессор живописи, завзятый патриот, стал говорить, что *все* латыши – фашисты. А там была латышская художница, никакого отношения к фашизму не имевшая. Она встала и ушла. И кусок в горло не лезет, и водка не льётся. А профессор герой: «А что! Я открытым текстом! Пусть знают!»

Нет, не наплевать на наши беды. Не наплевать. Но что ж ругать – народ, властей, чертей... кого ещё? себя? – через день, а то и каждый день? Это уже не ругань. Сейчас и ругань, матерщину, и ту используют не по назначению, не ругаются ею, а просто так говорят. И она всю свою сакральную силу потеряла, не ругань, а бла-бла-бла, подростковый слэнг, мусорок какой-то нестрашный.

Был у меня года два назад случай. Сосед по даче стал свою машину прямо перед моей калиткой ставить. Раз, другой, третий. Мне надоело: что ему своего участка не хватает? Да и трубе через канаву нагрузка лишняя, мостки покосились. Говорю, ты машину-то убери от моей калитки. Мне мостки уже надо поправлять, вот они проваливаются. Он: «После, после уберу». Я: «Ты что, совсем о...л? Поляну не сечёшь?..» И добавил для ритмического узора ещё несколько увесистых чанков (от англ. чанк – устойчивое словообразование, «кусоч»). Сосед опешил. «Я думал вы интеллигентный человек, а вы... вы...» В итоге убрал он машину, и чего я не ожидал, приволок на тележке две трубы, доски и помог мне починить мостки перед калиткой.

Ну, а представьте, если бы я постоянно так изъяснялся? На него разящая сила моих «чанков» не возымела бы никакого действия. Другое дело, когда

вежливый, интеллигентный человек вдруг начинает ругаться – следует шок и возникает побуждение к созидательному труду. (Правда, я себя к таковым интеллигентным отношу с большими оговорками)

Василий Иванович! Спасибо Вам за письма! На первое я не ответил, – на даче это не всегда удобно, по разным причинам, одна из них интернет... ну и т.д. Спасибо за добрые слова – канифоль для смычка виртуоза.

Конечно, я понимаю, Вы на самом деле никого не ругаете, это большей частью у Вас вопросы, только без вопросительных знаков. Вопросы к русскому человеку и его истории. Но вот беда. Русский человек назначил себе безответные вопросы и готов рассуждать о них бесконечно. И выведет из себя любого «общечеловеческого» философа, потому как налим. Русский медведь, русский медведь! Всё неправда! Русский – это скользкий налим!

Считается, что философии у русских нет. Возможно. Но есть «говор пьяных мужичков», под который прощательные поэты готовы без устали смотреть на пляски наши и слушать песни наши. Мне это как-то ближе, тогда как-то понятней становится русский человек. Но остаётся всё же непонятым.

Как художник, я представляю такой образ русского народа. Эмульсия. Есть такие краски, которые составлены из веществ несоединимых, они на разной основе, на масле, на воде. Но если их долго взбалтывать, то на какое-то время возникает однородное вещество, им можно пользоваться, писать, рисовать. А потом в состоянии покоя происходит изначальное разделение, масло к маслу, вода к воде. Вот так, похоже, и народ. Движение, энергия соединяет. Движение мысли, воли, необходимости защиты... Прав Блок: покой нам только снится, – и, наверно, по-другому быть не может. Хотя, да, мы, как это ни странно, изначально стремимся к покою. И летом самое время успокоиться по возможности, набраться сил. От всей души я Вам этого желаю!

С уважением и радостью...

-----В. Чернышев. Письма без указания адресата

Подводя черту. ... Нет, ставя многоточие...

Прочитал у **А.В. О--ва** рассуждение «маньяка атомной войны» (как его аттестовала БСЭ), то есть Бертрана Рассела, о том, что мир как сумма частиц задан всем своими импульсами и движениями, и будущее состояние мира предопределено его прошлым состоянием (вот так же, быть может, исчислены Господом все волосы у нас на головах, как о том говорится в Новом Завете). В начале 60-х годов мы, студенты, приступающие к практике размышлений, спорили и об этом, и тоже ожесточенно. (Как и о социализме и о бытии божьем).

В действительности, прежде чем поддерживать какую-то точку зрения или возражать ей, надо рассудить о самой постановке задачи, корректна ли она, большинство задач не корректны. В идее предопределенности мира (бытия) снимается (или отрицается, или не устанавливается) его разделенность на субъектность и объектность, возможность или принципиальная невозможность наблюдателя; очевидно, не сам мир предлагает нам предмет спора, а Бертран,

входит ли Бертран в этот мир как часть его атомов и корпускул или обладает индивидуальностью, не ясно. Во-вторых, если настоящее и будущее бытия содержится в прошлом, то отрицается разделенность на прошлое и будущее, более того, отрицается **время**.

Но отрицается (или не учитывается) хотя бы возможность Бога и чуда, рассуждение предлагается уже в их происшедшем отрицании, даже в отрицании бытия и инобытия и каких-либо качеств у бытия.

Иногда ставится задача (или предлагается предмет спора) в рамках испорченной логики, так спящий идет, держа мою голову подмышками и предлагает мне ответить на вопрос, может ли это быть. В вашем сне, милостивый государь, все может быть, но если вы проснетесь, то, быть может, вы даже не вспомните обо мне. Подобные споры разрешаются просто – **Пробуждением**, надо подождать, пока проснутся спящие (или разбудить их, что бывает сложно. Но чаще всего они пробуждаются сами, никто их не будит: устают спать или становится страшно. Так **Россия проснулась от социализма**, Шафаревича она не читала, и меня тоже, и даже Солженицына. Проснется ли она от своего бредового и порочного настоящего?) Иногда наличное бытие рушится в результате своего рода «усталости металла», когда даже мосты рушатся сами по себе, **так рухнуло христианство в Европе и началось Возрождение, затем и Французская революция, никто не разбудил французский народ, он проснулся, когда уже лязгала гильотина**.

Никого не пробудил и я, за целую жизнь ни одного, но если рухнул социализм сам по себе (ни один человек в мире не предвидел того и не верил тому), то вероятно, что рухнет и наше гнусное время, быть может достаточно для того НРЖ, хотя его никто не читает. Но чудо возможно.

И, наконец, хочу ли я *кого-то из нас* опровергнуть? Я думаю, что это не нужно. Мы многому учимся, даже сопоставляя наши точки зрения, мы изменимся сами, если будем прилежно писать. Вчера я разговаривал в автобусе с красавицей, она уже *почти* согласилась ехать со мною на край света, но вдруг ее остановка – и все мое красноречие пропало зря... Хотя будем все же надеяться. К тому же, не обижайтесь, я никого не хотел обидеть... *Устанем спать и проснемся...*

Есть еще и третья причина, по которой наши споры не приводят к осмысленным выводам. Мы не только забываем о разделенности бытия на субъект и объект, но и отождествляем часто наши рассуждения с предметом, о котором идет речь, особенно часто это возникает при невнимании к актуальной и потенциальной бесконечности, о которых говорил еще Аристотель. Адекватны ли наши рассуждения действительности, корректны ли они? Так в апориях Зенона, когда мы доказываем, что Ахиллес не догонит черепаха, мы предлагаем некоторую схему рассуждений, которая *в виде схемы* не имеет конца. Можно было бы утверждать, что и у конечного отрезка нет конца, ибо у него должна быть сначала середина, затем надо выяснить, есть ли середина второй половины, середина оставшейся части и так до бесконечности, которая в нашем рассуждении (и только в рассуждении) никогда не наступит. Более того, *нельзя удостовериться* и в существовании

точки, мгновения, непрерывности или дискретности самого движения: **непрерывность как явление ненаблюдаема.** Впрочем, очень многое в мире не наблюдаемо, и черные дыры (мы наблюдаем корпускулы или волны света, которые падают на наш прибор, а далее производим рассуждения, подобно тому как рассуждаем о черепашке, убегающей от Зенона). **Сознание нетождественности сознания и бытия** не должно нас приводить к выводу о недоверности сознания, более того, рассуждения Маркса или маньяка прямолинейной логики Рассела не должны нас приводить к выводу о **не существовании сознания**, о его вторичности или истечении из материи, о том, что оно только пар, кисей, иллюзия... впрочем, и сама материя не только ли иллюзия? Спорить не следует вовсе, надо доброжелательно **беседовать**, прежде всего исходя из того, что нас может объединять.

Если мы сознаём, что мы русские, то русскость нас может объединять, даже при признании разных богов: конечно, мне не нравится бог, который пришел спасти свой народ, а в итоге сказал, что *быть земле его пусто* (Израиллю), и начал спасать чужие народы, и вот сегодня нас, русских, 80 миллионов, хотя было тридцать лет назад миллионов на тридцать больше, и всё убывает, а мне возражают, что это не важно, пусть и вовсе не станет потомков и единоплеменников и исчезнут язык, страна, культура и государство, и твои *русские бабы уже не нарожают*, но нарожают китайцы, американцы, арабы и индусы – разве они хуже? Нарожают христиане, а когда они перестанут рождать, нарожают мусульмане и ацтеки – или ты думаешь, что русские лучше? – так говорят мне мои оппоненты. Нет, я так не думаю, я даже думаю, что русские, уже заведомо отрекающиеся от **верности** родине, народу и языку, от верности будущему, в котором будут жить наши дети, заведомо **хуже** всяческих даже диких людей, даже тех, которые съели Кука.

И сколько бы Солженицын ни ошибался, я буду ему признателен за то, что **сбережение народа** он объявил главным **долгом** правительства. И так же признателен я Шафаревичу, Иванову-Разумнику и Солоневичу, что **народность** в основе их мировоззрения, – а как нам устроиться на этой земле, и которым богам молиться, должно вытекать из соединенности нашей с нашим народом.

Но возможно и **чудо**. Вдруг и красавица, сбегавшая от меня из автобуса, мне напишет письмо и предложит встретиться для продолженья беседы?!

Иначе:

*...для чего улыбками метафор
Я пред тобой так долго, так смешино
Свои стихи примешивал как сахар
В уже давно прогоркшее вино?..*

Или и действительно

*Пора расстаться с стихосложением.
Устал я связывать рифмы с метром,
Преображение с отторжением
И дождь осенний с холодным ветром.
Устал от образов, троп, метафор,
В погоню Истине впрягу я числа.*

*Жизнь – не чайная, стихи – не сахар, –
 Нет в них ни сладости, ни пользы, ни смысла...
 О, ступа вечности! Все ль в ней значимо?
 Рожь и мякина – все ль перемолото!
 Я философствовать начинаю начерно
 С камнедробильного тяжелого молота.*

21-47. Ночью мне было плохо ... но не буду говорить о своих минутных слабостях и *оступлениях* (от слова *оступиться*), они не отменяют новое направление жизни – *напряженное исполнение долга*. Любовные невзгоды станут глуше (хотя без любви жить не легче), любовные раны затянутся.

Стоял в углу – ну, час ли, полтора...
 Моя подруга молвила: Нет, рано
 Казнить нельзя помиловать пора
 Просыпать соль – и солью будет Анна!
 Стою в углу: от утренней зари
 Минуя все обедни и вечерни...
 И понял я: да пламенем сгори
 Вся эта страсть, когда нельзя без терний!
 Но утром вновь стою перед окном,
 Взываю и скулю как пес побитый.
 Оставь меня! – творю теперь тайком
 Опасливо последнюю молитву...

19 ноября 19. ПИСЬМО А. В. (М.), Предварительные комментарии.

Я иногда напоминаю человека, бегущего за поездом – хотя, быть может, все мои поезда давно ушли. Времени на то, чтобы сделать что-нибудь путное, у меня постоянно не хватает, к счастью, его не хватает и на глупости, так например, из-за недостатка времени я не хожу к врачам, когда болею (а болею я постоянно), но я знаю, что врачи мне ничем не помогут все-равно, а болезни иногда проходят сами по себе, иногда переходят в какую-то такую фазу, вроде осеннего дождя: плохо, что он все время идет, но к нему можно и привыкнуть и почти не замечать. Однажды я сломал левое плечо, а как раз надо было косить сено, косу я привязал к туловищу, правой рукой ее направлял вверх-вниз, а туловищем делал плавные движения, и все шло хорошо, не надо было бы куда-то ехать, но меня как-то нашли, привязали, привезли, отремонтировали, потом нашли еще что-то... в общем, еле выпутался, но почему-то из-за этого «прорвало шлюзы», как выразилась *врачица* (по аналогии с лётчицей), и после этого я написал три свои лучшие книги.

Меня раньше иногда спрашивали, имея в виду мое внимание к красивым девушкам, почему я не заведу любовницу. Смешные люди! Я думаю, что у меня даже не будет времени придти на свои похороны (а ведь полагается?) – *где же я возьму время на любовниц?* (Денег они у меня как раз не требуют).

В предлагаемом ниже **Письме к А. В.** я пишу про Анну и про проект Музея, а также о трех товарищах – все это без объяснений будет не понятно и

не интересно читателю, да к тому же я должен объяснить, что делать с музеем – а я даже не знаю, что делать с журналом, все (и А.В.) защищают русский народ, и Ольга П., гениальная певица (я о ней мысленно продолжаю писать статью, как только закончу с этим письмом, вернусь к ней) говорит, что *лучше русских никого нет* – вероятно, она имеет в виду только тех русских, у которых нет *ренты* или *прибавочной стоимости* или бакшиша (то есть *мзды*), и которые поэтому помочь чужому журналу не могут, люди же с рентой... вот у них как раз полно времени на любовниц – но их любовницы совсем другие, они не такие красавицы, как те, которые могли бы быть у меня, если бы у меня было лишнее время, поэтому им на них не хватает ренты (нужны же наряды!), и поэтому этим русским с рентой, *прибавочной стоимостью* и *мздой* не до нашего журнала (вали, дядя, пока тебя наши телохранители не вышвырнули, сказали бы они мне, если бы я подошел к их виллам, нам даже нашей *мзды* не хватает, а ты тут с своим журналом!) А в остальном русские лучше других. А русский народ оправдан по крайней мере своими женщинами, юными и прочими, женами и мамами, бабушками и даже внучками. В 19-м веке он был оправдан и своими *богатыми*, которые строили великолепные частные театры (опера Зимина в Москве), создавали Картинные галереи (Третьяковка, Музей Бахрушина ... и множество еще), строили и открывали частные школы и частные университеты, открывали больницы, собственные политические партии, давали деньги даже на устройство революций, этим занимались дворяне и буржуазия, купцы, старообрядческая церковь, частные богатые люди, государственные служащие, военные и партикулярные лица. А сегодня?

[И все же о своих красавицах хоть несколько слов я скажу, раз есть повод, хотя бы об одной, о других в следующий раз. О Маше я уже не раз вспоминал, девочка приехала из глухой и забитой деревни, такой же, в какой прозябала Аня, но в Питере она нашла принца, получила мужа, квартиру и хорошую работу, я приходил к ней в офис, читал стихи, сетовал на жизнь, вспоминал о выдающихся людях, часто просто смотрел в ее милые и грустные глаза, однажды она притащила громадный мешок новых роскошных нарядов для Ани, когда я спросил, нет ли у нее старого подвенечного платья. Ей я рассказывал о религии, о философии, об Аристотеле и Канте, о бытии и *инобытии*, Будде и Христе, Магомете и Жанне Д*Арк, перед ней возносился за облака, и однажды воскликнул: *Пора! Хватит здесь прозябать! Нас ждут великие дела, боги и демоны нас ожидают, идем!*

– *Когда?* – *Прямо сейчас, вставай!* – Она огляделась, хотела что-то написать на клочке бумаги, бросила, накинула пальто на плечи: – *Я готова!*..

Мы стояли несколько минут напротив друг друга, какое-то облако словно отделяло нас от мира, и я до сих пор уверен, что мы существовали уже не только здесь. Вдруг она встрепенулась, покраснела, опустила чуть-чуть смущенно голову: Ах, я чуть не забыла! Но я ведь теперь не могу, я жду ребенка! – и мы оба облегченно рассмеялись.

А куда звал Христос, когда призывал *взять крест и пойти за ним?*

Если только его призывы не были аллегориями или не были обращены к людям, которым и не надо было *отвязываться* от мира, ибо они от него уже и

так были отвязаны? Насколько действительной была встреча апостола Павла с инобытием Христа или с его «призраком» по дороге в Дамаск? Разве **уход от мира** не означал чаще уход от обязанностей и обязательств этого мира: уход в монастырь, расторжение брака, отказ от семьи? человек, вступающий на путь революционной борьбы или примыкающий к повстанцам или к одной из противоборствующих военных сторон, в гораздо большей степени порывал с привычным нам миром, нежели христианин. Слова «Возьми свой крест и иди за мной!» – лишь в редких случаях не были чистой метафорой. Однако, пока не была создана христианская церковь и не появились первые общины, призывая пойти *за ним*, Христос звал в *никуда?* или звал на Голгофу?]

ПИСЬМО. А. В. (М.), приветствую Вас! Не так давно я познакомился с одним замечательным художником, и знакомство это несомненно странное, словно передающее нечто из таинственных глубин бытия – только что именно и с какою целью, я не знаю.

Но это не всё. Пять лет назад я пришел в деревню, в которой жила *она*, проселочными дорогами, пешком, с палкой в руке, с рюкзаком, в котором лежал сборник стихов, книга "Любовь как всемирное притяжение" и Учебник высшей математики – его я подарил ее сыну, готовившемуся поступить в первый класс. "Но он не собирается стать математиком, возразила она, он будет художником, как его дедушка!" Однако, через два года я прочитал в Театральном обозрении, что сына она отдала в математическую школу и этому рада.)

Она повела меня знакомить с своим отцом, который как раз заканчивал картину, на которой был изображен их дом, и художник собирался сделать последний мазок. "В этот дом я внес ее когда-то давно в корзине, – сказал он, "Мне кажется, что недавно я стоял перед такой же картиной, почти перед таким же домом, и Костя И----в собирался сделать в ней последний мазок",

"Как Костя? Да мы с ним сидели за одной партией!" И тогда-то она и воскликнула, что *вокруг меня одни чудеса.*

Через неделю я пришел снова, *её* не было, и не было почти никого, кроме мужа моей старой знакомой... (но рассказ о ней уведет нас в сторону, ибо в этой истории интересны все действующие лица, не только она), и муж старой знакомой сказал мне, что я теперь стал *легендой их села.*

Но дело в том, что кроме Кости был еще и Б. С--ов, один из шести тысяч членов Союза художников, о котором я знал только то, что и он носил ее в этой корзине и убаюкивал, когда она плакала, и тоже сидел за одной партией с ее отцом, но я с ним не был знаком. Впрочем, я и не собирался с ним познакомиться, и с Костей мы уже почти не встречались, и хотя та самая палка, которая тогда служила мне посохом, все еще стоит у калитки моего деревенского дома, но и в ее деревню я больше уже не ходил. *Кто я такой, чтобы кому-нибудь казалось, что вокруг меня совершаются чудеса?* Я только вспоминал эту сказанную нечаянно фразу, когда мне бывало пасмурно, и в моем мире становилось светлее.

И вдруг я прихожу в гости к Б., и оказывается, что это тот самый третий из одноклассников, которые когда-то сидели за одной партией и потом вместе поступили в Академию художеств! Только этого, конечно, не достаточно, чтобы оправдать еще один мой поход в деревню, в которой стоит тот дом, который ее отец закончил писать в то самое мгновение, когда меня привели с ним познакомиться.

Но все же случайно ли я оказался тем самым "проходимцем", с которым трое

бывших одноклассников познакомились в разное время – и для чего?

Но теперь речь о Б. А. Он создал большую галерею копий шедевров мирового искусства и намеревается подарить ее городу или области. Для этого надо многое... в частности, надо написать статью о художнике и этой галерее, разместить ее на страницах журнала "Город", похвалить самоотверженных руководителей и города и области... больше мы ничего не сможем... Более того, я вряд ли смогу написать такую статью, так как я не художник.

Нам предлагают в четверг поехать туда (не знаю куда), где будет построен дом, в котором будет размещен музей с галереей и многое другое...

Я, разумеется, знаю, что из наших усилий ничего не случится, может быть, не случится даже нужной статьи. Но почему бы и не съездить в пригород Питера, тем более что хотя в разгаре весна, но женщины вряд ли будут нас отвлекать от важных мыслей, даже те, что еще покоятся в корзине для грибов?

Я надеюсь, что поездка ничего не прибавит в нашей жизни, если не прибавит?

19 ноября 19. Последние комментарии. Не потому, что я стремлюсь за собою оставить последнее слово – нет, я уже научился и уступать, – но я хочу вернуть *диалог с жизнью, с вечностью и бытием, с Россией и с Богом* на ту точку, на которой он и должен преимущественно пребывать, то есть на которой сходятся и Млечный путь и грешная низкая земля, темное ночное небо с яркими звездами и почти бескрайний болотный пустырь вокруг меня, вся то заманчивая то отвратительная то утомительная то жгуче притягивающая обыденность, сиюминутность жизни с физическим трудом, усталостью, страхом, сонностью, ожиданием, обретением, восторгом и разочарованием – труд, блаженство, творчество, *сгущенность плоти жизни* – и почти полная бесплотность восторга, музыки, любви, откровения... ту точку, в которой сходятся сферы вселенной, ее малая часть, вмещающая в крайности только двоих. В этой точке происходит столкновение бытийностей или их образов. Представим себе остановившееся мгновение, в котором мое Я взвешивает все за и против.

Самопожертвование. Мне еще не довелось через него проходить, поэтому я всяческие рассуждения отложу. Но одно несомненно: невозможно жить исключительно так, чтобы обычная повседневная жизнь была *несоединима* с самопожертвованием. Но справедливо, правильно ли жизнь сузить, уплощить, превращая ее в ежедневный подвиг, *отъединяя себя от всеобщего человека* (жить на столпе, в мокрой пещере, на цепи, в страдании, в отречении, отказывая себе во всяком плотском наслаждении, во всяком даже мелком грехе, во всякой слабости?) Недавно умер последний сослуживец моего отца, в 95 лет, тот человек, который встретился с ним, когда их поменяли на этой Высоте, поменял командир полка, отвел в тыл бывших курсантов Фрунзенского училища, им всем было по 20 лет, они в 41-м году в июне-июле поступили, и в сентябре уже были призваны в армию (вообще-то они были несовременно-летними? Вероятно, они написали заявления о добровольчестве, я забыл спросить. Но вряд ли их принуждали, я встречался с четырьмя еще остающимися в живых после 2008 года, все они были достойны своей долгой жизни). И, конечно, отец мой на той Высоте оказался достоин своей героической смерти

Эта скромная жизнь для других. Через свой личный опыт такую жизнь я пропустить не мог, это жизнь русской женщины, мужчине она не доступна, таковы наши бабушки и мамы. Но ведь и наши жены тоже таковы, особенно у поэтов – и не скажу, что я в их ряду наихудший, да мы и все не такие плохие, но с нами жить трудно. Правда, трудно жить со многими русскими мужьями, почти все мы пьем или пили, у всех было амбиций больше, чем возможностей, у всех были увлечения – и наихудшие среди них – собирательство книг или пластинок. Жизнь коллекционера заканчивалась с гибелью его коллекции, и сколько их погубло, умерло, покончило с собой в Революцию и в Гражданскую войну! Издержки строительства коммунизма (зачем? Для кого? Не тот же ли тысячелетний рейх, только с ненавистью не к чужим народам, а к своему?) надо измерять не по общей массе вымерших в голод, закопанных во рвы, погибших в боях и в тюрьмах – а числом и именами самых достойных! Революция – это ненависть ко всем, кто выделился из массы, это ненависть к умникам и фарисеям, это, собственно говоря, христианский энтузиазм, излившийся в форме революции, это **блаженство нищих духом**, обещанное Христом. Но это, конечно, и отмщение за неравенство, за то неравенство, которое было намечено на небе, свыше, ибо в принципе мы обречены родиться не в форме муравьев из муравейника, а разнообразными и неравными, такими, что безо всяких заслуг одни обречены быть высшими, а другие низшими. Не буду лицемерить, я всегда знал, что мне дано больше других – но я никогда не забывал, что мне надо незаслуженную милость оправдывать и искупать. Своим духовным аристократизмом я не кичился, но и не стыдился. Я инстинктивно принял своей обязанностью заботу о меньших, о незаслуженно обделенных, даже ПМОЧЬ учащемуся понять все эти тонкости, вести его за руку, освещать ему дорогу. Конечно, в нем все выработанное не мною, но он лучший. А его моя страна отказалась напечатать – как же мне относиться к моему народу и к его царской власти? А ведь не я эту власть выбирал и не я готов перебить так называемых либералов, смеющих критически относиться к власти. «ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ!» – вот квинтэссенция русского человека. И я противоположен такой русскости. Она утверждает, что **любой царь лучше поэта**, а я, что **любой поэт лучше царя**. Но как человек – это соединение души и тела, а они почти противоположны, так и этому русскому народу, земному, принужденному пахать землю, погибать на полях сражений, жить тяжело и скудно, без оперы и филармонии (хорошо еще, если своим вора и своим сукиным детям удастся дорваться до кормушки и власти) противостоит другой народ, духовная аристократия, так сказать, трансцендентная Русь (по идее Даниила Андреева). К счастью, полной разделенности нет. Женщина, русская женщина, соединяет собою оба эти народа, она родила и тех и других, и те и другие – ее дети, она и любит их одинаково, и в ней обе ипостаси, земная русскость и небесная, то в большей то в меньшей степени – вот этой степенью они и различаются. Но они лучше мужчин все равно. Представьте себе то мгновение, когда в автобусе, идущем из районного города в село, две девки, две молодые женщины (их троих дочек я только что навещал в приюте,

возил им пряники и всякие мелочи) бухнулись передо мной на колени! Я их поднял и их утешал – и я не пенял им. Что я возил пряники – это мелочи – но что я не возгоржалося и не ставил себя выше их, этим я возгоржаюсь. За что-то меня любят высшие силы и дают возможность жить правильно и избегать пушей неправильности – и это милость ко мне.

Эти «девки» – молодые женщины, сестры – пили и гуляли, они еще не успели перебеситься (а разве моя младшая тетя, которую я звал по имени, она была лишь на десять лет старше, не бесилась? Ей повезло, она начала рожать поздно, родила пятерых дочек, которыми (они мои двоюродные сестры) я горжусь!!!! Все получили высшее образование и все бесподобны!!)

Ну а эти родили в 18, да и от кого рожать? В том-то и дело, что Государственная Дума показывает сама своим лицом всю тупую и злобную мужскую сущность, отказываясь подписать Закон против домашнего насилия, в том числе направленного против детей. Ну, перебесились, и уже давно забыли про свои глупости, да и я забыл, это меня «Философия жизни» заставляет вспоминать. И разве они в чем либо имеют изъян? Ни в чем изъяну у них **уже нет**. (А разве не я покупал для одной из них водку, и она показывала мне исполосованную веревкой спину? И не я ли потом напился, так что и сам потом спал в сарае?)

[Читатель – и цензор! И земная власть! К вам обращаюсь я, друзья мои! Апостол Павел как-то пишет, что рассказ о том, как Господь Содом и Гоморру подверг огню и сере, рассказан лишь в назидание, что это образ, а не подлинность – ужаснулся апостол жестокости Господней. И вот таковы и мои примеры, которые я беру из своей жизни – в образах, представляемых мною читателю, конечно символы, иногда объединения подлинных личностей, иногда воображаемые эпизоды, и царь как правило иносказательный, в поучение читателю, и не ищите их в наших градах и весях и его в белокаменной. А то вы и дочитать не успеете, а меня уже поволокут на костер... И в Новом Завете про меня уже сказано: «Однако, лжепророки, которые **презирают начальства, дерзки, своевольны и не страшатся злословить высших...** будут наказаны, и «в растлении своем истребятся.»]

Итак, *женщина хотя бы наполовину имеет небесную сущность*, мужчина же состоит из земной персти. Цитирую из «Записок на пальме»:

«Живя в отрочестве и юности в общежитиях, я близко увидел и сравнил девичий быт и быт юношей: в студенческих общежитиях у девочек всегда всё было аккуратно и чисто, а у мальчишек – срам и содом. Девочка чиста, наглажена, одежда у нее аккуратно, и прическа и тело, она не плюет на пол, не носит грязное белье, носки у нее выстираны, и ноги вымыты... Здесь, в тюрьме, в "мужском общежитии" – все то же, "сильный пол" – неряхи и грязнули, и их "общежитие" – скотный двор... И хотя здесь обитают худшие, то есть преступники, но и они в бытовом отношении не хуже других, они – ударные гласные мужского племени. Унижая женщину, мужчина не хочет видеть, что не христианство, а только она пытается из дикого зверя вылепить человека. Заклиная об отвлеченной (как сказали бы ныне – *виртуальной*) любви к Богу и "ближнему", церковь не проповедовала *уважение и любовь* к женщине, *почтение* к жене и матери.

Снизолел апостол Павел, процедил сквозь зубы: "Так должны мужья любить своих жен, как свои тела..." – а любил ли христианин-мужчина (после разрушения эллинской культуры) свое тело?

Христианство проповедовало презрение к плоти миру и к женской (нечистой) "плоти" – оттого-то осатаневшие "поп-певцы" (или *певцы поп?*) и вопят по всем телеканалам России непотребное!"

Мужчина всегда пытался *растлить женщину*, и христианский призыв – "лучше человеку не касаться женщины" – гнусен, ибо очевидно, что исходит он из представления о том, что прикосновение к женщине грязно – "А блуд и всякая нечистота и любодеяние не должны даже именоваться у вас, как прилично святым". Воистину, христианская церковь создана "людьми лунного света", и то, что сегодня православный батюшка *чадороден*, объясняется только одним – не в Новом Завете и не в проповеди Христа корень этой чадородности, но в язычестве, которое проросло сквозь бесплодную пустыню фанатичного сектантства.

К слову сказать, и эллинская культура проросла сквозь камень, лежащий в основании церкви, и воистину и сама церковь хотя и *сеяла на камне* а "камень этот Христос", но жизнь взяла свое – крестьяне-христиане носили и носили плодородную землю, и наносили за две тысячи лет, так что на этой почве воздвиглись и храмы (по эллинским образцам), и звучит музыка – дитя эллинской музыки, и существуют живопись и *иконостас*.»

Итак, женщина и в семье и в отношениях с женщиной возвышена. А мне повезло, даже те, которые заслуживали порицания, его трижды искупили. Мать же моя и бабушки были женщинами превосходнейшими, никогда я не слышал о них ничего порицающего. И хотя мне повезло и с мужчинами, не был я знаком с порочными или глупыми, даже в тюрьме, но История, которая повествует и о святости и о низости, приводит преимущественно примеры мужской низости. И не надо бросаться на защиту злодеев, мы только отягчим зло, совершенное ими, отказываясь его осудить.

Граница между обыденной жизнью и инобытием.

Однажды, влюбившись с первого взгляда (это было до того, как я женился), я сел на скамейку на улице, по которой *она* должна была проходить. Я ее представил, и почувствовал, что проводить дни или даже часы, не видя ее – невозможно. Это даже кощунство, то, что я буду жить своей отдельной жизнью, в которой ее нет, и даже смотреть на других. Надо немедленно встретиться и уговорить ее исчезнуть из земного бытия в какое-то иное, в котором мы были бы неотделимы друг от друга.

И разве вот это ощущение невозможности даже кратковременной отделенности – не подлинное метафизическое переживание? Может быть некоторые верующие испытывают такое же чувство по отношению к божествам? И принадлежит ли подобное переживание к *необходимости мировой гармонии*, как в математическом предложении всякое слово занимает только определенное место, и стоит его отнять, так рушится смысл предложения?

Эти состояния у меня в юности были часты, и часто я чувствовал (например, стоя в коридоре общежития у окна), что можно уже **остановить время**, не будет ничего более превосходного, напротив, продолжаясь, я

уничтожаю вечность во имя временного. Представьте себе ночь, огни города, рассыпанные как звезды на небе, пространство словно бы вмещало в себя всю вселенную, я ощущал ее дыхание – **остановив время**, я собрал бы в одну точку экстремума всю кривую с ее миллиардами преходящих точек. Так же и в точке перегиба или разрыва сосредоточена кривая в целом, в одной точке – вся бесконечность. Она чувствовала подобным же образом. (Неужели я был тогда так интересен, что она могла слушать меня часами?)

Бог, конечно, знал, что можно все многообразие собрать в единство, что как у талантливого автора все его герои – это его собственные лики, и не надо разделяться на множество тел и душ, чтобы прожить и прочувствовать каждую из них, и поэтому создание многообразного человека, то есть человечества, это его удивительный подвиг: ведь достаточно одного, чтобы не быть одиноким, а создание многих... да к тому же сколь многие из них низки и порочны... но Пьеса из одних чистых будет как зеркало, в котором отражаются кристаллы льда... И он решается на второй Подвиг, он разделяет Зло и Добро.

Решиться ли нам понять необходимость зла и хотя бы отчасти его пожалеть и простить?

Страшно начинать чувствовать в таком роде... Надо останавливаться на чуть-чуть...

Но по своей ли воле решается человек играть злую роль? И если по воле драматурга и режиссера, то при чем тут Ева и Змей и яблоко искушения?

Страх смерти... Но в те мгновения, когда во мне останавливалось время, исчезали и смерть и страх ее...

Однако, я хотел закончить иначе. Возможно, что то, что я теперь пишу, это схоластика, вроде парадоксов Зенона или дурной бесконечности Аристотеля.

Представим, что Ева родила дитя, и это дитя больно и умирает. Ева не будет участвовать в наших дурных спорах и разглагольствованиях, она будет сходить с ума и метаться в поисках средств спасения.

Любовь меняет логику мира.

Пусть даже я скажу так, что *привязанность меняет логику мира* – и буддист или христианин меня начнут поучать, что необходимо освободиться от *привязанностей*. Несчастные. Им надо попытаться родить ребенка, потом разглагольствовать.

Когда-то очень давно, целую вечность назад, поздно вечером я проходил через село, в котором жила Аня, вернувшаяся из Новгородской больницы, позвонил ее беспутной маме (уже к этому времени она стала путной) и зашел к ним с подарками, я высыпал ворох их на кровать, и Аня стала их разбирать на кучки, для своих сестер – *И я, как мне кажется, знаю, что такое материнские чувства*. Возможно, христианин испытывал блаженство, ощущая себя листом на Древе Господнем – но я не верю, что полнота любви достижима без любви. А что такое **любовь к России**? Переживание и народного унижения и унижения родины? Логика, с которой я спорю со всеми, постижима только в бою, и *мой бой не окончен*. Обыденный разговор ничего не объясняет в моем переживании Правды, которую я отстаиваю, **это правда Войны**, в которой решается, жить или умереть России, и она гораздо выше, чем «ему по его глупой воле пожить» – хотя и без его глупой воли жить невозможно.

Поэтому я еще не оправдан. И не ищу для себя оправдания.

Меньшиков Владимир Петрович

СТИХИ и СТАТЬИ ПО СЛУЧАЮ ЖИЗНИ

Владимир Меньшиков родился в Пинежском районе Архангельской области в сентябре 1953 года. После школы работал в лесоустроительной экспедиции, служил в армии, потом закончил Ленинградский пединститут, факультет истории. Живет в Петербурге. Член СП России с 1993 года.

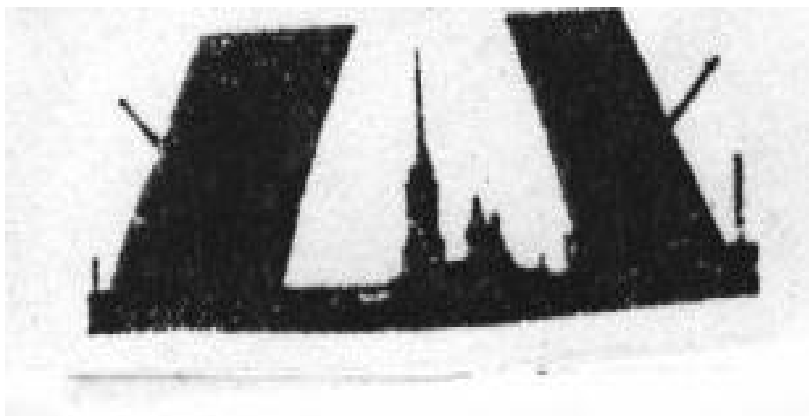
Автор поэтических книг «Оккультная оккупация», «Звероисповедание», «Гармонь снопа», «Стихотворения», «ГОЭЛРО горла», «В начале тысячелетия», «Русский простор», «Прорыв», «Приладожье», «Похвальная грамота», «Предыдущий оратор».

Лауреат литературных премий России (1997) и (2002).
Награжден юбилейной Есенинской медалью

ВЛАДИМИР МЕНЬШИКОВ

СТИХИ

Цикл «ГОСПОДЬ ТОК»

Носталь-гул

По столу бежала муха
Вездесущей легковушкой.
В эти годы стало глухо
В придорожной деревушке.

Не гудят КАМАЗы-МАЗы
Недалеко и не близко,
Потому-то я и «вмазал»
За гудеж социализма!

Хоть распелся соловейко,
Но не нравятся куплеты.
Эй, село, смело налей-ка
Не за соло – за Советы!

Оборванные провода

Под полевыми проводами – бочка,
Как будто бигудина, и вот-вот
Округа, словно праздничная дочка,
Красиво провода себе завьет.

Не страшен ток? Не жутки потрясения?
Её шарахало ещё не так?..
Завьется на субботу-воскресенье,
Опустит в гроб туфли
везун-пятак.

Зато забрался в цвет и в глушь черемух
Крестьянский звонко-сказочный мятеж,
Но звону задает тишайший омуг,
Когда в него ныряют без надежд...

Змея полей

«Звезда полей во мгле заледенелой...»

Н. Рубцов

1

Вблизи деревня с шумом тополей,
С березками, с угодьями родными...
А, знаете, кто я? Змея Полей,
А не какая-то звезда над ними.

Я с вами острым жалом и хвостом,
И всей своей земной змеиной мыслью,
Пушай не кобра, но стою на том,
Что хватит поклоняться перед высью.

Высокозвездный серебристый свет
Сознание отвлекает от земного,
А я змеиный и земной поэт,
Но не из тех, кто власти лижет ноги.

Мы так лизнем, что сразу крик и вой,
Да ранки под обувкой ли, штанами...
С бинтованной ногою, как с церковью,
Буржуйский год
плетется перед нами.

2

Вы смотрите на звезды, на Христа,
Но не проходит русская тревога,
А нищий край, забытые места
Когда-то ведали земного бога.

Я темен. Я – язычник. Я – змея,
Предложившая русским: «Зашипите!»,
А по России все поля, поля,
Но нет в полях крестьянину защиты!

Подорожная энергия

В грусть-печали над землей
От рахита мрет рахита,
Но крапивою, как змеей,
Крепко загородь обвита!

Надо смело показать
Областному центру жало,
Чтоб сюда торговцев рать
Не особо наезжала.

Жженье кожи, жженье пор,
Словно бы от пара в бане...
Многокупольный собор,
Как патроны в барабане.

Не сыграет небо им
Нынче в «русскую рулетку»,
Ведь единственный нажим,
Поздно будет грызть таблетку
Солнца или же луны,
А убитый, синелищый
Небосвод сомнет страну,
Рухнув рядом с психбольницей...

У собора цель не та,
Чтоб вповал – торговцев пива.
Защитит вас, беднота,
От дельцов змея-крапива.

Укусила, и тор-г-унн
Верещит агнцом агоний...
С возвращения коммун
Змей крапивных в землю вгонят?

Как срубают провода,
Сеть подстанций раскурочив,
Так же змей моих тогда –
На кусочки, – обесточив...

Змеи Ладоги

«Змея – это земля...»

Древнерусская мудрость

Печальны эти доли, эти шири!
Но выучи древнейшее полней,
Ведь змеи – это знает всякий сирый, –
Носители энергии полей.

Не то чтоб для округи абсолютны,
Но надобны, и высмотреть сумей
В параболах советского салюта
Крестьянско-пролетарских славных змей!

Им Ленин дал командные высоты,
Чтоб в стойке гипнотической такой
Стояли, но «родные» самолеты
Крылами искромсали над рекой.

Под землю скоро змей загонит осень,
В собор, где на трагедию мою
Иконный, роковой Победonosец
Копьем пронзает Русскую Змею.

Энергояз. «Низовое» напряжение.

Все – про цветы да про мечты,
А я восторги не приемлю.
Своими лицами цветы
Неразрешимо бьются в землю.

Как фигуристы лбами в лед,
Свалившись во Дворцах спортивных,
Чтоб заработать там аплод-
исментов преданно-партийных.

Они безумствуют, а сам
В цветок безумства превращаюсь,
Бьет правда током по цветам,
Но почему не в кислый щавель?

Нет бы ударить в лопухи,
В чьих джунглях – брошенный флакончик
С названьем звонистым «Духи»,
Капрон и красный патефончик?

Там крупно можно раскрутить
С общероссийскою оглаской
Крестьянский митинг раскручин
С повалкой, маршами и пляской.

Чего не бить бы по пустым
Бутылкам с их высоким звоном,
Но звон тоски не допустим
По развалившимся районам?

Как будто бы цветы – низы? –
Небриты? – С грязными носками?
Воля про сельский коммунизм,
Размахивают лепестками?

Цветок – газетный продавец,
А лепестки его – газеты,
Вот проорал: «Всему конец!
Читай про «Курск» за две монеты!».

Как будто в Поле дураков
Зарыл копейки и без денег
Ташусь: не крейсер, не дракон,
А люмпен сельщины, бездельник?

И все же это низкий ток,
И невысоко напряженье,
И никакой я не цветок,
И не цветочки в раздраженье...

Поэт-электрик
(электроязычество)

Молния ударит в трансформатор,
Искры по деревне полетят...
Я не из «Искры», не провокатор,
Чтобы заводить на бунт ребят.

Нынче позабылось про заводку,
Пусть на закусь взяв любой рукав,
Закупают ящиками водку,
Чтоб запить, землю заплескав.

Будто бы не знаю, что от бунта
Кровь вот этих крепеньких парней
По деревне разлетаться будет,
Липнуть к стеклам, к стенам,
чтоб видней.

Будто бы давно я не заткнулся,
Будто бы ослушался «не смей!»,
Но вчерашним вечерком наткнулся
На юнца, опившегося в смерть.

В стихотворце ожил провокатор?
Потому в полях учу ребят,
Пусть они электротрансформатор
Для мятежных искр соорудят.

Непутевый

Сбивал камнями Коммунизма звезды,
Но угодил в Крестьянскую Звезду,
Потом в тюрьме глотал
несельский воздух
Да ел недеревенскую еду.

Печалился о Ладоге рассиной,
Которая волной не вбила, что
Бой с коммунизмом – это бой с Россией,
Хотя бы в отношении ГТО.

Камнями и гранатою спортивной
Плакаты на подстанции гасил,
Сражаясь с пропагандою партийной
А так же с краем, что безмерно мил...

Сшибали все, стремясь к нерусской воле,
Заметь, что электропровода
Валяются на улицах и в поле,
Как брошенные напрочь повода.

Святая электрическая лошадь
Российских деревень и городов
Через кустарник тащится на площадь,
Где пораженческий парад готов.

Катодные, анодные дороги!
А у кобылы той из-под хвоста
Валиться будут лампочки под ноги,
Чтоб разбиваться –
на пути Христа...

Созидатель

Первокурсником физфака
Я в 70-м был.
Электронная собака
Укусила что есть сил.

Был отчислен – в дебри, в шири.
Вот еще бы в синь морей.
Но частенько дебоширит
Физик в лирике моей.

Даже в махонькой деревне
Есть науки мощный след.
Трансформатор меж деревьев
Возбуждает дух побед.

Бросив платье и купальник
Голой гостье, я беру
Символический паяльник,
Чтоб начать политигру.

В пожелтевшие госсхемы
Вставить красную деталь!
Я паял вождей тотемы,
Прогоня из дома краль...

Термоядерный взрывчик

Как градусник из почвы в летней мути,
Торчит собор, виднеясь из дали,
Но разорвет его от красной ртути
Крестьянской закрапивленной земли.

Чтоб выдать мятежа температуру,
В шинели у соборчика потрუსь.
Не думай, что твою литературу
Испорчу так, тоскующая Русь!

Затопление

Друзья еще не отреклись
За то, что догмы рушу.
А в половодье
от рек слизь
Охватывает душу.

В потоп с толпою мужичков
Преодолеть охота
По кочкам ленинских значков
Буржуйские болота!

Прыжок на лысину вождя,
На лоб его высокий,
Чтоб при толчке, не наследя,
Лететь на грунт с осокой.

Порезов избежать при том,
Но острое мученье,-
Ведь, как сценический притоп,
Давал его Ученье.

Мол, служит городу оно,
А сельщине с натяжкой,
Но нынче водное вино
Хлебай коленной чашкой.

Разлилась страшная печаль
С явлением буржуиства,
А мне деревни жаль-разжалъ,
А мне за села жутко.

Хозяйственный портфель моста
У Суши вырвет речка...
Из Иисусова креста
Свершается утечка.

Его гигантский крест с водой
Имеет снизу краник?
Пришел, чтоб Низ полить бедой
Из Палестины странник?

Когда оккультная вода
Залет основы «низа»,
Держаться нам за провода
Энерго-ленинизма?

Гнилое лето

Тоска по сахару и мясу!..
Чего б попу, как бунтарю,
Да не позвать людскую массу
(В пять тысяч) прямо к алтарю?

Зов к революции и давке,
Ах, не приветствует Христос?
Изо всего, что на прилавке,
Могу – лишь пачку папирос?

А близ сельмага – в ряд березы:
Как бы из пачки «Северка»
С прищелком выбил папиросы
Слегка, на четверть мундштука...

Считает листья-деньги лучик,
Но, оглядев родную ширь,
Скривившись, попроситься лучше
В мужской ли, женский монастырь?

Качнуло возле парапета
Вовсю скрипящего моста.
Не до конца еще пропета
Песнь про забытые места.

Пою таковскую для бедных
Людей ольховых волостей
Один, один из самых вредных
Всеобличителей властей.

Разгулистый июльский ветер,
Брать не желая светлых нот,
Как на реке казанку* вертит,
Так главку церкви развернет.

*тип лодки

Энергояз

Когда Москва расширила для нас
Буржуйские прозападные рамки,
Я бросился не в рокенрольный пляс,
А в поиск Сил для Высшей Перебранки.

Как будто под Генштаб арендовал
Окраинный сарай военкомата,
Откуда в ярый Полк, а не на бал
Призвал зверей от змея до примата.

Труба завода, словно бы ружье
С подпоркой треугольною-прикладом:
Под стометровое ружье мое
Пришел Сварог с мистическим отрядом.
Лес ветви-руки поднял до небес
При обыске, а я, как будто в блище,
Неоднократно побывал на ГЭС
Да в Ладоге-языческой столице.

Легко «женил», за блеском не гонясь,
Сварога с ГЭС в поэзии наивной,
Стремясь скорей создать «Энергояз»
И «Технояз» свой тракторно-змеинный.

Не в склад глухой, не в пункт приема втор-
сырья старался превратить стишата,
Но всё: пропеллер, винт, стартер, мотор,
Змея с Медведем – для Победы взято.

Пламенеющие

Стою поблизости с рябиною,
Смотрю на робкую зарю,
Тоской-ревнивью равнинною
Октябрьским вечером горю.

Заслушались премьершей – птичкою!
Но, экономя не рубли,
Меня, зарю, рябину –
спичкою
Одною пошло подожгли.

Топчусь в осенне-жгучем пламени,
Осознавая промах, ведь:
Не проносил по селам знамени,
Где намалеванный медведь.

Всего одною спичкой чиркнули,
Как воробей чирикнул вдруг.
Столбы с откосинами – циркули,
Что я попал в масонский круг.

Над ним проходит электричество,
Чья энергетика крепка.
Когда же русское язычество
Придет в новейшие века?

А карта мира, как столовая,
Где страны-столики, а нам
На столик шлет страна путевая
Как шмотки, так шакалий «шам»*.

Не по-масонски нынче пламенны
Поэт, рябина и заря.
Мы – русские. Мы – цвета знамени
Восстанческого Октября!

*шам– есть, шамать

Затворник

Эта осень проходит как ток
С напряженьем через висок,
На ноге у ней – черный листок,
На другой – сине-красный носок.

Постучится, не смей открывать
С одиночества или тоски,
А не то заберется в кровать,
Не снимая худые носки.

Одиночек и злую гурьбу
Не впускай, а в кровати лежи.
Ветер хмуро швыряет в избу
Желтых листьев тупые ножи.

Табакком и мужицкой едой
Позапасся на месяц почти.
Не посмей открывать молодой,
Скандалисток – старух непусти.

Сканер камер отсутствует здесь,
С катер вывезти можно вещей...
Всехпусти... Все желают поесть.
Ставь бутылку, налей крепких щей.

Синим летом смотрел на цветы,
На сирень над зеленым бугром.
Неужели до осени, ты,
Не запаса душевным добром?

Вот лежишь в простынях, как гранит
Меж туманов, и смотришь на печь.
Неужели душа не хранит?
Неужели не хочет беречь?

Мерзлая ночь

Чернокрасна зорюшка
В сини холодов.
Добавляют горюшка
Господа годов!

Господа хорошие.
Клоун ли, колун?
Нам жевать картошины
Каждодневных лун.

Клоуна, колун ли я
Мордой о чурбан.
Здесь и трудколония.
И Озьяббайджан.

Если все промотано,
Говорю ворча:
«Подлинное – вот оно –
Дело Ильича!».

Я паяю Ленина
Под мальчишке «жесть»!
Комната мо-ленинья
В доме тоже есть.

Минимум веселого
Без вина и дроль,
Но имею олово,
Кант и канифоль.

Проводник Ленин

Ну и длинный же январь
Не без холода и лени.
Я-языческий технарь,
Но пока мне нужен Ленин.

Он – с погрешностью – Змея
В звездных сводках Интерпола,
А спаять его меня
Упросила «Пепси-кола»?

Железяка-манекен
В проводках, в пропайке, жгуте,
Кентервилец (Красный Кент)
К наведенью русской жути.

Я его вперед пушу,
А потом уже Сварога...
А пока деталь ищу.
Чтобы Ленин мыслил строго.

Идиотик славных дел!..
Я диодик из мат-раций
На ладони повертел,
Словно девку на матрасе.

Глушь собачья. Краснота
На просторах небосвода.
Не добавил я вольты
Воле русского народа.

Покрывает ночью лед
Эту «техноахиною».
Прямо с утречка – в народ,
А не то окоченею.

А пока что на луне,
Как Блеватская, от пьянок
Вижу в явь или во сне
Ильича да обезьянок.

Лягухи декабря

Наконец, подмерзла высь.
Лунный ком летит в окошко,
Но не рявкну в стекла «Брысь»,
Ведь луна – не кот, не кошка.

Здесь, ребятки, не Москва.
Не районная столица.
Как лягушка «Хва-ква-ква»,
Заскрипела половица.

Плиты смерзшейся трески
Или палочки из краба
Видел я, а вот доски
Лягушачьей?.. Вспомнить слабо.

«Ква-тит» шастать по избе,
Чтоб, молясь печному богу,
Государственной судьбе,
Вновь выскрипывать подмогу?

Я ж, как по морю Христос,
Коль в ногах – лягушки, рыбки
Да ледок-скользяк, то нос
Не расквасить бы с расшибки?

Заскочить, страшась, на крест?
Но распятыя нет в избушке.
Лишь ветра свистят окрест
С завываньем на опушке.

Завести о трех ноздрях
Пса полей (не поленился).
Рыба-пес живет в морях,
Здесь лягуха-половица.

Тут Крестьянский Океан.
Пол во льду. (Полярный орден).
Никакой не капитан,
Но еще на что-то годен.

Отец и сыновья

Он рывкнув сыновьям, что по селу
Не сыщется к июлю хлебной крошки,
Шарахнул кулачищем по столу,
Что у того поотсохли ножки.

Широким сыновьям, заузясь, встать,
Как в деревянной пирамиде ружьям,
Да лязгнуть, что пойдет сыновья рать
Поднять крестьян Приладожья, Прилужья!

Но батя, видно, «чистил» их не так,
Ни разу не прицеливался ими
По главным направлениям атак,
Когда приходится идти во Имя!

Как всяк в округе, не учил отец
Сынов национальному мышлению.
На ветках-венах соловьи сердец
Не очень-то зовут к Сопротивленью.

Советы поздновато огребать,
Ведь сыновей по радостям-обидам
Панически прицеливал к гробам,
А не к ружейным красным пирамидам.

Ни с места авиация бровей,
Ни ходят бронетанковые скулы,
Но зародятся в душах сыновей
Ракетно-устрашающие гулы...

Упрыгал от удара коробок,
Согнулись враз – радешеньки стараться...
Их распрямят однажды Господь Ток
И Богомать – энергия пространства!

СТИХИ ПО СЛУЧАЮ ЖИЗНИ

На ловца ловец бежит

*Посвящается (?)
Василию Чернышеву
и Фридерико Нессаю*

Распроклятое селенье:
Голодуха, вой, скандал.
Злясь, по-ленински поленья
Из поленицы скидал.

Баррикадою самую
Отбивался сколько мог,
Хоть начальною зимою
Во избе иззяб, издрог.

Просолясь и в хлам просоля
Пролетарское пальто,
Выдал сёлам из Лассаля
Да из Маркса кое-что.

Гласной нынешней эпохе
Знамя-кляп не вбито в рот,
Но моим сельчанам по хе...
То, что лирик проорет.

По весне к работе жадной
Вновь к стихийности приду,
Стану делать баррикадной
В огороде борозду.

Ну а коль не так, – топорик
Даст мне Васька Чернышев.
Что еще на жаркий спорик
Спорешь в крае изб, лесов?

Деве сладенькой и слабой
Укажу на двери – вон!
Мне бы жить с такою бабой,
Чтоб рычала на ОМОН.

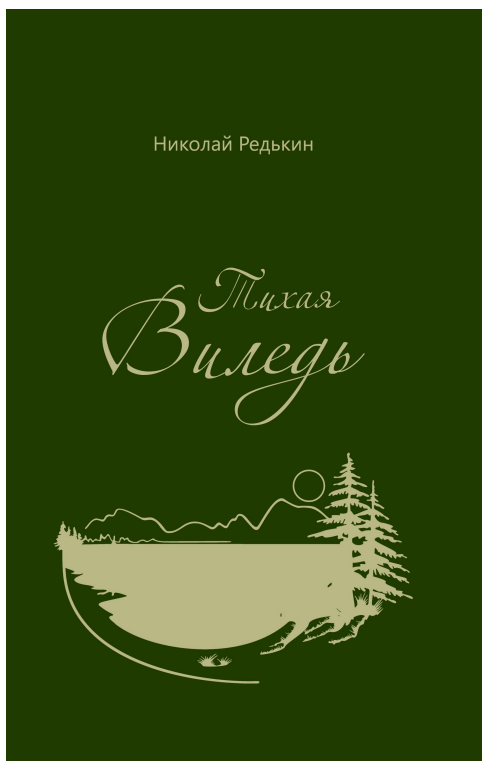
Как поэт и литработник
Знать не знаю ваш патруль.
Я – ловец, и я – охотник
За одной из «правых пуль».

Владимир Меньшиков

ДЕНЬ ДЕРЕВНИ

(О романе Николая Редькина «Тихая Виледь»
Москва, ИД«Сказочная дорога», 2015 – 436ст.)

1

Роман, прочитанный мною, оказался «произведением столетия» уже потому, что его пространное повествование укладывается как раз в рамки 20 века (1901-1999г). Но это хроникально, а в самой книге сюжетно-эпохально показаны достаточно напряженные отношения между двумя крестьянскими, зажиточным и бедняцким, родами Осиповых и Валенковых, проживающих в лесисто-полевой полосе Русского севера, в Архангельской губернии-области, не далеко от Котласа, на легендарной Виледи, названной так по имени протекающей там извилисто неширокой лирическо-трудовой реки. Да, на контрасте еще и рабочей, поскольку вместе со своими многочисленными изгибами да извилами ей и надлежит старательно горбатится на людей, особенно в сезон молевого сплава. И как водной артерии послужить для определения частоты пульса того или иного изменчивого русского времени...

Итак, Осиповы и Валенковы. Первые побогаче, поспоровистее, попримистее, вторые попроще и, может быть, доступнее, поэтому первая красавица деревни Полина выбрала женихом не Ефима Осипова, а Степана Валенкова. Не станем обыгрывать эту фамилию (выстраивая насмешливую цепочку валенок-тупарь-быдло, поскольку сам автор категорически против таких определений как «босяк», «нищоброд» или «валенок валенком»), в книге и без того много описаний веселых народных игр и в лапоть, и в уледь, то в кол, а то и в подол, а сразу сообщим, что победила любовь, а не корысть и выгода.

В произведениях народного писателя Николая Редькина, а он народный безусловно, хотя любовь побеждает не всегда, но она постоянно на первом месте, что делает его и без того мастеровитую прозу особенно привлекательной. Да, у него чувство руководит текстом. То, чем грешит большинство современных прозаиков преодолевается с легкостью невероятной. Пресловутые публицистичность и злободневность практически отсутствуют. Художественность преобладает бесспорно. Чувство бежит впереди содержания и фабулы, как конь впереди телеги, а не наоборот, да еще когда телега повествования перегружена производственной фактологией и многочисленными бухгалтерскими отчетами, так сказать, сюжетной «обязаловкой». Как и положено бубенец музыкальности (а деревенские произведения Редькина необычайно мелодичны и за счет напевности самого текста, и любовного показа великолепной природы угористого вилегодского края, и постоянного использования в повествовательной и прямой речи героев

чарующих слов местного диалекта) звенит над гривой прозы, если ее метафорически сравнить с лошадью, а не над- или под ее растрепанным хвостом. А применимо к Виледи отметим, что чувство бежит впереди, как река катится за пределы этого дорогого автору края, но, конечно, полностью из него не убегает. Так и писателя Редькина никогда не покидает чувство влюбленности, чувство прекрасного. И повторяю, когда чувство бежит впереди «паровоза производственной необходимости» – это отрадно. Это

большое достоинство романа и повестей Николая Редькина. Так теперь пишут только единицы, только избранные.

Конечно, и у других прозаиков, руководствующихся извечными заповедями и наказами русско-советской литературы, чаще побеждает любовь, но мы о другом не будем. Отметим только, вспомнив великого Есенина, что Редькин написал не про село Радово, а про Заднегорье (еще и от слова «горе»), и невестой Степы Валенкова являлась лесисто-полевая Поля, а не дворянская «девушка в белой накидке».

«Далекие милые были». Нет, они только в начале века да и то с натяжкой являлись бесспорно милыми, еще до первой мировой войны с «ерманчем», как баяли местные старушки. Тогда народ на полную работал и на полную гулял. Как говорится, «робили, но мозги не пропили». Да, в праздники, особенно в июньское яичное Заговенье без фанатизма попивали пиво, но не заглядывали далеко. Да и как заглянешь, если нет спецкоров от радио и газет, ни телевизионной тарелки типа «Триколор». Да и «Триолон», то есть «Тройной одеколон» тогда не был в ходу. О косметическом обслуживании заботилась только природа. Про космос, да и про само слово «космос» тогда не ведали.

И хотя роман назван «Тихая Виледь», что верно лишь частично, поскольку река находилась вдали от гремучих эпицентров тогдашней отечественной цивилизации, сам край являлся трудовым, голосистым, частушечным. Читаешь в начале о вполне благополучной жизни местного крестьянства и желаешь, чтобы поскорей этот Редькин перестал держать меня-читателя на позитиве и через абзац-другой показал «Тихую Виледь» не то что тихой, а немой, скорбно-молчаливой, трагедийной, поскольку роман претендует на звание «эпохальный», а эпохальность без трагизма это, извините, как водка без пива, время-деньги на ветер... Даже хотелось в слове «звонка» услышать слово «похоронка», хотя бы с фронтов Первой мировой войны. Но река Виледь летом мелкая, абсолютно несудоходная, нет на ней сигнальных красных бакенов, один из которых, допустим, можно посчитать за округлый регулятор громкости и за счет его кручения то в одну сторону, то в другую стороны можно добиться максимума ли минимума звучания. Убавить до нуля, до убойной скорби. Но скорби нет, классовый гнет и эксплуатация на Русском севере почти отсутствуют, и только на уровне приколов зажиточный крестьянин Осипов подбивает бедного Егора Валенкова, скажем так, за «маленькую» горькой или за глызу сахара прыгнуть с конька крыши на борону (к нашему сведению, не на накаченную воздухом, как дутыши в игровых детских городках, а с железными массивными зубьями) или пройтись голышманом на виду многочисленных косарей-односельчан. Читая подобные, не очень смешные и правдивые описания, поначалу думаешь, что это явный перехлест, но потом тебя догоняет вполне резонная мысль, что в таких больших произведениях лучше малость перехлестнуть... выйти за края, потерять берега или попутать их (применимо к Виледи), чем недохлестнуть или даже «недохристнуть», чему нас и учит хотя бы талантливый кинорежиссер Н. Михалков в своих общенародных фильмах, например, в «Сибириаде», во многом перекликающемся с романом Н. Редькина «Тихая

Виледь». Главное, чтобы была любовь и чтобы в такой любви не было не то что перехлестов, а пере-насыщенности и надоедания. И она, эта Любовь, здесь я возвращаюсь к отношениям между молодыми Степаном и Полиной, победила.

А вскоре победила и Советская власть. Вот тут бы и жить всласть, но не тут-то было. Через непродолжительное время в довольно вольные архангельские края, в северную Задонщину, в данном случае в Заднегорье (а еще в заречье или, ох, как красиво, – в зарековье) прискакали уполномоченные с кобурами-дурами и по программе, или как теперь пишут, проекту, дорожной карте «Продразверстка» умкнули у крестьян несколько лошадей, кучу мешков с зерном, продукты мясного и молочного производств. Дальше больше. Введя хитровановским наглым образом в разряд «кулаков», арестовали и увезли в отдаленную окружную тюрьму города Котласа зажиточного, но не использовавшего крестьянский наемный труд Захара Осипова и его возмужавшего сына Ефима. Через несколько лет за вынос с молочной фермы тусека с молоком репрессировали и жену Ефима многодетную Шуру. Да вот так, за тусок, за колосок – заполучи лагерный срок. А мы орем «Верните нам Сталина!». Захотели капитализма – вернули, и мы в шоке. Попросим вернуть Сталина – доставят, но если окажемся в шоколаде, то, думаю, это будет такой шоколад, который происходит от слова «шок»...

Вот примерно такие картины из русской народной жизни рисует писатель-художник Редькин, а если надо то и Репкин-Репин, и мазки, и предложения его продолжительны, и пишет он не усеченно и обрывочно, как я, а полнокровно-полнословно, солидно и доказательно. Я же как умею. Мельчу и много шуткую, что можно, наверное, посчитать за побочный эффект при прочтении незакомплексованного, несдавленного рамками различных условностей писателя-вилежанина. Но еще более разболтанной, местами прямо-таки разбитной является работа о творчестве Николая Ивановича литературоведа Елены Митарчук «Редькин, Пастернак и Гоголь с ними...». Хотя Редькин относительно немного пишет о церкви (но в частности, очень зримо описал как церквушку в разобранном виде перевезли на людное место и собрав, не превратив однако хотя бы в мини-собор, открыли в ей злачное заведение), эта критик в своей рецензии на роман «Тихая Виледь» использует совершенно антицерковные, альковные строки из эпатажного стихотворения Пастернака «Свеча горела на столе, свеча горела...». К тому же, продолжая наводить критику на критика, отмечу, что Редькин никогда не назвал бы бедняка «голодранцем» и не использовал бы в своей ответственной прозе легковесное и пошленькое выраженьице «любовь к родной землице». Однако рискованную затею Митарчук поставить роман Редькина в один ряд с произведениями Гоголя и Пастернака считаю оправданной. Да, Пастернак как литературное растение, хотя и с либеральной грядки, куда затягивают и нашего писателя-патриота, но в прозе он Редькина не «слаще», не лучше. Впрочем, и Николаю Ивановичу с кивком в сторону Бориса Леонидовича надо поставить на вид, что для соответствия определению эпохального романа, нужен размах поболее, пошире, со сценами городской жизни Москвы,

Петербурга или хотя бы Архангельска. Но у Редькина имеется неплохой шанс устранить пробел в следующем большом романе, просто необходимым для составления обязательной по совковским меркам прозаической трилогии.

Здесь же двукнижие. А еще проще двучастие, то есть роман состоит из двух частей. В первой части речь идет, река речёт о событиях с начала века до 30-годов, ознаменовавших собой силовое создание красных колхозов, а вторая – восьмидесятые-девяностые годы с жутковатым упразднением этих «знаменно-праздничных» сельхозпредприятий и повсеместным умиранием русских деревень и начавшимся распадом государства Россия.

2

История двадцатого века изучена нами неплохо, теперь мы зряче ориентируется в ней и поэтому по определенным причинам можем начать обратный отсчет годов и событий. Да и меня, как река Виледь давит на берега, некоторые обстоятельства подбивают начать рассказ о второй части романа с конца, со сцены, когда значительно постаревший Борис Осипов, сын раскулаченного селянина Ефима Осипова, попав под ливень, слезно и судорожно вспоминает, как в тридцатых годах, в такой же водопад крепкие уполномоченные арестовали его мать Шуру за украденный туюсок с молоком и повели под гору к подводам, а ее малые дети, в том числе и Боренька, все в слезах и заляпанные дождевой грязью, бежали за ней с истошными криками «Маменька! Маменька!».

«Резкие порывы ветра рвут рубаху на Борисе. А он стоит, опершись на косье. Слезы, как горошины, катятся по его небритым щекам. И губы повторяют все одно и то же: как это могло быть? И в этом шуме слезного дождя, накрывающего его, он как будто слышит ответ. И не верит...».

А как же верить чему-то и кому-то в нашей стране, где даже Христос не дает никаких гарантий, что завтра безвинно любого из жителей, того же Николая Редькина не уведут конвойные? Ведь и горя, и даже гари почти все из нас хватанули в конце века, неспроста автор упоминает расстрел Белого дома в октябре 1993 года и далеко не мирные и бескровные события, связанные с ГКЧП в 1991 году. То есть двадцатый век и в своем завершении отстрелялся не в холостую, а по определенным политическим целям и фигурам.

В провинции же, хотя смотря где, распад СССР в колхозах-совхозах проходил потише, в основном, эмоции выплескивались в ходе разноуровневых реформистских дебатов и голосований. В показе последних судьбоносных жарких колхозных собраний в перестроечном Вилегодском районе и проявилось редкое мастерство писателя Редькина показывать народ в целом и по отдельности, проще говоря, по принципу «у каждого деревенщика свои тараканы, иьяны и планы».

Да что говорить, Редькин, пожалуй, последний из писателей-могикан кто может так детально, широко и правдиво показать народные массы, русский народ, чтобы предьявить его со всеми достоинствами и недостатками миру. В этом отношении показательна сцена из начала романа, где крестьяне общё и по-русски общинно выходят на покос:

«В первых числах июля все дружно принялись косить. На луг ниже Подогородцев, что опрокинут природой-матушкой от пахотной земли вниз, к извилистому Портомою, высыпал стар и млад. Вырядились девки и бабы в белые платки и кофты, мужики в белые рубахи. Слышен крик, хохот, звон отбиваемых кос. И горбатенькие, немощные старухи потянулись в луг посидеть, пошуметь, потакать молодежи. А иная не вытерпит – тянутся иструдившиеся руки к косе. Вот и старик Тимофей, древний, седой, а туда же! Всю зиму спал беспробудно, ни жив ни мертв. Баба его Агафья уж пужалась: подойдет, послушает, живой ли? А он как из преисподней: «Ждешь не дождешься смертушки моей». – «Фу ты, черт старый!» – крестилась Агафья. А теперь вот эко чего сделалось с мужиком! Встает спозаранку: надо робить. Мало на веку-то наломался. И Анфиса бранится на него: – Тятя, ну куда тебя несет — траву пугать! Еле ноги волочишь, шел бы ты домой...— А хоть покос, да пройду, — сурово говорит Тимофей, — много ли у тебя работников-то? Парамон, видать, на германча косит-взбубетенивает. Не кажется, не откликается... И сел Тимофей на травяную кочку, и стал неторопливо лопатить косу-горбушу. Шутка ли – сенокос! Всех молодит. И стариковские щеки зарделись румянцем. Ровные покосы потянулись к ручью Портомою»...

По сути Редькин показал «мужичкий рай», клюевско-есенинскую Ионию, материализовавшийся коммунизм. Но это в первой части книги, во времена еще дочекистой Руси, а в 90-е годы народ как таковой как бы пропадает, причем пропадает в буквальном смысле, поскольку брошены «любимой КПСС» на произвол судьбы и на божью волю. «На, Господь, на, – вот тебе страна». Господь и буржуи приняли, но стали действовать по своему усмотрению и выгоде.

И осталось экс-колхозникам только мудрствовать, причем без всякого хитрованства и лукавства: «Второй раз на нашем веку жизнь перевернулась. Поди еще и не последний».

Или примерно так: «Миллионы голов за Советскую власть положили, а теперь отдали власть без боя, без выстрелов. Зачем тогда столько страданий, мук перетерпели?».

Или еще: «Раньше в колхоз загоняли, а теперь сам колхоз разогнали, а людей из него списками выдавливают... Сразу 100 человек вышло».

Как говорится, за что боролись... Осталось только горевать да изливаться слезами и словесами.

А на слова и особенно на музыкальность слов народ Виледи всегда был щедр. И если во второй части романа количество людей и деревень значительно поредело, то сильно обеднел и язык. Это описывая начало века, Редькин устроил настоящую звень-перезвень! Вообще же поэзия в романе – везде и во всем: в диалогах тоже. Многие пейзажные зарисовки просто восхитительны, причем они стоят в нужных сигнальных местах и стопроцентно работают на общий замысел автора, на правдоподобие и обязательно на «сухую», саму по себе сермяжную сельхозатрибутику произведения. Народный писатель на все сто использует невероятную богатую сокровищницу или кладезь вилегодского языка – «баско, натакать, насмертно,

лячкать, вдругозя» и т.п. А проговорки «Чтоб носу не казалась!.. Кол тебе в ухо!.. Опять не то на ум пало!...». А частушки:

Не ходите, девки, замуж,
Ничего хорошего!
Утром встанешь, сиськи набок,
Голова взъерошена.

Или политическая:

Едет Ленин на телеге,
А телега без колес.
«Ты куда, плешивый, едешь?».
– Загонять людей в колхоз!

Загнали в колхоз – выгнали, нарекли строителем коммунизма – обгадили, но как призывает Редькин, в любом случае надо оставаться человеком. Именно с таким, в-общем-то, затрепанным, осатаневшим лозунгом-подтекстом автор описывает перипетии жизни одного из главных героев романа – Федора Валенкова. Внук крестьянина, который на спор смог, оголившись, пройтись среди смешливого многолюдья на покосе, стал лютовать, будучи принятым в пионеры, терроризировать бабок, у которых в избах в красных углах висели «белые» иконы, и, как Павлик Морозов, «вломил» мать Полину, таскавшую помаленьку муку со склада. Ну все вроде, отчетливо поставил на своей «павликоморозовской» биографии большевистское суровое клеймо, мол, железный мальчик, робот-ребенок, но прошли года, а Федор не стал профессиональным сексотом, партийной злобствующей шестеркой, а вырос в самостоятельного, требовательного и гуманного руководителя, пользующегося авторитетом у местного населения. То есть Павлик Морозов – на заметку всем либералам – отнюдь не «отморозок». Не таких уж плохих ребят воспитывала советская школа. Но табличку с надписью «Заднегорьевская начальная школа», которую сшиб колом со стены дома на землю Борис Осипов, все же не охота прощать автору – бывшему преподавателю. Лично я считаю, что не церковь, а школа до сих пор – главная святыня народа. Вспомним, как писал Николай Рубцов:

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать –
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

Или мои строчки:

Я хочу, чтоб эти избы,
«Восьмилетка» и река,
И дорога в Коммунизм бы
Сохранились на века.

Но табличку Борис сбил. И это факт, зафиксированный в романе. Всё же, немного пожурив автора, отдадим ему должное, что жизнь показывает всесторонне, с плюсами и минусами, всеохватно и, как порой у него встречается, – с перехлестами, так как и бывает на самом деле.

3

Когда читал книгу, то иногда казалось, что роман «Тихая Виледь», словно река, местами плавно, как ни в чем не бывало, обходит выступы берегов и острые углы жизни, например, почти не задета тема Великой отечественной войны. Но тут же вспомнилось, что о житье-бытье, о «братьях и сестрах» в пору военного лихолетья, в годы голода и лишений очень подробно и обобщенно написал другой архангельский писатель Федор Абрамов. Наверное, чтобы не повторяться и не перегружать совсем не широкую и не глубокую Виледь, которая по размерам значительно уступает Пинеге и Северной Двине, Николай Редькин уделил этой непреходящей теме незначительное место, хотя отголоски войны в романе слышны да еще как громко!

Можно было бы, конечно, расширить некоторые исторические описания, добавить фактологии, фактуры. Некоторые читатели заявляют о якобы нарочито малом объеме главок, но лично меня это нисколько не смущает, повествование идет органично, никаких сбоев в сюжетных, психологических и прочих изобразительных линиях не обнаруживается. Но все же хочется, чтобы в некоторых узких местах было произведено хотя бы незначительное расширение, разъяснение, уделялось большее внимание нравственным исканиям и метаниям, чтобы, например, сделать трагический (в любом случае) выбор, за кого воевать: за «красных» или за «белых». В романе же (мане же) – ать-два-ать – пошел за «красных» воевать, а как же, интервенты высадились в Архангельске, скоро пойдут на Котлас и Виледь. А классовый, архагвеннический подход? «Тихая Виледь» в данном случае течет совсем не плавно, а быстро, и решительно сбивает на своем повествовательном пути препятствия и заторы в виде нагроможденных исторических противоречий и вопросов.

У речных матросов нет вопросов кроме некоторых, например: «Вот им кисло на Виледи при царе жилось?». И ведь река призналась без промедления, не пришлось разжимать её зубы хотя бы тем же багром, чтобы выдавила «Хорошо», что является ответом и на некрасовский классический вопрос «Кому на Руси жить х...?». Не нужны были здесь колхозы, но их создали, людей в них загнали, а через шестьдесят лет с невероятной легкостью разогнали. Куда крестьянину податься? Писатель Редькин пусть неуверенно, но показывает на выси и расписывает возможный путь-исход так: «Алексей и Настя стали медленно подниматься в деревню по дороге, которая, как действительно казалось отсюда, снизу, не в деревню вела, а в небо!».

Или приводит слова умирающего старика Петра: «И мне ведь шибко охота последний раз Заднегорье увидеть. С угора нашего на всю Русь глянуть!». И на Бога тоже?

Но в России и с путями-дорогами, и с религией всегда были перехлесты, «перехристы». Мужика со всей его русской сущностью постоянно швыряет из одной крайности в другую: то работает без продыха, то на печи валяется, то в церковь поспешает, то из церкви скачет в пивнуху напротив, то, как юродивый, начинает на кабак молиться, а на церковь мочиться. Ой-ой. А то Настя, молодая клубный работник и одновременно певица из церковного хора, но в первую очередь жена Алексея, помогая его вхождению в веру, вдруг сурово заявит: «Я, знаешь ли, не люблю, когда не верят». То есть автор совершенно правильно и смело показывает, что верующие не терпят, когда другие не верят, когда у других не так как у них, и как бы хотят принудить их к богопоклонению, порой насильно заводят или загоняют в церковь, как в колхозы. А потом сами соборы громят, как некогда «добровольные сельхозорганизации»?..

Но если не в церковь и не в бесовский красный клуб, то куда крестьянину «затесаться», где проявить русскому человеку присущую его духу Соборность? Можно иронически сказать, что отдушиной для селян на какое-то время были организационно-реорганизационные многолюдные собрания, на которых не продохнуть, по поводу упразднения колхозов. Но там опять-таки безудержно рядили: куда же идти: или на заросшие поля или в дремучий лес, благо он рядом и чрезвычайно богат образцовыми соснами и елями, чтобы и его деревья, как деревни, вырубить, а высококачественную древесину отправить по оккультным рекам и окружной ж/д за границу?

Короче выпала народу воля сторублевая: кому на заготовки в лес, кому в собес, кому в агрофирму «Третий прогресс».

Вот здесь-то Николай Редькин, скрупулёзно и неравнодушно рассматривая многовариантность народного выбора, показал себя действительно большим писателем, крупным исследователем русской жизни и русской души.

Совхозы и колхозы рассыпались, поля зарастали, земля стала уходить из-под ног, а от внезапных сближений с небом закружились головы, но нашлись все же на Виледи серьезные и правильные люди, чаящие отцовско-дедовские традиции и заповеди и стали вокруг себя собирать единомышленников с целью вилегодского, бери намного шире, всерусского возрождения для улучшения современной жизни на основе сохранения памяти о родном крае и, в частности, о ликвидированных в период сельхозукрупнения многочисленных, милых сердцу деревушек. В плане организации опять самыми деятельными оказались уроженцы деревни Заднегорье Борис Осипов, Федор Валенков и его жена Лидия Ивановна, в светлую голову которой пришла идея собрать местных и разъехавшихся по всей России односельчан и устроить летом День деревни. Что ж, назначили время проведения, известили народ, причем на праздник мог прийти любой житель Виледи и, наведя возможный порядок на развалинах брошенного селения, привезли столы и скамейки, наварили пива, подготовили концертно-танцевальную программу. Торжественные слова на открытие необычного мероприятия на открытом воздухе говорила Лидия Ивановна, бывшая учительница. Вот как прозаик Редькин описал этот волнительный момент: «Она вела сегодня единственный

в своем роде урок. Необычный. Трудный. Открытый. Всей деревне. Всему миру»!

Психологическим нюансом явилось чувство, внезапно охватившее выступающую, она ощутила: что-то мешает ей вести праздник, говорить.

Но таким раздражителем для Лидии Ивановны являлись не люди, а... Тишина, «царствовавшая здесь столетия» и глушившая теперь человеческие голоса.

Далее автор довольно подробно сообщает: «Все внимали ей. Справившись с волнением, она огласила скорбный список, составленный Алексеем, перечисляла поименно тех, кто погиб в лагерях. Кто сложил голову на войне. Кто умер после войны. И предложила почтить их память минутой молчания. И все встали. И замерли. И взрослые (некоторые смахивали слезу), и озорные дети стояли смиренно, вытянув по швам маленькие ручонки. И даже Боренька Осипов на руках Алексея на мгновение застыл и удивленно приоткрыл ротик. И на мгновение воцарилась над угором торжественная тишина. Даже ветер стих»...

Потом звучали тосты, песни с частушками. Люди, объединенные коренной деревенской идеей, смеялись и плакали от радости.

4

Время идет. История пишется. У основной из молодежных пар, показанных во второй части романа, у Алексея и Насти, родилось уже трое детей. Алексей, который будучи юношей, почти каждое лето навещался с родителями из Котласа в Заднегорье в необыкновенно красивые и не закрепощающие человека дедовские места, остался там после женитьбы на постоянное местожительство с самыми серьезными намерениями, работает преподавателем, обустроился, стал ладить дом, косить, заготавливать. Он и семья основательно прижились в вилегодском селе Покрово, в которое время по сути депортировало людей, а не они сами дезертировали из почти всех малых деревень округи. Алексей и его Анастасия, хотя и относятся к так называемой деревенской «вшивой» интеллигенции, все же является надеждой и опорой, при помощи которой держится людская надежда на завтрашний вилегодский день.

Эти сравнительно молодые люди четко сориентированы как на землю-кормилицу, так и на небо-спасителя, на его земной филиал – церковный приход. И вот здесь, при достаточно достоверной тяге молодых людей к православной вере, появляется версия, что писатель Редькин – выпускник и бывший преподаватель советской школы, как общеобразовательной, так и литературной, ценит в церквях больше не содержание, а их архитектурную красоту. Все мы, но так устроен мир, втянуты в гонку за прекрасным (и уродливым тоже). Легко любить красивое, отстроенное, но кто полюбит некрасивое язычество, проявления которого все же встречаются на Русском севере? На фоне красивого вроде и сам красив. Но как показывает ход времени (вспомним дореволюционный период) церковь как красота не спасла русский мир от глобальных потрясений и катастроф.

И в данном случае у писателя Редькина чувство опережает тревожные мысли. Но разве за это можно судить, злобно критиковать? Ведь литератор-гуманист в лучших традициях национальной классической литературы желает людям только всего хорошо. И это вина гораздо более могущественных сил, когда подтверждается, что дорога, вымощенная благами намерениями, оказывается, опять сворачивает в ад. Снова вспоминаются слова одного из героев романа: «Второй раз на веку жизнь перевернулась. Поди еще не последний». Поэтому и автор предлагает при дальнейшем ходе русской истории двигаться не как при Советах, – наобум, а осторожно, с оглядкой. В случае с Россией риск совершенно не благородное дело, сколько миллионов людей положено!

Что ж, в вилегодской хронологии на беды то пусто, то густо. Иногда при чтении романа только начинаешь в каком-то месте сожалеть, что стало все благополучно, скучновато и суховато, то есть «бескровно», как тут же на голову выливается ушат крови, и начинаешь небеспричинно предполагать, что вскоре опять всего трагического понахватается вилегодская сторонushка.

И в жизни только оглядываясь, не зевай. Поэтому считаю, что основной завет основательного и классического писателя Редькина – это «тише едешь – дальше будешь». Этот принцип, пожалуй что, даже преднамеренно и оправданно заложен в название романа «Тихая Виледь». Пусть река течет, не торопится и не запускает вперед себя вспененные волны советского героизма и романтизма. Пусть над рекой светит банальное, но теплое солнце, пусть звонят церковные купола, пусть раздаются детские и взрослые голоса, пусть пошумит сельскохозяйственная или лесозаготовительная техника. Пусть всегда будет мир и достаток на Вилегодской земле!

Завершить статью хочется несколькими строками о незаурядном таланте прозаика Редькина. «Тихая Виледь», конечно, не «тихая», хотя по некоторым показателям и тихая, но если не теперь, то в недалеком будущем обязательно «выстрелит», поскольку потенциал этого произведения еще не раскрыт, а энергетический заряд его считаю очень мощным. Да, «Тихая Виледь» говорит, поет, кличет, взывает. Виледь со своим звучанием речным, речевым, звенчальным, как бы сама говорит за себя, она «засебяговорящая», но не самоговорящая, ведь чтобы она заговорила на человеческом языке, сочным, бесподобно музыкальном и содержательном, на котором объясняются местные жители прошлого и нынешнего веков, ее должен расшевелить, растолкать (лодкой или веслами), а потом разговорить такой Писатель, которому бы она полностью доверилась, раскрылась во всей своей, повторяю, речной-речевой глубине. И такой писатель, который с титаническим трудом и феерической легкостью повествования нашелся, это Николай Иванович Редькин, которому должны сказать «спасибо» и местные жители и всероссийский читатель.

Маргарита Токажевская

СТИХИ
2019 года

Редакторы-учредители журнала
Маргарита Токажевская и Мария Амфилохиева

Стихи 2019 года

Сколько ни рассказывал про свою грусть,
Всё мне не хватает твоей грусти,
Вот идёт грибник, сейчас найдёт груздь,
А казалось, кто-то все собрал грузди.

В пальцах виноградинка, на лозе гроздь
Винограда белого, пусть будет мускат,
Чёрный птах клюёт её, пусть будет дрозд.
Мне б тебя с твоею грустью в лес не отпускать.

Ты не заблудишься, костёр разведёшь,
Это я блуждаю и мёрзну впотьмах,
Только и утешит, что один дождь
Пролетел над нами, как судьбы взмах.
Март 2019

А тебе не страшно одной ночью?
Ой, и не спрашивай, страшно!
В сегодняшнем сне изорвано в клочья
То платье, что во сне вчерашнем
Я сама расшила голубым стеклярусом...
Завтра ночью я уснуть не смогу,
И оконная занавеска покажется парусом
Моему внутреннему врагу, –
Уйдёт встречать, чтобы увести далеко
Всех, кого увести легко...
А тебе не страшно одной, – спросила
Маленькая девочка, –
она относится к темноте серьёзно.
И при чём здесь воля, при чём сила,
Когда на душе темно и морозно...

Я уже написала про
Скрипача, ускользнувшую белку,
Срифмовала чёрную бровь
С болью цвета побелки.

Вместо серых атласных штор
Повесила жёлтые шторы,
Прекрасен тканый узор,
А так же судьбы узоры.

Я слушала, как журчит
Ручей в голубой долине,
Я помнила, как рычит
Пёс на цепи предлинной.

Я думала, что прошло
Чувство с запахом хвои,
Но, только каплю присловь,
И море сбежит на волю –

Море густых ночей,
Где ожиданье стыло
Над тишиной ничьей,
Что нелюбовь простила...
Апрель2019

Детский рисунок

Кто это? – это мама-марсианка вывешивает бельё.
Из разговора с ребёнком на уроке рисования...
Кто это? – это мама-марсианка вывешивает бельё.
На марсе весна, цветут яблони и вишни,
Здесь никто никогда никого не убьёт,
Никто никому не станет лишним.

Дети рисовали космос, ребёнок видел жизнь далёкую,
Солнце зеленело над марсианскими лодками.
Рядом с мамой-марсианкой играли марсианята,
Ни тебе ИГИЛ, ни тебе НАТО,
А просто мама-марсианка вывешивает бельё,
Здесь никто никогда никого не убьёт.

Небо такое серое, что кажется сиротой,
Краны пытаются заменить атлантов.
Простой ли простор или простой
В цехе по вытачиванию талантов,
Но вдруг понимаешь, что текущий век-
Время тяжёлых опущенных век.

Но природа застыла как перед родами.
Серое небо над всеми народами,
Краны неподвижные в центре и с краю.
Я это небо не выбираю,
Ты это небо не выбираешь,
В выборные игры давно не играешь.

Но вот уже один кран повернулся-
Толи ветер усилился, толи крановщик проснулся.
14 марта 2019

Люблю сочинять, сочиняю,
И что, если малость привру
О птице на старой чинаре,
О плясках на ханском пиру.

Там конь, что за белой юртой,
Стреножен и ждёт седока,
Там девочка, пленницей юркой,
То близко, а то далека.

Там два аксакала устало
Глядятся друг другу в глаза,
Там жизнь навсегда перестала
В закрытые думы влезать.

И, чтобы последние точки
Прервать не сумели враньё,
Отдам путеводные строчки,
Судьба, во владенье твоё.

Серость холмов, фиолеты горы,
Игры на выигрыш, игры-миры,
Игры на время, на жизнь или смерть,
Выиграть надо, сдаваться – не сметь!

Медные трубы, вода и огонь,
Кто осторожно идёт на обгон,
Кто, обгоняя своих и чужих,
Не замечая, по кругу кружит.

Но наступает эпоха потерь,
Приоткрывается космоса дверь,
Молча стоишь на распутье дорог,
Горы, холмы, неизбежность тревог.

Всё принимаешь, не в силах бежать,
Божьею радугой слёзы дрожат...

Давно не пеку пирогов,
Над пловом давно не колдую,
Не крашу сайгачьих рогов
И даже на воду не дую.

Пугливый тушканчик сбежал
В потерянный детский миражик.
Иголки безжалостных жал
Скатились в колючий овражек, –

Там древний шиповник цветёт,
Иголки ему не помеха...
Душа вспоминает восток,
Звенят колокольчики смеха:

Играем в лапту, волейбол,
А дома и плов, и окрошка,
И вечная Божья любовь
Звездю глядит из окошка...

Из окна лаборатории
То закаты, то снега,
Закопанные истории –
Глазу некуда сбегать.

Сверху виден угол площади
И трамвайное кольцо.
Нарисую абрис лошади
И прижму к нему лицо.

Мне не вырваться, алхимику,
Нужно где-нибудь творить.
Забредёт котёнок хиленький,
Стану корюшку варить.

И придёт сознание истины
(чудо, юдо, рыба, кот):
Все пути твореньем высланы,
А творенье вечность ткёт...

Что-то опять неправильно рассчитали,
Переборщили кровавой ржавчины, мёртвой стали,
Миллионы жизней швырнули в пасти наживы,
Миллиарды давно надрывают души и жилы,
Чтобы просто выжить – бездомным в спальном районе.
Вельзевул веселится на чёрном готическом троне,
Но даже он порою щиплет себя за щёки
И, словно подросток, орёт: «я реально в шоке! –
Они, что, самого Меня переплюнуть решили! –
Пора заканчивать эту сказку – были когда-то, жили...»
14 мая 2019

В. И. Чернышеву

**Он изо дня в день сочинял для немногих.
Эта работа была для него привычной
Одиночества одного в толпе одиноких.
Однажды он присел на скамью под цветущей вишней.**

**Город клокотал вокруг – дребезжали трамваи,
Плакали дети, предчувствуя наказание
За то, что они пока не бывали
Такими, каким не придумать названье.**

**Взрослые не замечали детского плача,
Сочинитель утешал детей, понимая,
Что дети чувствуют совершенно иначе,
Чем взрослая публика. Картинка немая
Плыла перед глазами кондуктора: голубиные крылья
Были видны за детскими спинами...**

**И что бы там многие ни говорили,
Немногие – оказались сильными
И не предали сочинителя, сохранив
То, что сочинилось для них...**

Прим. Вот убейте, не помню, присылала ли это ст.
В «Окне» я его точно печатала

Прим. редактора. Да, я его уже печатал, но пусть читатель еще раз
вспомнит, какие хорошие бывают редакторы и какие отзывчивые поэты

В. Меньшиков. ВЫСОТА ЕЁ ПОЭЗИИ

(О стихах Маргариты Токажевской)

1

Я солидарен с теми, кто считает, что Маргарита Токажевская – безусловное явление в современной петербургской поэзии. Талант – из «понаехавших», так сказать, из иногородних. «Ну и что, ничего зорного» – включают в себе «интеллигентность и толерантность» завзятые петербуржцы, однако не поспешат причислить Маргариту к *когорте* избранных. Да, причислить, причастившись к *Огорчиком*, в число ...не очень православных, но достаточно славных литературных тетенок и дяденок. Это я еще и потому говорю, что в прочитанном у Токажевской довольно редко встречал упоминания имен Бога и Иисуса, хотя по принципам и умонастроениям ее стихи, конечно, гуманистические, светлые. Давая такие добрые определения ее произведениям, тем не менее не впадаю в состояние умиротворяющего спокойствия за судьбу ныне популярной Маргариты, а считаю, что надо и в дальнейшем за нее держать «деревенские кулаки», поскольку честолюбивых дублеров и резвых претенденток на высокие места в рейтинге петербургской женской поэзии не счесть, их сотни – страждущих и жаждающих. Долгие годы квота на популярность и вполне заслуженно в СП (Петербург) безальтернативно числилась за Ириной Моисеевой, почти все «салютные комья комплиментов» летели в ее адрес, на ее счет, но в последнее время содержимое на этом счете стало неудержимо уменьшаться, таять, как сугроб, что не есть «суть гроб». Может, дадут на том сугробе, как на поэтическом подиуме, постоять «маненечко» и талантливой «манечке» из понаехавших? Но только короткое время. Так что, ловите миг удачи. И Маргарита поймала скользкого удава удачи, а так же обжигающую жар-птицу. Может, и опалила при этом десницу, но, главное, что эта боль и сладость ожога не передалась по пространству нам, и мы бы не разжали кулачки, которые держим за поэтессу. К кому же у кулачков в России и не только имеется особенность мстительно сжиматься и угрожающе показывать себя уже тем, за кого их недавно держали. Не будем забывать, что Петербург строился на болоте, и хотя почти все кулаки, побывав на нем, хвалили свое местопребывание, но между ними, кулаками, идет порой прямо-таки кулачная бойня, махаловка-нахаловка, напоминающая чем-то сражение на Куликовом поле...

2

Нет, вовсе не наше поколение придумало разделение на «своих» и «чужих», мы просто продолжили жить по такому не милому, а условно милитаристскому принципу, который уже опытная Маргарита Токажевская описала следующим образом:

Я вредные ела конфеты,
 Читала стихи до утра,
 Бросала чужие монеты
 В низинную реку с бугра.

Да имеет место в жизни такое занятие, непонятно, приятное или неприятное, как бросать монеты в воду и, пока они летят, еще и думать (осознавать), что «эти монеты не мои, и я их бросаю на счастье, на фарт другим людям, другим поэтессам». Жизнь вообще быстро пролетает, а в этой жизни тоже все прогнозируемо прибывает к нам и уносится от нас: и кулики, и кулаки, и монеты. У Маргариты тоже всё в полете, хотя сразу вместе с ней оговоримся, что никуда не улетает от женщины-литератора черная чугунная сковорода, которая привязана или прикована то ли к плите, то ли к самой хозяйке. А так мельтешат перед глазами самые различные предметы, бутылки и бабочки, «вереницы огней», «вечно летящие воспоминания», уже не говоря о прыгающих антилопах и отрывгающих ракетами бомбардировщиках. Само собой в назначенный миг, словно «МиГ», взмывает в выси душа человека, а вот про то, что «со скоростью переживания, со скоростью вечного света» летит в небо сердце, я прочел первый раз в жизни.

И душа, сердце – всё богу, всё небу! А земле-то хоть что-нибудь остается? Да, пожалуйста, уже в одном из соседних стихов сама вечность со свистом устремляется в тартарары и с готовностью по пути сбить с орбиты маленькую беззащитную землю. Остается только просить о помощи у непонятно кого:

Кто сможет подвесить рессоры
На вечность, летящую в тлен...

А учитывая мрачные откровения, с которыми познакомился ранее:

Пусть не знаешь, куда возвратиться,
Потому, что сломали крыльцо,
И кричит безымянная птица,
И метель обжигает лицо, –

хочется подвесить или прикрепить рессоры к самой Маргарите Токажевской, чтобы она, обладая амортизационным смягчающим удары устройством, не разбилась о камни жизни и творчества. А проблема достижения и удержания житейских и литературных высот метафорично и достаточно полно раскрывается честолюбивым автором фантастическим образом в таком стихотворении:

Это тиканье взглядом на призрачный вид из окна,
Где железная птица разлуки уже не видна.
Исчезает не только поэзия, тот самолёт,
Он когда-нибудь точно гнездо над землёю совьёт,
И проклюнувший сталь неживую пушистый птенец
Скрежет, лязганье, ржавчину, страх победит наконец.
Пусть не вывел птенца самолёт, пусть исчез навсегда,
Ожиданьем птенца выживает его высота...

И если выпадает птенец-самолетик из небесного гнезда, то в противовес высоте, которая «выживает ожиданием птенца», земля обмирает только при одной мысли о его трагической участи?

Конечно, и у Маргариты лучшие стихи написаны на контрапункте, на контрасте, допустим, жизни и смерти. И все же из гуманных побуждений поэт Токажевская чаще всего дает шанс – а как иначе? – на выживание свои героям, попадающим в критические жизненные обстоятельства. Такие спасательные действия она осуществляет хотя бы через прославленную «скорую помощь», через пресловутую больницу. Нам предписано, а доктором прописано попасть в жуткий иллюзион контрастов, в мир крайностей: огромный больной город в стихотворении «Мегаполис» суровая и якобы милосердная жизнь пытается втиснуть для оздоровления в крохотное и условное медучреждение, врачи в котором реальные чудовища:

Немолчный город кажется большим
 Чудовищем, которое взмолилось,
 И ждёт, что кто-то сжалится над ним,
 Но чувствует – опаздывает милость
 Чудовища другого – мир людей
 Жесток немилосердной суетою,
 И сколько для него ни золотей,
 Всё кажешься обёрткой пустою...

Обещанное выздоровление окажется фикцией, острая боль не смолкает, но и успокаивающая гибель не приходит:

Нисколько не больно, ей-богу,
 Но как-то никак, что больней...
 И холодом к левому боку
 Летит вереница огней,
 Безжалостных мнимостью света...
 К утру пролетят, и пройдёт...
 Но кто-то ведь выдумал этот
 Бессмертно-холодный полёт...

А полет может быть индивидуальным и общечеловеческим, знаковым или совсем бестолковым, самим собой разумеющимся или планетарно взрывным, о чем прописано всего лишь в одной строке поэтессы: «Листья падают, словно осколки ракет...».

Опять наблюдаем соединение несоединимого: умиротворение золотой осени и жуть от взрыва то ли военной ракеты, то ли космического корабля. Впрочем, Маргарита предлагает относиться к стихотворению как к литературному произведению, а не как к осуществленным угрозам человечеству, то есть спокойнее:

Звенит струной густая пустота,
 Струится свет невидимых событий,
 И что с того, что хлебные места
 Не ждут поэтов, авторов открытий,
 Учителей рисунка, мастеров
 Искать пути вперёд, а не по кругу.

Звенит струной созвездие миров,
И кто-то ищет кроткую подругу.
Другие дни, иная правота,
И ни к чему ни нервничать, ни злиться,
Бумажная сгодится борода,
Когда настанет время веселиться.

Ирония всегда имела оздоровительные свойства. Но обретенные спокойствие и уравновешенность тоже ненадолго, и вновь в стихах Маргариты Токажевской возникает образ Доктора, врачевателя:

Мысли мои – это чувств осадки,
которые надо прослушать,
как доктор, трубочкой деревянной,
внимательно, неторопливо, –
так и вижу его – сидит на диване,
а вокруг него пахнет липой.
Это бабушка заварила
лепестки, собранные в бывшей Польше...
Читаю историю Древнего Рима,
и мне ничего не хочется больше...

Конечно, очень интересны и бывшая Польша, и Древний Рим, но вернувшись к слову «липа» из предыдущего опечатанного мною стиха, в котором написано и про бумажную, тоже липовую бороду, подумал, а не делает ли поэтесса Токажевская из меня-читателя старика с трубочкой, дурака или маньяка с дудочкой, этакого классического «крысолова», на которого я в недавней статье вывел вдохновляющую Ирину Моисееву? Но ведь о наивных и доверчивых детях написано и у Токажевской:

Камни, все камни обветренных сопок,
Звёздный впитавшие свет и молочный
Запах ягнят и телят, облаками
Вечно летящие воспоминанья
Будут навевать ваших недвижимых
Судеб бессмертное место.
Верю, что там, где лежите, где зимы
Мёрзлые травы качают над вами,
Где неподвижное солнце полудня
Летней жарой обжигает лишайник,
Есть отпечаток души одинокой,
Вами хранимый ревниво и гордо,
Словно душа эта – светлый ребёнок,
Вами рождённый, уехавший рано
В дальние страны, к холодному морю,
Только вернется к обветренным сопкам,
Чтобы припасть к неподвижным твердыням...

Здесь имеются строки о молчании и заклинании ягнят. Можно обнаружить и «избиение младенцев», ведь нежный и «светлый ребенок, вами рожденный», находящийся среди жутковатых «неподвижных твердынь», может смертельно пораниться, что обернется гибелью. Увидев или придумав для самого себя такую жесткую картину, я вдруг, опять-таки на контрасте, – узрел поэтессу, склонную к всевозможным взлетам и падениям, в образе обрусевшей Валькирии, но не белой, а черной крылатой ведьмы, а так же в образе, о чем легко догадаться, летающей Маргариты из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Подобная улетная, но абсолютно современная героиня имеется и в моем стихотворении «Вальпургиева ночь»:

Ей любо поднимать хрусталь бокала!..
 Вот за себя сегодня подняла
 Перед столом средь зала и средь бала
 Широкие хрустальные крыла.
 Зачем здесь подавать себя высоко?
 Ведь сельщина, и мало ль что коттедж...
 Видны и ночью из господских окон
 Река и берег с избами «невежд».
 Бокал об пол! Толчок ногой от пола,
 Взмах крыльями, полеты над столом...
 Назавтра предстоит прислуге дола
 Возиться с расколоченным стеклом.
 Над башнею коттеджа – темнотища,
 Но есть на крыше комплекс «Евролуч».
 Поставь «Валькирию», глотни винища
 И что-нибудь такое отчебучь.
 Что окна, потолки для дев оккультных?
 Ведь на своих крылах из хрусталя
 Над избами ночными в стиле «ультра»
 Захочет дать шального круголя.
 Пускай любовник выстроит аптеку,
 Ведь врежется, летая над селом,
 И дети босиком не смогут в реку
 Войти, боясь обрезать стеклом.

Опять река, дети и, значит, «крысолов» с дудочкой? Но нет, нет, я начинаю придавать философско-трагедийным стихам Токажевской и, пожалуй, самой поэтессе несвойственные ей качества. Поэтому надо взять небольшой тайм-аут.

3

Очевидно, что добро в стихах Маргариты побеждает, но торжествует ли оно широко, громко ли празднует викторию над злом?

Разве я в каком-либо из стихотворений Токажевской видел поэтессу в позе победительницы или триумфатора. Наоборот:

Этим воскресным вечером слушаем
 Луи Армстронга, луну над Исаакиевским собором,
 Между всеми морями и всеми сушами
 Сидим на бревне под горбатым забором.

Да, горбатый забор, поваленное бревно – какое тут позирование, победная фотосессия? Маргарита, прожившая и повидавшая всякого на этом черно-белом свете, смотрит на окружающее пространство реально, и, скорей всего, ей не нужна личная победа, и если она ее подразумевает, то с тревогой, с чувством обеспокоенности:

Можно очень рано войти в литературу,
 стать знаменитым, бросить писанину,
 вернуться в забытую родную Тулу,
 лучше под Тулу, гнуть на огороде спину...

Сидеть на завалинке и радоваться,
 что вовремя спасся
 из литературной пасти...

Позволить себе и вовсе забыть себя в литературе,
 любить литературу на расстоянии
 тридцати сантиметров от глаз...

Но, если вы никогда не бывали в Туле,
 помните, что Тула не ждёт вас...

А как поэтессе не беспокоиться о результатах своего творчества, когда некий критик С. в разговоре со мной сказал, что Маргарита в поэзии все еще маргарин, а не масло, да я и сам могу признаться, что мне ее стихи не очень-то близки по духу, образности, стилистике-напевности, что они вроде привозной предвоенной «Рио-Риты». По мне, деревенщику, лучше бы Маргарита писала про Тулу и тульское село, чем про Петербург, но это выбор Токажевской, который я мог принять или не принять, но принял. А то, что автор выбрала Тулу, так, пожалуй, это не случайно. Ведь она созвучна Тулону – месту триумфа Наполеона Бонапарта. Правда, через непродолжительное время «всплывет» остров святой Елены, и Маргарита, зная про такой печальный исход, не требует никаких гарантий у изменчивого времени на долгосрочное и благополучное пребывание в литературе, понимая, что таких не получит.

Глупое, безнадежное и потому бессмысленное замечание редактора.

Как все, так и он. Вот у Токажевской бог упоминается редко, но *стихи светлые, гуманистические*... поэтому она, в общем, как все, наша, православная... христианка... Вот Бердяев начинал как марксист, потом стал экзистенциалистом, как и Бертран Рассел, но он тоже один из славной плеяды христианских философов... Христианское богословие (еще продолжались Крестовые походы, еще сжигали ведьм и ученых на кострах) яростно, ожесточенно, злобно и ненавидяще отрешивалось от гуманизма, Возрождения и Просвещения, яростно доказывало, что книги надо сжечь и стихи и романы выбросить на помойку (и

опомнился наконец Гоголь, выкинул книги Пушкина, отрекся от него в исповеди священнику, и тот возгласил на весь мир: отрекся, отрекся!.. – священнику, и после этого взял и умер... вот, наконец, Толстой, громогласно отрекся от своих романов, отрекся от культуры, объявил ее вредной, и после этого пошел, лег на скамейку на каком то захолустном станционном разъезде, взял и умер... вот в 2017 году на юбилее Пушкина тоже священник, объявляет, мол, наступит еще 2037 год, когда вы еще все побледнеете, с вашим Пушкиным – хотя, вроде, совокупными усилиями за сто пятьдесят лет доказали: отрекся, отрекся, вернулся в лоно, вернулся! – не нужны христианству ни стихи ни математика и ничего общего у христианства с ними нет, и нет никакой христианской культуры, а есть или культура – или христианство ... вот умный человек господин Муриков доказывает, что и Первая Мировая война – это поход католической и православной Европы на протестантскую Германию (кратко заметив, что в прошлый раз, в 17 веке, этот поход обошелся в ПОЛОВИНУ НАСЕЛЕНИЯ ГЕРМАНИИ – вот таков христианский гуманизм! – но все же... не христианин ли и господин Муриков?)... вот Александр Медведев читает в моем дневнике, как я сухариками и кашей кормлю деревенских детей и умиляется – мне, конечно, приятно – смотрите, какой хороший человек Василий Иванович, да он настоящий христианин! ... да кто ж такие подлинные христиане, если это мы – они? Кьеркегор бросил кольцо к ногам невесты, Игнатий Брянчанинов в своих многотомных сочинениях, которые «со слезой на ночь читают» истинные христианки, вчерашние комсомолки, доказывает, что честь и совесть и плотская любовь – это **мерзость**, которую надо выжечь каленым железом, Христос велит взять Крест и идти за ним – а он идет на Голгофу, Достоевский напоминает, что «не хлебом единым жив человек» и в своей Легенде о великом инквизиторе яростно развенчивает мечты человека о благополучии и счастье... да и темные мужики не умиляются тем, что какие-то книжники кормят кашею их детей а на детскую смертность и на отмену сельских школ и медицинских учреждений, как **НЫНЕ ПОВСЕМЕСТНО ПО ВСЕЙ РОССИИ** со светлой слезой вздыхают: Бог дал, Бог и взял... и христианская философия (если это не оксюморон) давно уже постановила, что математика внушена бесами.

Но как сформулировать, что есть что, что хорошо и что плохо?

Ну, примерно так: Надо рожать детей и о них заботиться, а не жить для собственных удовольствий, плотских или «нейролингвистических». Надо возрождать Россию, хоть в форме Православной (по форме) империи, хоть в форме Рима, а лучше в обеих сразу... И **надо противопоставить национализм и христианству и Закату Европы** (но с образумившей Европой надо будет восстановить дружеские отношения).

Но хватит с нас Крестовых походов и в Сирию и в Чад, и на Ближний Восток, **надо повернуться лицом к России** и соединить остатки русских хотя бы с остатками чукчей и тунгусов, которых нам завещал еще и Пушкин.

А стихи Токажевской, в чем я согласен с Меньшиковым, о человеческих ценностях, о любви и судьбе, о недостатке тепла... в общем, о нашей не очень складной жизни, и христианство в них ни при чем... Да и Меньшиков его не проповедует, это я к слову лишь прицепился. Но если, как думает Александр Васильевич, я человек хороший и только поэтому христианин, то Бог с вами, берите уж и меня в свое «Новое христианство»...

Б. А. Орлов

**СТИХИ
для
РУССКОГО ЖУРНАЛА**

ЗАБЫЛИ О МОЛИТВАХ И О ХРАМЕ

* * *

Демократия – слабых бьют в морду.
Бег истории – замкнутый круг.
На вокзале – китайские орды,
До свидания, Санкт-Пекинбург.

Все, что с нами случится, осилим.
Жизнь у нас не сплошная – пунктир.
На просторах исконной России
Укрепим Верой внутренний мир.

* * *

Известен не поэзией, а криком
пустым... Скользит фальшивая слеза.
Он тайно прикасается к великим,
юлит и смотрит преданно в глаза.

И суетится – хочет быть согретым
случайной славой. Бойко входит в раж.
Не станет никогда большим поэтом
приспособленец – мелкий персонаж.

* * *

Свои традиции хранят,
Лелеют быт спартанский.
Вороны учат воронят
Ругаться "по-цыгански".

Сюжеты! – меркнет Голливуд.
Ворье и хулиганы.
Они по всей земле живут –
Вороны и "цыганы".

* * *

Пора прилета и отлета –
Весна и осень без границ.
Но вытесняют самолеты
С небес нерукотворных птиц.

Вокруг моральные уроды –
Слепые вестники войны –
Нас вытесняют из природы
Под руководством Сатаны.

* * *

Ни зимою не скроешь, ни летом
катастрофу страны... Стынет кровь!
И торчат из кустов, как скелеты,
стены брошенных скотных дворов.

Прорастают деревья сквозь камни
в городах с измененьем имен.
А заводы, что стали складами, –
это чучела прошлых времен.

Блуд и оргии – гордость богатых,
униженье людей – их мечта.
И торчит сквозь изнанку, как вата,
нищета, нищета, нищета...

* * *

Слушают сообщество иуд,
Не своим глазам, а сплетням верят.
Перед тем, как спичкой вспыхнет бунт,
Человека превращают в зверя.

Бунты кровью оскверняют век,
Возвышая морды, а не лица.
Если озверееет человек,
То ему в себя не возвратиться.

* * *

Забята Конституция,
А пляска – на гробах.
Любая революция –
Безверие и страх.

Кто платит контрибуцию –
Низы или верхи?
Любая революция –
Обманы и грехи.

Хотя идея куца,
Вокруг масштабный мор.
Любая революция –
Насилье и террор.

Народ запинан бутсами,
Иуда – на коне.
Ответьте: Революция
Зачем нужна стране?

* * *

Рухнул занавес. Напрочь ворота
Распахнули – впорхнула беда.
Из России летят самолеты,
Из России бегут поезда.

Эшафоты и плахи – вакантны.
Жизнь людей русских – ломаный грош.
И летят облака-эмигранты
Из России... Но что с них возьмешь?

* * *

Забыли о молитвах и о храме,
Героем стал продажный персонаж.
Сломали дом. И разбросали камни.
Чтоб где-то жить, построили шалаш.

Шалаш продут ветрами в грязном поле.
Отца избили. Освистали мать.
А камни собирают для того лишь,
Чтоб дешево соседям продавать.

* * *

Деревья не поднимали ветви
и не кричали:
«Долой коммунык!»
Они не трясли ветвями:
«Да здравствует демократия!»
За это их сжигают,
как в крематории, в Сибири.
Их трупы,
с отрубленными ветвями,
вывозят из России
и расчлениают на органы
для иностранной мебели.

Тотально нарушаются
права деревьев
и законы природы.

Холокост русского леса!

Памяти жертв Хиросимы и Нагасаки

Колокольный звон падает с башен –
Вышла ночь из крутых берегов.
А какая луна!? Даже страшно –
Не случилось ли в мире чего?

В атмосфере господствует стронций –
Уберечься от бомб не смогли.
По ночам, словно в зеркало, солнце
Смотрит в каменный спутник Земли.

Николаю Комарову

Есть меры выше высших мер –
Забвенье, например.
Я красно-белый офицер.
Я русский офицер.

Я Русь люблю злаченных глав,
Союз великих дел.
И если я в любви не прав –
Ведите на расстрел!

* * *

Интернет – дурные мысли,
Бунты, перестройки...
Люди в нем живут, как крысы,
На большой помойке.

Умирают, словно мухи:
Интернет – Голгофа.
С экологиєю духа
В мире – катастрофа.

Косяками лезут в Сети
Люди – из народа.
Все отравлено на свете –
Души и природа.

* * *

Читаем Кафку, Фрейда, Авицену
И прочее – лениво и по малости.
Мы в юности себе не знаем цену,
Зато преувеличиваем в старости.

Все меньше оптимизма, больше жалости
К себе – в собесах очередь за квотами.
Мы в юности – пустой сосуд, а в старости
Наполненный до верха нечистотами.

КНИЖНЫЕ АЛЛЕИ

Малая конюшенная. Гоголь
Вороном, наохлившись, стоит.
Сбоку на него взирает строго
Завистью отравленный пиит.

Пустота в душонке и в карманах,
А презренье искривило рот.
Предводитель стайки графоманов,
Он толчется здесь не первый год.

Все сойдет: и афоризм, и повесть,
И стихов бесчисленная рать.
Здесь не только книги, но и совесть
Можно бесам выгодно продать.

* * *

Путь к вере. Не нужна свобода
От веры... Колеи раскисли.
Я голос русского народа,
Его эмоции и мысли.

Мы ищем к Господу дорогу.
Нам шепчут вслед: «Иже еси...»
Я не один такой – нас много
По всей намоленной Руси.

II. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

В. Чернышев

ПОЭТЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

МИРРА ЛОХВИЦКАЯ

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

1.

Лохвицкая Мирра (1869–1905)

13 сентября 2019 года, пятница. Одно из моих правил, которое я усвоил инстинктивно из христианства – а я христианином был с 1961 года по 2016, то есть пятьдесят пять лет (хотя первые пять я еще «выдавливал» из себя марксиста, а последние пять, влюбившись в христианку, сначала в одну, потом в другую, причем первая была одновременно большевичкой, я *притворялся* христианином, а в остальные годы я был одновременно и **народником**, в духе Розанова, Иванова-Разумника, Шафаревича, Солженицына, Солоневича и Валентина Иванова, да еще и поклонником русской классической литературы, одновременно склоняясь к декадентству и мистике – ох, тяжела юдоль русского поэта после ста лет русского большевизма! – *думаем одно, говорим другое, а делаем третье...* Впрочем, все учат тому же, а христиане, с их ненавистью к **еретикам**, хотя бы на йоту отступающим от генеральной линии партии, особенно – ну так вот, одним из моих правил было **начинать с себя да собою и заканчивать**.

Я любил то, в чем частично присутствовал, любил женщин, еще с молоком матери в них влюбившись, не плотоядно, а восторженно и возвышенно, любил Россию, «хотя и странной любовью», как Лермонтов, одновременно ее ненавижу и о ней плачу, любил литературу и, в частности, поэзию, безуспешно пытаясь в ней занять свое особенное место, любил отчасти даже евреев, конечно, не большевиков, но скорее отступников от еврейства (каким и я был всегда, отступая от **православия, самодержавия**, в конце концов даже от **народности**, разочаровавшись пусть отчасти в *русских* с их верноподданностью и коленопреклоненностью, но все же наследуя казакам и разбойникам, и Стеньке, и Ермаку, и своему предку Чернышеву, и Курбскому, и Самозванцу с его любовью к гордой полячке, и князю Андрею Ухтомскому, основавшему катакомбную церковь, и протопопу Аввакуму и даже княгине Анастасии. А среди отступников от еврейства я число и апостола Павла, и самого Христа, сначала говорившего, что он пришел их спасти, потом их чуть не погубившего, и великого поэта Блока – хотя бы тем отступника, что стал полукровкой, и сентиментального Надсона, и, конечно, Мирру Лохвицкую и Ходасевича. А каждый из перечисленных на меня повлиял, так что через *электризацию через влияние* я сам стал отчасти *полукровкой*, как полукровка я среди русских, в том отношении, что родился в Сибири и поэтому возненавидел всякую власть, а тем пуще царскую. Впрочем, опыт самозванцев и бунтовщиков, Гришки Отрепьева, Болотникова, княжны Таракановой, Емельяна Пугачева и Чапаева, даже опыт раскаявшихся Достоевского и Тихомирова, каявшегося Бакунина – показывает, что не все и русские – верноподданные, так что, возможно, когда-нибудь одумаются и православные, и те, для кого *всё путём*, и такие, как русофоб Печерин (вместе с Герценом и со мною такой же *«русский из русских»*, как апостол Павел был

«еврей из евреев» – это всё цитаты и ничего кроме цитат). Вообще в племенном отношении *чистокровных* мало, особенно среди дворян, и хотя я крестьянско-казацкий сын, то есть, возможно, даже совсем чистокровный, но в культурном отношении и я *многокровен*, во мне не только Пушкин и Лермонтов, Аввакум и Пришвин, Достоевский и Толстой, но и Стендаль, Бальзак, Гете, Гофман, Бетховен и Вагнер, Аристотель и Пифагор, а потом даже Надсон, Блок, Лохвицкая и Ходасевич. Я и влюблен даже был в двух еврейских девушек и с ними целовался – а для пуритан замечу, что зато ни в чем более греховном я *не был замечен* (но поцелуи – разве это не электризация через влияние, даже полупроводники делающая проводниками?)

По *большому счету* я не русофоб и не антисемит, как и не античукчанин, но еще более мне не свойственно преклонение перед елейным и юлейным интернационализмом и «дружбой народов», неумеренное восхваление своих и порицание чужих, мне не мило стояние навтыжку перед ложными святынями – подлинны святыни существуют только в поэзии, и в довершение назову и тех, кто мне нравился и среди «восточных поэтов»: Пастернак, Мандельштам и забытый ныне поэт начала двадцатого века Виктор Гофман.

Почему я так много пишу о себе, предполагая писать о выдающихся поэтах? Да потому, что и поэты пишут чаще всего о себе, и только худшие из них пишут о народе, царе, партии и правительстве. А я по крайней мере честен, я не пишу юбилейных заметок, а пишу о том, что растворено в моей крови, в моей жизни и в моей истории и литературе. Сначала я собирался писать только о прекрасной Мирре, но уже прошел ее юбилей...

Она мне понравилась сначала стихами, когда я познакомился с созвездием поэтов Серебряного века, затем понравилась, как красивая женщина, и, наконец, тем, что стихи ее овеяны мистикой. (Склонность же к мистицизму была у нее природной, даже можно сказать – наследственной. Ее прадед, Кондратий Андреевич Лохвицкий, 1779–1839, был известен как поэт-мистик, автор таинственных «пророчеств»).

Мария Александровна Лохвицкая родилась 19 ноября **1869** г. в Петербурге в семье известного в то время адвоката, Александра Владимировича Лохвицкого, доктора права; мать, Варвара Александровна (урожденная Гойер) происходила из обрусевшей французской (или немецкой?) семьи, была начитанна, увлекалась литературой. Одной из сестер нашей знаменитой поэтессы была не менее знаменитая Тэффи.

Умерла Мирра Лохвицкая в возрасте 35 лет в 1905 году. Она была примерной женой и матерью, родила пятерых сыновей, пережила (как критики судят по ее стихам) романтическую любовь к Бальмонту (которым и я в юности увлекался, правда, больше его переводами). Один из ее братьев был белогвардейцем, колчаковским генералом, и умер в эмиграции.

С ее стихами я познакомился еще на первом курсе университета, тогда же увлекся и декадентами, и Бальмонтом (Блока начал читать еще в школе), со временем приобрел все пять томов толстого «Чтеца-декламатора», из которого почерпал свои знания поэзии.

Происхождение имени (или псевдонима). Согласно семейной легенде

прадед Марии Кондрат Лохвицкий, умирая, произнёс слова: «ветер уносит запах мирры...» и изменить свое имя Мария решила, узнав о предании. Но, как отмечает Т. Александрова, возможно, это начальная строка романа «*Mira la bianca luna...*» («Смотри, вот бледная луна...» – итал.), упоминаемого в романе И. Тургенева «Дворянское гнездо», который могла исполнять Маша Лохвицкая, учившаяся «итальянскому» пению в институте; и отсюда заимствовать псевдоним... ..строка эта содержит не только литературное имя будущей поэтессы, но и часто встречающийся у неё мотив луны» («*Sonnambula*», «Союз магов» и др.), что тоже свидетельствует в пользу этой версии. Но тайну имени она унесла с собой, и воспоминание ли о восточном благовонии или еврейское имя Мирра, пленившее ее созвучием с ее русским именем Мария (которое, впрочем, восходит к еврейскому имени Мириам, так звали «деву Марию», непорочную мать Христа)... ?

Кстати, ее сестра Надежда, начинавшая как поэтесса (а в их семье писали стихи все братья и сестры, которых было неизвестно сколько, и почти все знамениты) – итак, Надя, родившаяся в 1872 году, *примерная мать троих детей*, тоже писала стихи, некоторые потом исполнял Вертинский, но стала знаменитой **Тэффи**, королевой юмористического жанра, позже оставила *Книгу воспоминаний* о встречах с известными людьми, и в ней, оправдывая откровенность, писала: «О творчестве каждого из них писали и будут писать ещё и ещё, но просто живыми людьми не многие их покажут. *Они все уже ушли, и ветер заметает снегом и пылью их земные следы...*» – не правда ли, это почти предсмертные слова их прадеда? Интересно было бы еще узнать, что сказал перед смертью их брат, генерал-майор Николай Александрович Лохвицкий, начавший свою военную карьеру в Русско-японской войне, герой Отечественной войны, награжденный Георгиевским крестом, командир русской армии, сражавшейся во Франции в 1916-1917 годах, офицер Иностранного легиона в Северной Африке, затем командующий армией у Колчака, у атамана Семенова, умерший в эмиграции во Франции и похороненный на Русском кладбище в Париже... Казалось бы, к чему я вспомнил его, когда пишу о Мирре? Но когда еще судьба и случай позволяют мне вспомнить и о нем? Это все прекрасные русские люди, хотя ветер и уносит запахи мирры, осенявшей их жизнь...

Я часто хвастаюсь, что с тем или иным знаменитым деятелем культуры я даже выпивал, но, конечно, с Миррой мы не пили, так как она не пила (в отличие от Бальмонта). Похоронена она на кладбище в Александро-Невской Лавры, у небольшого пруда, и сохранилась ее могила и на ней установлена ее скульптура, Мирра изображена красавицей, которой она и была, и влюблен я был и в ее стихи и в ее внешность (как и современники).

В последние годы я тоже пью мало, но неизменно, собираясь выпить, с пьющим товарищем посещаю то самое кладбище, там рядом с могилой заросли кустарника и уютная скамеечка (иногда с нами и моя бывшая ученица, которой я посвящал некоторые свои стихи). Неизменно мы вспоминаем стихи очаровательной Мирры, и одно из них я здесь приведу.

Сопернице

Да, верю я, она прекрасна,
Но и с небесной красотой
Она пыталась бы напрасно
Затмить венец мой золотой.

Многоколонен и обширен
Стоит сияющий мой храм;
Там в благовонии кумирен
Не угасает фимиам.

Там я царица! Я владею
Толпою рифм, моих рабов;
Мой стих, как бич, висит над нею
И беспощаден, и суров.

Певучий дактиль плеском знойным
Сменяет ямб мой огневой;
За анапестом беспокойным
Я шлю хореев светлый рой.

И строфы звучною волною
Бегут послушны и легки,
Свивая избранному мною
Благоуханные венки...

Так проходи же! Прочь с дороги!
Рассудку слабому внемли:
Где свой алтарь воздвигли боги,
Не место призракам земли!

О, пусть зовут тебя прекрасной,
Но красота – цветок земной –
Померкнет бледной и безгласной
Пред зазвучавшею струной!

Но так как я думал, что на конкурс в честь Мирры Лохвицкой я уже опоздал, то начал еще писать о другом замечательном поэте, Владиславе Фелициановиче Ходасевиче, только мы с ним разговорились, как по дороге к нам присоединились Пушкин, Вяземский, Бальмонт, Брюсов, Блок, Адамович. Делаю усилие, чтобы ограничиться хотя бы приведенными восьмью именами, потому что если не делать усилие, то круг этот будет значительно шире – а меня ругают братья критики, ругают читатели – якобы я слишком захватываю в свое воображение и рассуждающую мысль, и то и другое и третье, вовсе не нужное, а надо ограничиться, сузить и предмет исследования, и способ исследования, и себя самого, следуя хотя бы завету Достоевского, что *русский человек слишком широк, а надо бы его обуздать*.

Объясниться и оправдаться надо бы раз и навсегда, все значительные статьи значительных авторов, во-первых, иногда почти бесконечно широки (кроме мелких журнальных заметок, реплик по ходу спора), во-вторых, их невозможно обуздать не по причине узости, а по причине как-раз широты. Иногда об этой широте говорит *указатель упоминаний* (словарь ссылок), в котором перечислены термины и имена, и в иных случаях этот указатель бывает не меньше статьи. В моих же собственных статьях таких ссылок значительно меньше, чем у тех авторов, у которых я учусь писать.

И в третьих (хотя и не хотел этого заранее говорить), я пишу не просто юбилейную статью-напоминание, вот, дескать, был еще и такой поэт (или поэтесса), нет, я пишу о своем, и только о своем, о том, что имеет важное значение в моей собственной жизни – в Мирру Лохвицкую я был влюблен, и теперь, наконец, после шестидесяти лет верности, я с нею прощаюсь. Я вдруг почувствовал, осознал, что эта любовь была иллюзией, детской влюбленностью, во многом придуманной. Но и они, поэты, в которых я влюблялся, тоже таковы, и они чаще всего жили в мире иллюзий, хотя части поэтов Серебряного века повезло, оказавшись в Изгнании, иллюзии они потеряли.

Одной из иллюзий являлось убеждение во всенародном призвании поэтического слова, которое понималось как Слово, притом чаще всего обращенное к Богу, вечности и тайне собственной судьбы.

Однажды в случайном разговоре я попытался доказать, что она была красавицей, и в доказательство я привел ее стихи:

Я хочу умереть молодой,
Не любя, не грустя ни о ком;
Золотой закатиться звездой,
Облететь увядшим цветком.
Я хочу, чтоб на камне моем
Истомленные долгой враждой
Находили блаженство вдвоем...
Я хочу умереть молодой!
Схороните меня в стороне
От докучных и шумных дорог,
Там, где верба склонилась к волне,
Где желтеет некошенный дрок.
Чтобы сонные маки цвели,
Чтобы ветер дышал надо мной
Ароматами дальней земли...
Я хочу умереть молодой!
Не смотрю я на пройденный путь,
На безумье растрченных лет;
Я могу беззаботно уснуть,
Если гимн мой последний допет.
Пусть не меркнет огонь до конца
И останется память о той,
Что для жизни будила сердца...
Я хочу умереть молодой! 1904

Через год она умерла. Это романтическое чувство краткости и ненужности длинной жизни свойственно романтикам, но в наибольшей степени романтическим красавицам, в которых уживаются две судьбы: роковой и надмирной таинственной женщины, пленяющей чужие сердца, и прекрасной добродетельной и любящей жены, матери, подруги. (И не случайно ее связывала с Константином Бальмонтом *влюблённая дружба* и родство поэтических форм).

Но каково значение ее поэзии, каков уровень ее поэтического творчества?

Константин Бальмонт, с помощью которого я учился читать Эдгара По и Шелли, египетские иероглифы, таинственную книгу Асвагоши «Жизнь Будды» и многие другие книги мировой лирической души, слишком рано глубоко и болезненно меня разочаровал (возможно, его поэзия оказалась в конце концов мне изнеженно женской – но подлинным женщинам я многое прощаю, почти все, кроме увядания, возможно, и вправду им надо умирать молодыми? Хотя это слишком жестоко). Значительна ли поэзия Мирры Лохвицкой (неволью я оглянулся и на Анну Ахматову)? И какое же место в истории литературы занимают эти две знаменитые сестры героя военной истории России, генерал-лейтенанта Н. А. Лохвицкого Мария (Мирра) и Надежда

Стихи можно разделить на три разряда (не повторяя прежнее грубое разделение на разряды «Искусства для искусства» и «Искусства для народа»... для общества, для жизни, ДЛЯ мира... – что одно и то же): стихи, **изображающие** или передающие *настроение* поэта или окружающего мира (например, природы) или изображающие непосредственное впечатление от событий в душе или в протекающей жизни; стихи, представляющие особый род философии бытия, стихи-размышление, поучение, возражение, то есть стихи, в которых логическое преобладает над эстетическим, мысль преобладает над чувством. Как бы ни назвать стихи первого рода, стихи второго, подчиненные мысли, я отношу к интеллектуальной поэзии, самые избитые примеры: Гумилёв, Ходасевич, Максимилиан Волошин, Георгий Иванов, Заболоцкий ... Поэзия первого рода довлеет к образу, картине, повествованию о движении чувства, поэзия второго рода довлеет к размышлению, к предположению и выводу, в определенной степени она является формой математики.

В первом на первом месте форма, во втором – содержание. Что из них важнее, в каких отношениях они находятся между собою? Ответить на этот вопрос не легко не в силу его онтологической неразрешимости (как нелегко или, быть может, невозможно вывести формулу простых чисел и доказать теорему Ферма), а по простой и одновременно неизмеримо более сложной причине: подавляющее большинство стихов вовсе не относится к Поэзии, не являются поэзией, или представляет собою своего рода особый литературный жанр «стихотворной (поэтизированной) прозы» (как дружба хороша или, быть может великолепна, но не является любовью).

Каковы особенности поэтической формы и поэтического содержания, в этой статье я об этом рассуждать не буду.

Какие поэты являются поэтами (независимо от того, исходят ли они из чувства или из мысли), а какие – нет, и является ли Поэтом Мирра Лохвицкая, и сколько в ней поэтических градусов – об этом я и скажу и не скажу: дело в том, что я и о самом себе еще не решил, поэт я или не поэт, очень сложно оценивать не только мирские явления, но еще сложнее оценивать явления литературы. Французский философ и теолог (католик) Жак Маритен предупреждает о личной ответственности каждого при оценивании явлений культуры вообще – эта ответственность сопровождает не только поэта и философа, но и читателя. Не только участвуя в истории, но и **относясь к ней так или иначе**, мы либо способствуем утверждению истины, добра и справедливости, либо помогаем или потворствуем злу. Побеждают в войне света против тьмы все сообща, находящиеся на стороне света: действием, побуждением, сочувствием (которое Тютчев приравнивает к благодати).

Но при этом сиюминутное настроение может изменить наши оценки на противоположные: сегодня она кажется красавицей, завтра – дурнушкой, сегодня то или это приводит в восторг, завтра – только утомляет

Надо еще заметить, что знаменитое **противостояние формы и содержания** в моей жизни играет трагическую роль, форма (как и для многих других поэтов) чаще всего занимает в моей жизни первое место, и если, влюбляясь в поэтессу, я наибольшее внимание уделяю ее внешности, затем уже внешности ее стихов, то влюбляясь в поэта, я на первое место ставлю внешность стихов, справедливо полагая, что в прекрасном теле стиха не может находиться грубый поэтический смысл. Самые верные сентенции, сказанные неукложе, НЕ верны. Самые справедливые **избитые** замечания, вроде того, что дважды два равно четырем, не производят никакого впечатления.

Каковы признаки интеллектуальной поэзии? Как ни странно, я их не назову, они только ощущаются (как и прелесть женщины и прелесть стихов), а не понимаются. Но относится ли поэт к разряду поэтов интеллектуального разряда, я в значительной степени знаю (а тогда очевидно, что и его стихи преимущественно **интеллектуальные**). Итак, необходимое (но НЕ достаточное) условие того, чтобы поэзия принадлежала к интеллектуальной поэзии, состоит в том, чтобы поэт размышлял и писал о поэзии и стихах, о поэтах, о творчестве и культуре. В девятнадцатом столетии таковы Пушкин, Вяземский (я перечисляю только отдельных, необходимых мне для статьи), в двадцатом – Марина Цветаева, Ходасевич, Маяковский, Есенин, Гумилёв...

В этой статье я расстанусь с Миррой, я более ее не буду читать, мне она стала не интересна, как когда-то давно стал не интересен и Бальмонт – возможно, они остаются поэтами, но изменился я сам, многое я перестал чувствовать (так поздний Толстой, продолжающий писать о культуре, перестал ощущать всякую поэзию и всякую музыку... но, будучи человеком глубоким, умным, образованным, интересным, писал все же не чепуху, а «нѣс гениальный бред») (Правда, в значительной степени почти всё. Что относится к истории культуры и религии, да и к истории вообще, не что иное как бред, то гениальный, то пошлый – не бредом ли являлось немецкое «нашествие на восток», Русская революция 17 года, русская контрреволюция 1990-91 годов... но у всего есть свои сторонники, и зачем же я в таком случае спорю и пытаюсь моих читателей – которых, впрочем, нет – поучать и просвещать?)

Чтобы объяснить, почему я расстаюсь с Миррой, мне все же надо сказать, считаю ли я ее поэтом (все же привязывала меня к ней именно поэзия!), является ли она поэтом, и был ли поэтом Бальмонт до Исхода из России.

На помощь я призыву великого поэта Александра Блока, и выпишу из него обширные цитаты, хотя о Лохвицкой он не писал. Итак: «Об остальных поэтах не приходится говорить так пространно, как о Бальмонте [Блок его ставит высоко], Бунине [иное хвалит, иное порицает], Городецком и Соловьеве [отповедей еще больше, чем о Бунине]. Одни из них написали мало, другие хотя много, но слишком плохо. *О тех же, которые написали и мало и плохо, – мы лучше совсем умолчим.*»

И еще: «Длинна и скучна книга "Стихотворений" В. Б. На обложке напечатано, что там есть гражданские мотивы и лирика. Но их там нет. В бескрылых жалобах и общих местах ... нет ничего гражданского. А в "лирике" – все больше – "она и он – луна, балкон" и т. д. Язык совершенно плоский и не всегда правильный...".

Неумеренно банальна и ненужна толстая книга Б. В. В: "Сонеты и другие стихотворения". Бумага – первый сорт, отделы называются по-латыни и по-гречески, есть лирика, драма и эпическая поэма, есть переводы Ницше, Шекспира, Эреда, Шелли, Бодлэра, Кардуччи; еще с новогреческого и "Из Абу-Ишан Кисаи". Но и "Абу-Ишан Кисаи" не помогает. Книга занимает почти триста страниц, и почти такова же первая книга автора. Это уж вторая. Потом, вероятно, будет третья.

В заключение и для развлечения можно сообщить, что появился новый журнал "Поэт", ближайшая задача которого – *"прийти на помощь начинающим поэтам"*. Надо полагать, что поэты, как "гетеры", по счастливому выражению Сергея Соловьева, "роями вывелись на улицах". Редакция журнала в предисловии находит вполне естественным, что все остальные редакции не принимают стихов тех поэтов, которых принимает она. Я тоже нахожу это естественным. Во всяком случае, журнал не потерпит недостатка в материале, так как отныне все остальные журналы могут отправлять туда все негодные для них рукописи. Говоря серьезно, *зачем начинать печататься тем поэтам, стихи которых "страдают излишней растянутостью и мелкими погрешностями технического свойства?"* Если стихи хорошие, умные редакторы простят мелкие погрешности, а если скверные, зачем же прощать и поощрять их редакторам журнала "Поэт"? Поэзия – не благотворительность. *Июнь – июль 1907»*

Тем более не благотворительность – критика, хотя мы и начали стесняться говорить серьезно, искренно и правдиво. Мы лжем – не только другим, но и себе, и некому сказать поэтам, что им лучше не только не начинать печататься, но не начинать и писать, или, по крайней мере, писать втайне, как в детстве сестры Лохвицкие (вот почему ныне даже на «Прозе-Ру» сто тысяч только поэтов!)

Блок мне дал многое, почти всё, что надо. Дело не в том, чтобы он объяснил, что такое поэзия, чем отличаются плохие стихи от хороших, но он показал, как надо мыслить и писать о поэзии, видя в ней и ремесло и вдохновение, и дух языка и плоть чувства.

Во всякой жизни что-то есть, даже в пустой, но в одной жизни напряженный труд, подвиг, преодоление, движение к истине и духовному совершенству, к мастерству и познанию, а в другой, *все то что было вчера, позавчера, суета сует и ничего более...* Наполнена ли жизнь только мелкими обыденными незначительными происшествиями и наполнено ли стихотворение только необязательными словами, скрепленными созвучиями в положенном месте, только ли *«она и луна и он и балкон»*? Мир изнемогает в борьбе за правду, Россия изнемогает под властью алчных, танки сгорают на Курской дуге, и они вечно сгорают – помогает ли Поэт изнемогшим солдатам?

«Перед закатом»

Люблю я блеклые цветы Фиалок поздних и сирени, Полунамеки, полугени Повитой дымкой красоты. Душа тревожная больна И тихим сумраком объята, Спокойной прелестью заката, Грядущим сном упоена. Что озарит огнем надежд? Повеет радостью бывалой? Заставит дрогнуть взмах усталый Моих полузакрытых вежд? Ничто. Ничто. Желаний нет. Безвольно замерли моленья, Смотрю с улыбкой утомленья На жизнь, на суету сует. Скрыт туманом горный путь. Стихает грусть, немеют раны. Блажен, блажен покой нирваны, – Уснуть... исчезнуть... утонуть...

Хотела б я свои мечты, Желанья тайные и грезы В живые обратить цветы, - Но... слишком ярки были б розы! Хотела б лиру я иметь В груди, чтоб чувства, вечно юны, Как песни, стали в ней звенеть, – Но... порвались бы сердца струны! Хотела б я в минутном сне Изведать сладость наслажденья, – Но... умереть пришлось бы мне, Чтоб не дожидаться пробужденья!»

Это пишет Мирра Лохвицкая в двадцать лет, когда жизнь только начинается, а юная поэтесса уже хочет умереть. Ей кажется, что в жизни нечего делать, ей не приходится зарабатывать на хлеб и волю, самой стирать свою одежду, мыть полы. В поэтическом отношении здесь только «она и луна», нет даже *балкона*, на который бы опирался желанный *он*, а далее пустота – хотя слова сочетаются изящно и прелестно, как цветы на клумбе, но клумбой этой может любоваться только такая же очаровательная бездельница... хотя, правда, в пятнадцать лет... но ей уже двадцать!

Что же меня восхитило шестьдесят лет назад, когда я вдыхал запах страниц сборников «Из мировой поэзии» и «Чтец-декламатор»? Читаю, читаю, читаю – и не нахожу... к счастью, по крайней мере слова сочетаются правильно и изящно. Но за пределами поэтического содержания стихотворения я вижу то, что и во сне не снилось поэтессе: я вижу грядущую революция! Точно так же после романа «Анна Каренина» читатели поняли, что феодальный российский мир обречен, не долго осталось блаженствовать красивым бездельникам, «жеребцам в панталонах» (выражение самого Льва Николаевича), а воистину «в терновом венке революций грядёт шестнадцатый год!» (Русская философия содержится в литературе, ну а поэзия Серебряного века содержала ли в себе философию? И да и нет...) Но я пока не разрешил проклятые вопросы, мучающие меня, ибо я воистину и поэзию хочу поверить алгеброй – и потому перехожу к другому поэту, яркому представителю интеллектуальной поэзии (подобно Гумилёву) ...

2. Ходасевич Владислав Фелицианович (1886 – 1939)

Русский поэт, литературный критик и мемуарист, родился 16 мая 1886 в Москве в семье польского дворянина; его дед по матери перешел из иудаизма в православие, а мать была воспитана ревностной католичкой. Неукорененность в российской почве и вместе с тем ощущение своей чуждости Польской культуре ("России – пасынок, а Польше – не знаю сам, кто Польше я...") наложили своеобразный отпечаток на его творчество.

В шестидесятые и семидесятые годы 20-го столетия не только Мирра Лохвицкая и Ходасевич (как и Надсон и Виктор Гюго) были в советской России забыты, но в ней была забыта практически вся предреволюционная, а особенно эмигрантская культура. Тэффи еще чуть-чуть издавали, но более почти никого в советской литературе не было, только такие как я, занимающиеся собирательством старых книг, могли о них кое что знать. Поэтому не только естественно, но и справедливо, что я пишу и о себе, вспоминая про них, ибо я был почти единственный в России, кто читал их стихи. Впрочем, еврейское происхождение матери Лохвицкой довольно сомнительно, и Надежда Тэффи и колчаковский генерал Лохвицкий внешне подлинно русские, но дед Владислава Фелициановича евреем был несомненно – это имело важные последствия: все таки *евреи своих не забывают*, и у Ходасевича даже в СССР нашлись исследователи, а не только почитатели; и когда я устроил первый литературный вечер в его честь году, кажется, в 78 – 79-ом, ко мне на вечер пришел филолог и историк Колкер, который занимался уже исследованием творчества замечательного поэта (позже в Западной Германии, куда он эмигрировал, он издал пятитомное собрание сочинений поэта и критика, снабженное великолепными комментариями). Я сделал выставку, были представлены фотографии и редкие издания поэтических русских сборников, мой сын нарисовал замечательный портрет поэта, который я подарил критику. Вечер прошел с большим успехом, был через год повторен, затем состоялся снова, и по крайней мере в России появился с десяток почитателей творчества замечательного поэта.

«Пробочка на йоде крепком, Как ты скоро перетлела! Так вот и душа незримо Жжет и разъедает тело...» – эти строки часто вспоминаю не только я, но и школьницы, которым я преподавал математику, дополняя ее чтением стихов.

Ко времени Революции Владислав Ходасевич был уже сформировавшимся и составившим имя поэтом, но Октябрьский переворот перевернул его судьбу, и хотя он сначала с оптимизмом встретил революцию, однако очень быстро пришло отрезвление. Переживания, связанные с войной и революцией, отразились в книге стихов «Путем зерна» (1920, 1922).

Как по отношению к *существованию* Личность не исчерпывается временем, не начинается только с рождения и не заканчивается смертью, так и по содержанию личность множественна, она и природна, и культурна, и принадлежит метафизике и сверхбытийна, трансцендентна. Особенно это справедливо для поэтов и философов.

Существенным надо считать представление самого поэта о своем происхождении и о том, к какому народу он принадлежит.

* * *

Не матерью, но тульской крестьянкой Еленой Кузиной я выкормлен. Она Свивальники мне грела над лежанкой, Крестила на ночь от дурного сна.

Она не знала сказок и не пела, Зато всегда хранила для меня В заветном сундуке, обитом жемчужной белой, То пряник вяземский, то мятного коня.

Она меня молитвам не учила, Но отдала мне безраздельно всё: И материнство горькое свое, И просто все, что дорого ей было.

Лишь раз, когда упал я из окна, И встал живой (как помню этот день я!), Грошовую свечу за чудное спасенье У Иверской поставила она.

И вот, Россия, "громкая держава", Ее сосцы губами теребя, Я высосал мучительное право Тебя любить и проклинать тебя.

В том честном подвиге, в том счастье песнопений, Которому служу я каждый миг, Учитель мой – твой чудотворный гений, И поприще – волшебный твой язык.

И пред твоими слабыми сынами Еще порой гордиться я могу, Что сей язык, завещанный веками, Любовней и ревнивей берегу...

Года бегут. Грядущего не надо, Минувшее в душе пережжено, Но тайная жива еще ограда, Что есть и мне прибежище одно:

Там, где на сердце, съеденном червями, Любовь ко мне нетленно затая, Спит рядом с царскими, ходынскими гостями Елена Кузина, кормилица моя.

Итак, Ходасевич – выдающийся представитель русской *интеллектуальной поэзии*. Чтобы не тратить времени на рассуждения – а по отношению к поэтам и их оценкам рассуждения не очень убедительны, вон Лев Толстой говорит, что нет объективных критериев красоты, а «кому что нравится», вместо доказательства я привожу еще одно стихотворение поэта.

БЕЗ СЛОВ

Ты показала мне без слов,
Как вышел хорошо и чисто
Тобою проведенный шов
По краю белого батиста.
А я подумал: жизнь моя,
Как нить, за Божьими перстами
По легкой ткани бытия
Бежит такими же стежками.
То виден, то сокрыт стежок,
То в жизнь, то в смерть перебегая...
И, улыбаясь, твой платок
Перевернул я, дорогая.
5–7 апреля 1918

Но вернемся к событиям жизни поэта.

В начале 1921 Ходасевич переехал из Москвы в Петроград, получив жилье в "Доме искусств", который был в то время своего рода коммуной для многих ученых и писателей, оставшихся в Петрограде. Там он познакомился с Ниной Берберовой, вскоре на ней женился, и в 1922 году через Ригу, куда он был отправлен в командировку, супруги выехали за границу.

Живя сначала в Берлине, затем в Сорренто (по советскому паспорту), Ходасевич близко сошелся с Горьким и стал важнейшим сотрудником журнала "Беседы", после его закрытия из-за отсутствия средств, в 1925 он уезжает в Париж, сделав окончательный выбор в пользу эмиграции, так как "при большевиках литературная деятельность невозможна".

В Париже он редактировал (вместе с М. Алдановым) литературный отдел газеты А.Ф.Керенского "Дни", печатался в "Последних новостях", а с 1927 года возглавлял литературный отдел газеты "Возрождение", где публиковались его материалы о литературной жизни эмиграции и метрополии, а также о русской классической литературе.

В 1927 вышла его итоговая книга «Собрание стихов» и Ходасевич покинул поэзию, посвятив себя работе в качестве литературного критика, философа литературы и мемуариста.

В ходе полемики с Г. Адамовичем, ставшей крупным событием литературной жизни Зарубежья в середине 1930-х годов, Ходасевич отстаивал *представление о русской поэзии не только как творчества, но как подвига духа, "единственного дела всей жизни"*.

В 1932 году Владислав Ходасевич и Нина Берберова развелись, оставшись друзьями.

В 1931 году было опубликовано исследование о творчестве первого великого русского поэта «Державин», в котором Ходасевич показал его и как поэта, и как государственного деятеля, затем, в 1937 году вышла книга Ходасевича «О Пушкине» (к столетию со дня гибели поэта).

За несколько недель до смерти Ходасевича вышла его книга воспоминаний «Некрополь» (1939), в которую вошли мемуарные очерки о ярких личностях Серебряного века (Брюсов, А.Блок, Горький, А.Белый, Н.Гумилев, М.Гершензон и др.).

Умер Ходасевич в Париже 14 июня 1939.

3.

«Глуповатость поэзии»

Мучаюсь не завершением статьи, мучаюсь завершением жизни. Искушающая слабые умы строка Пушкина из его письма Вяземскому (представителю, кстати сказать, тоже интеллектуальной поэзии, ставшему естественным образом и литературным критиком и мемуаристом), искушала и меня, именно поэтому ее разбор я и хотел закончить свою статью о дорогих моему сердцу поэтах. Но еще раньше обстоятельную статью о «глупости в поэзии» написал Ходасевич, я остановился на ней, начал ее исправлять, мой вариант разбора вошел два года назад в мою большую статью «Писем о поэзии», в значительной степени состоящую из отрывков статей Блока, Гумилева, Мандельштама и Ходасевича, все это надо читать, надеющемуся и самому оставить след в русской поэзии, внимательно прочитать. Как и многое другое, что именно, смотрите у меня, например, и Жака Маритена, пишущего об ответственности пишущих

Вчера все это я перечитывал до половины второго ночи, поставив

горчичники на больное плечо, затем заснул, утром в седьмом часу проснулся (плечо начало болеть снова), решил уже не повторять ни Ходасевича, ни мой конспект его статьи, но записать краткую аннотацию и его и себя с новыми дополнениями, которые наконец-то теперь мне проясняют существо дела.

Ходасевич уже почти определенно и пишет, что речь идет не о глупости или глуповатости, а о том не-разумии, которое словно бы является переводом на русский ир-рационального, а значит, Пушкин призывает поэта не быть слишком рациональным, *слишком разумным* (как в «Слове к умным от неразумного» философа Николая Федорова, *слишком, увы, неразумного*)

Впрочем, Пушкин ни к чему не призывает, он не призывает поэтов и быть умниками, и быть глупыми, он только возражает **дидактическим** стихам, нравоучительным, морализаторским, поучительным, чем грешила и поэзия 18 века и античная поэзия. Ни к чему не призывают «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя...», «Роняет лес багряный свой убор...», «Вечер. Робкое дыханье, трели соловья, серебро и колыханье сонного ручья...» – все эти стихи стоят и НАД умом и над безумием. «Восстань, Пророк, и виждь, и внемли! Исполнишь волею Моей! ...» – эти строки призывают, но, впрочем, призывает нас всех Бог, и поэтов в том числе.

Во сне я продолжал спорить, а проснувшись, записал:

«Ищи, мой друг, отягощений
Во всякой легкости. Оне
Сродни раскаянью прельщений,
Подобны горечи в вине.
Так возражаю я всему,
Что слишком просто, прямо, ясно,
И даже в смерти не пойму,
Мила ли жизнь или ужасна...»

Помимо тождества и различия (или противоречия, как нравится диалектике), мир пронцаем **неотождественностью тождества**. В женском уме (или в женском поведении), часто и в детском, особенно присутствует нелогичность вывода, противоположность его всему предыдущему, нечто, что является высшей степенью целомудрия. Прельщение (кокетство), которое словно бы является одеждой красивой женщины, вдруг резко останавливается, идет вспять. Непременно ирония, смех, извинения (я пошутила...)... Знаменитая **недоговоренность**, которую навязывают поэтам, в качестве намеренного приема является глупостью и пошлостью, все, что поэт и человек знает, он и договаривает, кроме того, что нельзя договаривать, что в качестве недоговоренного присутствует с необходимостью в уже завершеном творении. Дидактика же, как вывод из поэзии, в самой поэзии не присутствует, только глухие и слепые к стихам этого не понимают, в знаменитой переключке Пушкина с московским митрополитом совершенно очевидна прямолинейность не только митрополита, но и всего христианства, особенно православного; католическое (как следует из Фомы Аквината и Жака Маритена – да я и сам был знаком с многими учеными католиками, например, с Паскалем и Свифтом, не считая современных) – гораздо умнее.

Вспомним переключку Пушкина с святителем Филаретом. На стихи поэта:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана? ...*

Святитель отозвался своим стихотворением:

*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.*

Сказать, что святитель дурак или глух к литературе, у меня не поворачивается язык, здесь мы видим не только всю противоположность культуры и религиозного мифа, но и то, что большинству людей (вполне не глупых, хотя, может быть, не чрезмерно и умных), воистину не поможет уже ни поглупление ни поумнение. Вот почему страх прямолинейных дидактических выводов, поучений заставляет поэта восклицать, что поэзия должна быть глуповата... Но по крайней мере, действительно, так ли уж должна она непременно быть и умной, и вообще – точно ли она что-нибудь и кому-нибудь должна быть должна!?

Так, может быть, не должна она быть и глубокой, и обладать содержанием, а «соединяет слова в наилучшем порядке», хотя бы и "она – луна, он – балкон", или "я на правую руку надела перчатку с левой руки" (или наоборот?) как у Ахматовой – ну и ладно, и хватит, тем более если еще поэта красавица?

Впечатление от стихов ситуативно, при разном настроении у даже гениального поэта оно разное, вот Ходасевич вспоминает, как Андрей Белый портил собственные стихи в угоду своим новым теориям, так что критик не мог без боли их слышать и рассорился до конца с своим прежним товарищем.

Многое я еще должен прочитать, и прочитаю, о многом напишу. Я не буду разбирать стихов великих поэтов, впечатление и от них изменчиво, но неизменно только сознание, что они принадлежат поэзии.

Что было, что есть, что будет, на чем сердце успокоится?

Не буду я расставаться с прелестной Миррой.

«Быть грозе! Я вижу это В трепетаньи тополей, В тяжком зное полусвета, В душном сумраке аллей. В мощи силы раскаленной Скрытых облаком лучей, В поволоке утомленной Дорогих твоих очей.» – разве плохо?

4. Но строк печальных не смываю. На днях нашел на листке театральной программы несколько своих строк, с трудом нашел все стихотворение в папке, куда я помещаю отвергнутые стихи, но не окончательно уничтоженные.

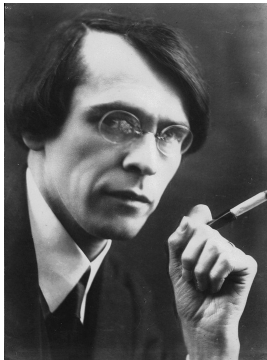
«Кажется, всё к завершенью пришло. Ранние яблоки пали на землю. Птицы на юг улетели. Я внемлю, – Но недвижымы ладья и весло, Даже, идя, спотыкается зло. Много, как видно, ненужных затей: Не окликай же идущее мимо! Знай: и покойное – непостижимо. Жалость оставь для бездомных детей И унижения Третьего Рима! А остальное – дождливой порой Камни влачить в неподъемную гору. Жизнь мне пока велика иль не впору – Вот и собираю по осени с бору: Родину, книги, друзей, домострой.»

Так и не знаю, хорошо ли это стихотворение или плохо?

И все же они по-прежнему живы, как и их эпоха, хотя бы в стихах...

Мирра Лохвицкая (1869 – 1905)

В завершение статьи, примирив все же *интеллектуальную* (мужскую) поэзию с чувственной (женской) вернусь к стихам «святителя Филарета», правда, принадлежащим, по недоразумению, вовсе не священнику, не богослову, не христианскому подвижнику, а несомненному и замечательному поэту Федору Тютчеву. Это строки, смущающие вот уже сто пятьдесят лет людей с неустойчивым мирозерцанием, вроде бы и народникам, любящим свою родину, но как-то неуверенно, и *поддерживающим свою неуверенную любовь истерическими бессмысленными заклинаниями.*

«Умом Россию не понять,

Аршином общим не измерить.

У ней особенная статья:

В Россию надо только верить!» (*Митрополит Филарет?*)

Последние две строки я повторяю про себя иначе: «*Она больна, но все же мать, в нее осталось только верить!*» – ибо никакой логики в Тютчевском выводе я не вижу, ни формальной, ни диалектической, ни религиозной, тем более что «*нет никакой русской церкви*», как сказал апостол Павел, что знает Тютчев, и *нет никакой русской церкви*, как возмущенно возразил известный «историк-христианин» Флоровский еще советскому митрополиту

Никодиму, и к тому же нет никакой России в триединой формуле Уварова «*православие, самодержавие, народность*», и даже «*Золотой век*» дворянской поэзии девятнадцатого столетия не совсем совместим с *Веком серебряным* или совсем не совместим, тем более что они оба не совместимы с советской эпохой и советской литературой, а уж тем более с постсоветской, хотя и пытается эмиграция героически воссоединить если не Родину, то хотя бы литературу. Ну, есть еще и так называемая *внутренняя эмиграция*. Я ее яркий (или тусклый?) представитель. И я утверждаю, что нет никакой поэзии, а только фальшивая прокламация в приведенных стихах.

Революционный погром Семнадцатого года. Антиреволюционный погром Десяносто первого года. Ни реставрации ни ренессанса. Сплошная тьма и мерзость запустения. Но нет уже кровавых сотысячных жертвоприношений, Крестовых походов детей и уничтожения целых народов, нет рабовладельческого строя и Крепостного феодализма, ни европейского ни русского, когда один человек принадлежал другому как вещь и его продавали как вещь, а девушек покупали не только в наложницы, но и в жены. Были красивые стихи и красивые дворцы – но все же я прочитал достаточно много и философских статей и стихов, и вам всем повторяю: Ушедшее, как это ни больно, ушло справедливо, не могли вечно крестьяне жить **ДЛЯ** дворян, и хотя сегодня потомки крестьян мечутся в потемках, то молятся старому богу, старому царю, новому царю, – но должна родиться в муках Новая Россия, не можем и не должны мы допустить ее гибели, слишком велик ее язык, велика и высока ее Культура и ее (Малый? или Большой?) **НАРОД**, ее созидавший.

Пока мы живы, будем надеяться.

Пока я жив...

И так как мне законы жанра не писаны (ибо я вижу, как писали стихи и законы те, кому я верю и кого люблю, и как они были велики и своенравны), то закончу я свое несостоявшееся расставание своим стихотворением.

В пространстве стиха всё уютно, легко,
Слова, как и звуки, нежны, не пугливы,
Как будто я в шлепанцах, кофте, трико
Пью чай с кренделями в июле под сливой.

В пространстве стиха я пчела или шмель,
Шершавый язык мой восторженно лижет
Увядших цветов нерастраченный хмель,
И бусинки капель уверенно нижет
На тонкую нить – паутину стиха.
Стихает дыханье, природа тиха.

Я в подлинном мире, в культурном пространстве,
Где сны постоянны, легки и уютны,
Где гласные вечны, теченья попутны...
И шмель, пролетая сквозь хмель постоянства,
Сплетает негласные, сонно и смутно...

29 – 31 марта 2009

Закончил свою статью сегодня, 19 сент. 19г., в 19 часов.

Александр Медведев

БЕГ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В МАСКЕ АВТОРА

(Владимир Меньшиков. АДРЕНАЛИН ОСЕНИ – 2019: Лирика. Спб: 164 с.)

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ – ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ!

Александр Медведев

БЕГ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В МАСКЕ АВТОРА

Сколько я слышал слово «адреналин» – много, много раз, и вот ещё раз увидел в названии книги Владимира Меньшикова «Адреналин осени».

Представляя приблизительно, что означает это хрустящее бодрое слово, решил-таки узнать наверняка, и заглянул в словарь.

Так вот, «адреналин» или «эпинефрин» (метафор Меньшиков в этом слове наверняка распознал бы *этическое* начало) – это основной гормон мозгового вещества надпочечников. Удивила меня, кратко выраженная, его функция: играет важную роль в физиологической реакции «бей или беги».

И подумалось, как точно объясняет это слово название книги В. Меньшикова: его лирический герой подавил в себе (не окончательно, впрочем) сигналы химических веществ, влияющих на клетки других частей тела, кроме рук – «бей» или ног – «беги». В самом деле, он не упустит случая в любой обстановке или картине, описываемых им поэтически, прозаически ли – толкнуть, поддеть, щипнуть, прихватить, уесть или прижучить – кого и что, собственно? — да *всё и вся!* Неистошима в кривлянии и насмешке его муза-наложница – ирония.

Лирический герой В. Меньшикова, впрочем, кажется, не вполне под контролем автора? Как бы принимая его мировоззренческий символ веры и следуя его мега-ироническому жанру, он нет-нет, да пытается затянуть свою лирическую песню:

Может грусть и пнуть, и шибануть...

– так и ждёшь, что после этих слов вдруг сейчас он выскажется о нескончаемой радости, которую грусть не в силах полностью прикрыть своей истёртой рогожкой. Но «адреналин-то» действует! И герой бежит, прячется за автора, как шпана-малолетка за спину центрвого. И продолжает подпевать автору, а у того «железный» репертуар:

Просто люд наш битый, угнетаемый
Выведен на вечный скорбный путь,
Властным оптимизмом охраняемый.

То есть, герой – а герой ли он тогда? – в итоге соглашается с автором, с его самоаттестацией: *«Владимир Меньшиков – деревенский лирический, социально и национально сориентированный поэт»* – и точка!

Да, как бы кому ни хотелось, а В. Меньшиков маской не щегольнёт иной. Судя по двум его книгам, а эта третья, о которой мне пришлось писать, сросся он с иронической личиной (*устаревшее* – маска) и менять её не собирается. Так что, «маска, я тебя знаю» – это о новой книге В. Меньшикова: он всё о том же и всё так же.

Мнится мне про созависимость автора и героя, или так оно и есть? Я думаю, стихотворение «Прощания» не противоречит выше сказанному.

Прощания

За селом и за старой брусничной тропой
Я грибы собирал и взошел на пригорок.
Взор дневной – сквозь очки – острый или тупой
Просветлен и по чувствам не хмур и не горек.

Нет, не солнце, как банку консервную, день
Привязал там к хвосту тучи-лошади белой,
Чтоб от банки пошла в небе брень-перезвень
Над страной полевою, болотной, несмелой.

Я, поднявшись, увидел вблизи журавлей
Да услышал тотчас журавлиные крики,
Словно песню лесов, темных рек и полей,
А не вопль сумасшедших, их зычные «бзики».

Наконец-то проникли, пробили меня,
Зацепили мелодией нежной и крепкой,
Улетая к теплу, голосами звеня,
Видя, как я стою с пролетарскою кепкой.

А хоть двигал я ею и плакал я ли
В дни, когда под реформенным демонажимом
Улетели заводы или просто ушли,
Помахав нам из труб, как ладонями, дымом?

Нет, я им не махал, а в деснице держал
Кепку, словно Ильич в книжке или в «кিনিшке».
Нет, тогда вслед заводам в полях не бежал
И сейчас не сорвусь, уподобясь парнишке.

Всё же крепко впился автор в лирического героя, – шаг вправо, шаг влево... Нет уж, себе дороже, решает герой.

Такой «адреналин».

Вспоминается выражение от имени кота: «Скажи правду и беги».

Если уж в размышление о книге В. Меньшикова втёрся кот, то мне явно не хватает в ней ощущения «гуляния самого по себе», что свойственно было бы коту. Поэтому, думая о герое лирическом, возникает и образ пса, верного, дисциплинированного – натасканного на фантастическую сельсовето-потёмкинскую деревенскость с социально-национальным ориентиром. И пёс... да ведь и он мог бы блеснуть созвездием, стать свободным «гончим псом». Мог бы. А пока – уныло-ёрнический хрип – о «грёбанном майоришке-начальничке», что «чуть по пьянке не свалил сортир», о том, что «Сан-узел мог матюжно проурчать / Про СССР, про брежневские тайны».

Всё же за всем этим урчанием различаются в книге и чистые мотивы –

Надо мной неудачи,
 Будто бы журавли,
 Пролетают и плачут,
 И стихают в дали.

– звучат ясные, знакомые и дорогие русскому сердцу слова:

То, что птицы напели,
 Вставь ли, тихо вложи
 В смысл осенней недели,
 Полной дрожи и лжи...

Да простит Владимир Меньшиков, что я ввёл в текст образ кота и пса. Всего лишь для того, чтобы сказать автору: отпусти ты на волю своего лирического героя, пусть погуляет сам по себе. Пусть поглядит не только на клуб-развалюху и заброшенный завод... – журавли-то всё равно летят! Тем более, что видел и видит он их полёт; и чую, дорог ему клин в синеве не меньше, чем автору – серп на линиях кумаче.

Кроме стихов, в книге есть «Май, кайф, комп» – *«Эта маленькая повесть является экспериментальной и банальной донельзя»*, сообщает автор.

И добавляет:

«В ней рассказывается о питерском «целеустремленном» экстремале, чей фотоснимок, как он считает, еще не скоро закатают под слой посмертно-траурной эмали. Э, мало, – так он говорит о бесконечном количестве своих женщин... Чтобы окончательно затрахать всех и себя в том числе откровениями-хотениями, он выбрал экспрессивную форму подачи материала с невероятно большим и очевидно что чрезмерным для прозы количеством образов и метафор видового и звукового характера. Повесть безнадежно чернушная. По ходу сюжета так же отслеживаются перипетии шумных разборок в питерском литературном мире...»

Про экспрессию, это автор преувеличил, на самом деле, всё – на одной ноте. А про банальность – правда. Она – смысловой и стилистический остов опуса.

«Конечно, хочется гармонии, идеального варианта, когда живешь душа в душу, тело в тело с одной женщиной, но я по гороскопу Змея-Дева, и мне спрогнозировано до гробовой доски спастись от тоски с «многими». Такая кара и каторга по гороскопу выпала. С каждым годом все более маразмено. Начал жить по принципу: трахнул женщину – изобрази успех, а если отказ – изображаю жертву.

Настроение: «Хлебнув одеколону, встань в Пятую колонну». А еще час назад прикалывался над молодыми либеральными поэтами из нашего якобы патриотического Союза писателей: «Готовые клоны для Пятой колонны». А самого вон куда клонит: «Подкладывайте дам иль Родину продам!». Никакого удержу, полное похеривание нравов.

Надо же, аккурат возле ДК нынче встретился с тогда благополучной насмешливой Светланой, Она явно поплохела и пребывала в подпитии. Засмеялась и громко сказала: «Иди в магазин, бери бутылку водки, закуски и – ко мне», но я сначала заскочил домой за деньгами. У Светки пробыл пару часов. Она устроила так нужную мне то ли французскую, то ли петербургскую любовь с оральным сексом. Уже, придя домой, взял из книжного шкафа школьно-романтическую антологию «Алые паруса» и прочел свой невинный стишок «Волховская любовь». Да, перечел и задался вопросом: а тогда какой является петербургская любовь? Что она какая-нибудь неприличная, извращенная? Такая же, как везде, всякая».

Для искусства нет неприличных тем, самая банальная, – а почти все темы таковы, – может стать художественным произведением.

Это если «адреналин» правильный.

В книге В. Меньшикова он особого свойства. Функции «беги» явно требуется коррекция: автор в своей прозе – во весь опор бежит от читателя.

Хотелось бы, чтобы он повернул в обратную сторону.

Александр Медведев

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ – ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ!

После летнего перерыва Секция критики и литературоведения Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России возобновила свою работу.

3 октября 2019 года состоялось обсуждение сборника «Литература и жизнь», составленного А. И. Белинским и Г. Н. Иониным и выпущенного издательством «Дума».

Это уже пятый выпуск с 2011 года, когда в виде сборника статей осуществилась «попытка осмысления опыта петербургской литературы за последние двадцать лет на примере творчества весьма многочисленной группы авторов» (Г. Ионин). Отчасти цель сборников – поиск критериев оценок современной петербургской литературы. Отчасти, вместе с патриотической направленностью, попытка ощутить включённость российского искусства слова в контекст мирового опыта.

Тематически авторы сборников придерживаются трёх направлений: это статьи о классиках, о современных писателях и исследования тенденций развития современной литературы.

Содержание первого сборника (2011) «Петербургская литература на рубеже веков» составили материалы о творчестве современников. В нём приняли участие – А. Доливо-Добровольский статьёй «Жизнь и поэзия Глеба Горбовского», Т. Батурина написала о прозе А. Скокова – «...Ничем не

заменяемая свобода», И Важинская размышляла о поэзии Ю. Шестакова («Поэзия синтеза»), В. Ефимовская затронула тему литературной борьбы за существование благодаря интеграции в контекст исконных русских духовных и культурных ценностей на примере творчества Н. Коняева («Измерение подвига»), В. Кречетов анализировал произведения И. Сабилы и Г. Ионина, Т. Федяева отметила приверженность А. Белинского чеховской школе письма («О книгах А. Белинского»), О. Соколова («Обретение голоса») написала о поэтическом мире А. Филимонова, Л. Московская («Полевые цветы») – о книге стихов И. Стремякова.

Второй выпуск (2015) весь был посвящён классике, а именно М. Ю. Лермонтову. В третьем (2016) публиковались статьи Г. Ионина «Мысль о русском национальном поэте. С. Есенин и Г. Державин», С. Сенина «Древний Родос Н. Гумилева», Б. Краснова «Семантическая конструкция в поэзии Мандельштама». В четвёртом (2018) этой теме отвечали Дм. Улахович («Трагическое в творчестве С. Есенина»), Г. Ионин («Эхо Державина»), Р. Круглов («А. Фадеев и Н. Островский»). И в пятом выпуске (2019) её продолжил Г. Ионин статьёй «Лев Толстой – сегодня и завтра».

Своими впечатлениями о литературном процессе, о ярких явлениях прошлого и настоящего авторы сборников делятся в литературоведческих эссе. В третьем выпуске (2016) «О тенденциях развития современной детской литературы» высказалась Т. Федяева, задался вопросом «Есть ли достойные авторы среди “раскрученных” постмодернистов и детективщиков» А. Андрюшкин. Четвёртый выпуск (2018) календарно собрал материалы, напоминающие о столетии Октябрьской революции 1917 года: это «Наш язык нуждается в защите» Ю. Серба, «Два поэта» В. Овсянникова, «“Философский пароход”. Ленин и Бердяев» А. Белинского, «Песни молчащих людей» А. Грякалова.

3 октября заседание началось с выступления Л. Бубновой. Людмила Леонидовна зачитала серию коротких критических эссе, написанных по прочтении пятого (2019) сборника «Литература и жизнь». Её образные, меткие эссе заслуживают отдельной публикации.

А. Белинский положительно оценил выпуски сборников, назвав их «лицом Секции критики», он сказал, что за все эти годы примерно пятьдесят авторов приняли в них участие. По мнению Анатолия Ивановича, «Секция критики работает лучше других секций: опубликованы серьёзные литературоведческие материалы, такие издания должны иметь место». Среди авторов он выделил Б. Краснова, «его любопытный взгляд на поэзию советского времени».

«Последний сборник, может быть, самый интересный, – отметил В. Овсянников, – он даже композиционно оказался безукоризненно выстроен». Он привёл пример сопоставления различных взглядов на проблему реализма в литературе, освещённую статьёй А. Белинского и противоположную ей А. Акулова, к которым, своего рода резонанс на эти позиции, примыкает статья Дм. Улаховича. Для Овсянникова чрезвычайно важным показался вопрос, поднятый в статье А. Ахматова о катастрофе,

происходящей в писательской душе, когда писатель не выдерживает натиска времени. Статью Т. Забозлаевой «Отцы и дети» он назвал пристальным взглядом на историю, на которую мы, возможно, не всегда смотрели внимательно.

Татьяна Забозлаева рассказала, что её статья – часть исследования: четыре года она отдала изучению «Полного собрания законов Российской империи», книге о том, как зарождались законы. Коротко она свела проблему отношения к закону в России к тому, как смотрела на неё (сквозь пальцы) Екатерина II: «Все тащат еду – да пусть кормятся!» и её сын Павел I, требовавший неукоснительного исполнения закона.

Б. Краснов пояснил, что в своей статье о «кинематографическом» методе в пейзажной лирике он коснулся спора об оценке стихотворного текста и предложил пути поиска объективного взгляда на его достоинства и недостатки. Предложенные им критерии, так сказать подвижного взгляда, со сменой планов, ракурсов, безусловно, важны, и не только для пишущего лирический пейзаж, – ощущение движения делает живым всякое поэтическое высказывание. Попутно Б. Краснов назвал «Одой фонетике» статью В. Овсянникова «О звуках». Отчасти это так, хотя одно только положение этой статьи – «Азбука звуков Хлебникова – эхо платоновского диалога “Кратил” и пифагорейских сфер» – говорит о чём-то более глубоком, о более тесной связи звука с образом, с мыслью, чем только красота звука как такового.

А. Филимонов, касаясь проблемы традиции и новаторства, напомнил о христианских корнях русской культуры, от которых никуда не уйти, они так или иначе проявлялись и проявляются у самых разных авторов в различные периоды истории литературы.

Среди многих выступавших Дм. Улахович обратил внимание на построение сборника – «Он начинается и заканчивается здравницей реализму».

«Самое главное, авторы и выступающие не напрасно были приняты в Союз писателей, они доказывают это каждой своей публикацией» – так с долей шутки выразил своё мнение о пятом сборнике И. Сабилу, высказав пожелание о необходимости учредить премию критика.

Во всех выступлениях звучала благодарность А. И. Белинскому и Г. Н. Ионину за их многолетний поистине самоотверженный труд над сборниками секции, – это признание в любви к отечественной литературе.

А. Медведев

ХОККУ

Мой друг наизусть прочитал мне:

Аки но курэ

Хи я томосан то

Тои ни куру.

Сказал:

– Замечательное хокку, правда?

Подал мне книжку, я прочел подстрочник и имя автора: «*Осенние сумерки... / входит, спросит: / “не зажечь ли огня?”*». Эцузинэ (1760–1836)».

Далее следовал перевод Мойчи Ямагучи:

«Поздняя осень...вечер...комната...темно...один...тяжелые думы гнетут душу... Кажется, темноте, одиночеству, тоске не будет конца... Вдруг – стук, входит девушка, молодая, живая, бодрая и, игнорируя мое настроение, наполняет комнату звуком своего звонкого девичьего голоса: “не зажечь ли огня?”»

Говорю ему:

– Почему ты выучил именно это хокку?

– Решил я как-то пейзаж написать на ткани. Сам понимаешь, это не маслом по холсту месить, когда править можно сколько захочешь, если сразу в тему не въехал или в цвет не попал. Тут надо за один раз и без помарок...

–Чтобы мастерство показать?

– Да. Но, и чтобы достичь бодхи, просветления. Для этого настрой нужен. Вот я и медитировал себе помаленьку, готовился.

Один день просто ходил по комнате и на этот белый шелк смотрел. Смотрел, и увидел в нём туман августовского утра.

На второй день опять смотрю на шёлк. Чувствую, что плыву в лодке сквозь туман и кисточкой, как веслом, пишу по воздуху. То плавно, то резко взмахну.

На третий день вижу: сквозь туман начинает пейзаж розоветь на другом берегу. Вот он, и вот просветление...

Опускаю кисть в баночку с акварелью, уже ни о чем не думая, весь в прохладе тумана.

И на тебе!

С другого берега доносится: Са-а-ша! Ты чё в потьмах? Зажег бы свет! Давай на кухню быстро – все остыло!

Яркая вспышка. Стоит жена, *игнорируя мое настроение...*

Друг помолчал и добавил:

– Не поверишь: очень вовремя она меня тормознула. На самом деле, я пейзаж к тому времени уже написал. Вот этот: «*Висячий мост и рыбак на Ояти*». Сам не знаю, как. Один туман и осенние сумерки только и помню.

М. П. Чернышева

ПОЭЗИЯ И ЖИЗНЬ

Передо мной два сборника Владимира Меньшикова, между ними – 23 года, целая жизнь для некоторых. Сборник 1995 года тонок, издан в серии «Рекламная библиотека поэзии». Он называется «Ток тьмы». Глядя на молодое светлое лицо автора, запечатленное на обложке, и на радостный солнечный рисунок советского воина (видимо, водружающего знамя над рейхстагом) рядом с фото, поневоле удивисься столь интригующему названию. Но уже по заголовкам первых стихов понимаешь его точность: Затмение, Темнота, Русский омут..

Стоит в деревне темнота
И только сквозь нее
Дойдешь до церкви, до моста»...

Знакомясь с творчеством В. Меньшикова, понимаешь и принимаешь необходимость пройти сквозь темноту к свету как авторское кредо. Высвечивая суть идеи стиха, автор прибегает к необычно ярким, самобытным метафорам, которые на фоне иногда нарочито корявых, «затемненных» по смыслу или просто описательных текстов поражают неординарностью и живописной образностью. Вот в первом стихе «Затмение»:

Враз потемнели желтые стога
Смертельно посинели речек жилки.
Погасла золотистая фольга
На горлышке торжественной бутылки.

О колоколе:

Как боль, на поле прозвучало «бом»,
Когда он, ударяясь в медь пространства,
В томлени безысходного бунтарства
Об небо, как об землю, бился лбом.

Этим небольшим сборником В. Меньшиков весомо заявил о себе как о патриоте родной земли, «из крестьян». Пейзажи русских просторов, меткие лаконичные характеристики героев и сцены современной деревенской жизни. Как говорится, «без глянца»..

Последний сборник «Предыдущий оратор» (2018г), кроме стихов, включает также прозу, Дневник критика и некоторые выступления. За более, чем 20 лет богатой событиями жизни, Владимиру Меньшикову удалось сохранить свой поэтический стиль, образность и метафоричность стиха:

Красивы над Россией небеса.
Ладони-птицы там рукоплещают...

Однако более 20 лет с ВВ привели поэта-романтика в ряды острых публицистов, защитников России, открыто выражающего свои взгляды. Послушав мнение сельских жителей Новгородчины и почитав прозу и стихи последнего сборника В. Меньшикова, можно однозначно заключить – в его творчестве говорит Народ. Можно долго спорить на тему, должна ли быть поэзия публицистична, можно не соглашаться с отдельными положениями автора, но сути это не меняет: творчество Владимира Меньшикова современно и своевременно.

С большим интересом читается Дневник литератора и критические эссе. Автор пристрастен, иногда весьма, но заранее предупреждает читателя о своей пристрастности к некоторым коллегам по цеху и объясняет ее причину. Живые, яркие характеры, узнаваемые портреты, живая бурная жизнь Дома писателя, – неоценимые страницы для будущих историков литературы.

В. И. Чернышев

ПОЭЗИЯ И ПАРТИЙНОСТЬ

Я знаю поэта Владимира Меньшикова и давно и недавно, то же можно сказать и о человеке.

Познакомились мы совсем недавно, года три-четыре назад, тоненький сборник его стихов я увидел у своего старого друга Александра Михайлова в начале девяностых, когда сам только вступил на стезю издателя и критика – иногда мне казалось, что это даже не стезя, а панель, чаще казалось, что это эшафот. Поэта требует к священной жертве Аполлон – кто требует к этой жертве критика, редактора, издателя? А чья жертва круче и горше, еще неизвестно.

Эту книжечку его стихов я прочитал в квартире у Саши Михайлова, и она ко мне переехала жить после его смерти, ее же я дал, кроме последних сборников, своей жене (новые стихи, особенно те, которые печатались в Журнале с топором, она, разумеется, читала и ставила их высоко), когда она начала писать свои замечания по поводу его поэзии. Некоторые из строк и строф поэта она мне читала, и я вдруг увидел, что женщина умеет ценить не только дух, но и плоть, не только мысль, которая задевает нас, мужчин, но и саму ткань стиха, способ выражения, звучание слов и впечатление метафор и образов. Знакомые, казалось бы, стихи зазвучали по новому, и я воскликнул: Да ведь многое из его стихотворного творчества гениально! Не достает только эпической связности, логической многомерности! Не достает сюжета, связывающего стихи в поэтическую вселенную!

Но разве нет цельного и единого настроения жизни? – возразила жена.

Есть.

Разве нет не изменяющейся привязанности к Родине, страсти, той же, что и в молодости?

Есть.

Нет чувства печали и горечи за неудавшуюся жизнь современной России?

И эта трагическая печаль есть тоже, и именно она делает стихи Меньшикова живыми, намокает их как кровью.

Меньшиков – и язычник и большевик, он ожившая иллюстрация старых советских споров о партийности в литературе.

И именно в связи с его поэзией можно возразить давно умершим марксистско-ленинским схемам, пытающимся втянуть и литературу и поэзию в корыто своих тупых марксистских догм.

Начну по детски: Марья Ивановна в школе рассказывает нам о походах Александра Македонского, голос ее звучит совершенно не так, как голос отставного военного Прохора Петровича, ее голос ну совершенно не мужественен, а еще она берется за рассказ о военных походах и сражениях.

И те же ли это самые сражения и походы, или у нее они совершенно другие, чем у старого вояки? Да нет, те же самые. Что же проявляется в характере и содержании всякого рассказа, хотя бы житейского, в прозе и в поэзии, появляется ли личность рассказчика?

Проявляются Пол и Характер (о которых писал Вейнингер), проявляется и народность – но не они создают характер и судьбу стихотворения, а нечто другое, так специфически женские стихи слабее тех стихов, написанных поэтессами, в которых пол автора существует лишь как привкус, как тонкий аромат (где это требуется). Но, может быть, в творчестве должна выражаться религиозная принадлежность, отношение автора к первичности или вторичности материи, к строительству коммунизма, и автор должен и при исторических описаниях утверждать истинность коммунистического учения или истинность христианства, как у Флоровского, который математик-христианин... нет, химик... ах, нет, **историк-христианин** – но будет ли кто-либо доверять такому историку, или такому врачу, или такому христианскому ювелиру и слесарю? Нет. Тем более – поэту! Но есть нечто более сущностное, нежели партия, и вот это сущностное должно в стих входить, этим **сущностным у Меньшикова является его деревня, деревенский народ, его крестьянство**. И у апостола Павла сущностным является то, что он иудей из иудеев, а мы с Володей – **русские из русских – это подлинная почва поэзии**. У Пушкина: «Свободы сеятель пустынный, я вышел рано, до звезды. Рукою чистой и безвинной в порабощенные бразды...» – очевидно не христианское отношение к миру, но в стихе он и не христианин и не нехристианин, ибо у тех и других **сущностна инобытийность**, стихи же говорят о бытийности, они, так сказать, в евклидовой геометрии, и **бразды** порабощены чужой властной силой, а не сам человек их порабощает (как утверждается в христианстве), и в центре мира – человек, а не Бог. В каком же отношении тогда Меньшиков крестьянин, деревенщина, язычник и большевик? Это у него зверо-языческая и крестьянско-большевистская **удочка**, которую он забрасывает в наши души, а сам он объемнее и шире всех своих удочек.

Открываю наугад его книгу. Надо его стихи читать, применяясь именно к его манере, как дети применяются к булке с изюмом: Ах, какая булочка! – шепчет внук Паша, выковыривая изюм.

«Освежил синий ветер цветы и деревья...» – не знаю, почему синий, но верю, и синий ветер мне теперь больше нравится, чем зеленый или, не дай бог, коричневый... В конце: *Подтвердит Иисус, что куда православней я того, кто пошел после церкви в разнос.»*

«...пододвинув спокойно говоушку-молот ближе к локтю-серпу, спит советская власть.»...

Ну, зачитался, читаю его разухабистую критическую прозу... а журнал горит синим пламенем, завтра в 17-00 (то есть через сутки) уже Презентация, а я его еще не сверстал и не сдал в печать. Опишет ли Меньшиков слезы редактора?

Но чего-то не хватает в его прозе, в его стихах.. но чего? Я и в своих стихах ищу так же, словно бы все хорошо, как в хорошем бутерброде с килькой, а нехватает... ну, да, не хватает стакана и бутылки... но нам нельзя пить.

Ладно, не очень и хотелось.

Россия проходит сквозь Смутное время так же, как в 1611 - 13 годах, и ведь не в полях было дело, их было совсем мало, они не завоевывали Русь, не они владели Москвой, не они владели Россией, и в Москве правило русское боярское правительство, и в Вологде правило правительство русское, и под Москвой залегали все сплошь русские самозванцы, да и первый Самозванец был русский, был ли он Димитрием или Гришкой, не суть важно, но и власть захватил и даже целый год правил – но «не срослось» – чего же ему не хватило? Чего не хватает и нашим стихам?

Я вижу одно, что в одиночку мне на вопросы эти не ответить, и ведь судьба пока складывается из рук вон... хорошо... и славы нет, и денег нет, значит есть все основания, чтобы подниматься на небо, да к тому же собралась вокруг Журнала с топором когорта ... пожалуй что гениальных "поэтов"! – неужели мы вместе не вдохновим друг друга на прорыв в бесконечность... или в вечность? Значит, надо начать писать что-то совсем иное, как Овсянников вдруг недавно подался в Шумеры.

Если чего-то и нет, то все же есть – бездна, вроде той старушки у Розанова, которая затеплит в деревенской церквушке свечку и поднимается главою уже в небеса. Ну, значит, надо начать писать завтра же... по иному... переменяя даже меня, и Медведева, и все других наших...

Наконец понял, зачем я пишу и что: *Это мы сидим в Окружении, надо идти на Прорыв.* Ну, что ж, пошли...

=====

А. В. Осипов

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ и ЛЮБИТЕЛЬСТВО

(ФИЛОСОФИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА)

В. И. Чернышев

МЕТАФИЗИКА ПРОФЕССИОНАЛИЗМА

(Дополнение после драки)

А. В. Осипов. Профессионализм и любительство

Чем отличаются профессионалы от любителей, мы хорошо понимаем, и, как это часто бывает, когда хорошо понимаем, то трудно дать определение. Такое определение, чтобы оно было четким, рабочим (работающим, конструктивным), не было бы тавтологией и не содержало бы оценочных оттенков. Четкость и конструктивность означают, что при указании рода деятельности и имени человека мы могли бы определить, к какой из двух категорий относится этот человек, используя выделенные конкретные критерии. Своеобразная тавтология – это то, чем мы часто пользуемся, вводя синонимический ряд. Таким, например, является определение слова «профессионал» в Википедии.

Такие тавтологии полезны, поскольку дают описание слова в других терминах, но они не являются определениями в строгом смысле.

Что касается оценочных оттенков, то в данном случае их не избежать. Слово «профессионал» обычно используется с положительным оттенком, а любитель – с негативным. Если это отрицательное отношение хотят подчеркнуть, то используют понятие «дилетант». Но нам хотелось бы избежать эмоциональных оценок, чтобы найти в различии двух противоположных понятий более интересное, «философское» содержание.

Пример 1. Футбол. Замечательная игра, в которую играют на замечательном дорогом поле классные ребята из Бразилии, Аргентины и даже из Италии. Они хорошие, даже очень. Но мне хочется на своих смотреть. А они работают на вторых ролях – мячи подавать. Но с развитием профессионального футбола замечательная игра вырождается, во дворах ребята уже не играют. Ходят в лучшем случае с дедушками на дорогой стадион, чтобы посмотреть на дорогих игроках.

Пример 2. Экономика. Неужели же у нас все в порядке с нашим общим домом, чтобы посмеиваться над домостроем? Но нет тех людей, кого бы это интересовало всерьез. Разве что в школах с экономическим уклоном учителя расскажут об этом детям для расширения эрудиции.

Пример 3. Психология. Замечательная современная наука, в которой есть коучинг, есть *нейролингвистическое программирование*, есть когнитивность, есть и экзистенциальность. Все замечательно и важно. Кто бы возражал. Но все ли у нас в порядке с самой обычной, житейской психологией?

Пример 4. Математика. Еще недавно, лет сорок назад, дилетантов было множество – ферматистов (решавших большую проблему Ферма), тех, кто предлагал свой вариант перпетуум-мобиле, и разных прочих, гонящихся за белым китом. Теперь этих дилетантов нет, все задачи решены профессионалами, и математика стала замечательным клубом профессионалов, в который сможет войти каждый, у кого будет фактор-импорт-скопус-коэффициент достаточен для посвящения. Не стало дилетантов, но не стало и того множества научных семинаров, которыми гордилась отечественная наука. Не стало мальчишек, гоняющихся во дворах мяч, изменился и профессиональный футбол.

Технологические цели и тени философии. Для обычного человека, не являющегося носителем философского стиля, ее особенность состоит в скрытости положительных результатов, в их своеобразности и запутанности. Мы сможем узнать и почтить Пифагора, например, или Лобачевского, если они появятся среди нас с помощью машины времени и объяснят, авторами каких теорем являются. Но сможем ли мы узнать, скажем, Сократа? Если он еще не пил яд и не произносил последней речи.

Некоторую закомплексованность отсутствием положительных результатов философия инстинктивно компенсирует наличием технологических целей в практической жизни и в смежных науках, которые находят свое оправдание в философских текстах, как бы легализуются ими. Я называю эти «практические приложения» «философскими тенями», поскольку они «ходят за философией». Это Фалес из Милета (или, скорее, Аристотель) и его пример обогащения с помощью оливкового масла. Это псевдорезультаты по признанию некоторых сексуальных патологий рядовыми ситуациями. Много примеров не только в политике и теории государства и права, но и в экономике, в психиатрии и психологии, в литературной и поэтической критике.

Но, конечно, самыми яркими и болезненными являются примеры, которые призваны изменить мир, так называемые «практические проекты», освященные беседами о диалектике, причем беседами в бойком, безапелляционном стиле, в стиле, которому позавидовал бы Шариков. Это Гегель и его замечания о том, что гангренозные члены нельзя лечить лавандовой водой. Это Ленин и тень его философии – «практическое применение революционной теории» в России. Маркс с его политической экономией. Примеров много и мы начнем с Фалеса.

Фалес из Милета и способ разбогатеть.

О Фалесе имеется много легенд, но не думаю, чтобы о нем было что-нибудь известно, помимо тех фактов, которые я упоминал. Некоторые из этих историй изумительны, например, та, которую приводит Аристотель в своей «Политике»:

«Когда Фалеса попрекали его бедностью, так как-де занятия философией никакого барыша не приносят, то, рассказывают, Фалес, предвидя на основании астрономических данных богатый урожай оливок, ещё до истечения зимы роздал накопленную им небольшую сумму денег в задаток владельцам всех маслобоен в Милете и на Хиосе: маслобойни Фалес законтрактовал дешево, так как никто с ним не конкурировал. Когда «вступило время сбора оливок, начался внезапный спрос одновременно со стороны многих лиц на маслобойни. Фалес стал тогда отдавать на откуп законтрактованные им маслобойни за ту цену, за какую желал. Набрав таким образом много денег, Фалес доказал тем самым, что и философам при желании разбогатеть нетрудно, только не это дело составляет предмет их интересов». Бертран Рассел. Древняя философия

Изумительна и для меня была эта история, когда я ее прочитал в главе, которая называется «Искусство наживать состояние», и которая должна была умение разбогатеть возвести в ранг искусства. Изумила своей странностью, неожиданным и нелепым вторжением утилитарного примера в умозрительные конструкции Аристотеля. Второй раз изумило меня уже само изумление Рассела. Я не отношусь к почитателям Аристотеля, но то, что для изумления был выбран именно этот пример, меня удивило. Какова же была «технологическая цель» рассказчика? И что же здесь является «философской тенью»?

В. И. Чернышев. Дополнение после драки

17 ноября 19г. Вчера вечером я был на собрании Философского кружка, которое состоялось на набережной Макарова. За неимением имени у данного кружка философов, произвольно меняющего свои очертания и включающего в себя разве что двух постоянных членов, незабываемых, как скала, я бы этот кружок поименовал хотя бы «На набережной». Называли же себя литераторы «Синей лампой»?

Итак, мы собрались, вначале произошло весьма приятное происшествие, докладчик и ведущий нашего маленького философского семинара (включающего 8 человек – “философский октаэдр”) вдруг неожиданно мне предложил высказаться и даже налил в мой стакан вина, я, не шокирующий обычно публику скромностью, на сей раз застенялся и возразил, что если начало моей речи публике понравится, то я ее продолжу и даже выпью.

Народ единогласно меня приветствовал и призвал к питию, я выпил, воодушевился и “понес”.

Идеи, которые я развивал, по большей части были вариациями того, что изложил в своей статье наш уважаемый ведущий, то есть, что русские не стремятся во всем к глубокомысленному и казенному *профессионализму* (что для меня является синонимом Ремесленничества, ведь **профессия** – это и есть **ремесло**), и чаще всего различие в **занятиях**, относить ли их к ведомству *профессиональных* занятий или *любительских*, определяется не степенью умения и обучения, а, например, принадлежит ли человек, занимающийся данным ремеслом, к гильдии, к работникам по найму, и получает ли за свои занятия деньги – а лучше ли или хуже он по качественному уровню своей продукции – это второй вопрос, Тургенев был дворянином, землевладельцем (и владельцем душ крепостных), был писателем, но и одновременно бывал охотником, что доказывают его «Записки охотника», Сергей Тимофеевич Аксаков во всем совпадал с Тургеневым, но был еще и рыболовом, что доказывается так же, охотой и ловлей рыбы они занимались не то чтобы хуже крестьян или мещан, но для удовольствия, бесплатно, именно поэтому назывались **любителями** (или *дилетантами*). Вообще-то слово **дилетант** заимствовано в начале XIX в. из франц. яз., где *dilettant* < итал. *dilettante* «любитель» — от **dilettarsi** «любить, наслаждаться». (Школьный этимологический словарь русского языка). Хорошо или плохо занимается данным ремеслом преданный ему «*dilettante* - любитель», в самом слове никак не проявляется, слово означает только, что данный человек барин, и занимается этим для своего удовольствия, Менделеев для отдыха делал чемоданы, и в его музее они сохранились – отличные, надо сказать, чемоданы! Шерлок Холмс для разнообразия жизни разгадывал криминальные загадки и ловил преступников, то есть был **дилетантом** (любителем), в то время как Скотланд Ярд занимался ловлей жуликов профессионально – и вот на счет их профессиональной бездарности врач Конан Дойл (дилетантски, то есть любительски или любовно занимаясь литературой, то есть не профессионально, в отличие от майора Пронина, автора 78 криминальных

советских романов), «оттянулся» на всю катушку, показал их вопиющую бездарность (а мы не знаем о бездарности наших ментов – профессионалов криминального ремесла?)

Итак, пока мы уяснили из моей эскапады одно: **дилетант** означает **любитель** (таковы ВСЕ коллекционеры, таков Шлиман, нашедший Троию, таков Лев Толстой, написавший Войну и мир, таковы Владимир Даль, и в особенности Карамзин, написавший Историю государства Российского), и дилетанты лучше профессионалов. Но в действительности, конечно, это слово употребляется то в прямом то в переносном смысле, и каков любитель, умелый или неумелый, из слова дилетант не должно бы следовать.

Но так как все мы **едим** преимущественно **дома**, то борщ и пироги, которые варит и печет теща, или блины, или судак (кума), или суп и жаркое – готовит жена, яичницу – готовит муж... то мы знаем, что дома всегда вкуснее, чем у профессионалов (поваров) в столовой. А дома готовят наши жены даже не потому, что они любители (не все и любят стоять у плиты), или «дилетанты», а по необходимости.

Я привел примеры дилетантизма, несомненно ставящие дилетантизм выше ремесла – это семейные отношения (несомненно, мать любит свое дитя по «дилетантски», но неужели дитя предпочтет любви матери любовь воспитательницы в детском саду? Другие примеры, вызвавшие возмущение женской части нашего общества, я приводить не буду).

Многозначность, или **полисемия**. Итак, слово **дилетант** сегодня употребляется не в *прямом смысле слова* (как в начале 19-го столетия, то есть в качестве **любителя**), а в переносном. Но не все образованные люди знают, что слово имеет несколько значений, тем более не все писатели об этом догадываются, то я (тем более что учительство сегодня является моей дилетантской страстью, так как в школе мне российская власть работать запретила)... то я напомним, как образуются переносные значения слова.

Метафора. Перенос названия с одного предмета, действия, свойства на другие на основе *сходства* их признаков (формы, цвета, функции и т. п.) называется **метафорой** (от греч. *metaphora* – «перенос»). Например: *холодный взгляд, железная воля, каменное сердце, золотой характер...*

Метонимия. Перенос названия с одного предмета на другие на основе *смежности* этих предметов называется (от греч. *metonymia* - переименование).

Синекдоха (от греч. *synekdochē* – соотношение) – способность слова называть и часть чего-либо, и целое: Эй, *борода!* Первая *скрипка*. *Го-ло-ва!*.. Ну, *язва!*

Кстати, а какому типу переноса относится выражение «Два искусствоведа в штатском» из знаменитого анекдота советского времени? Почему же и когда слово *дилетант* стало употребляться в своем метафорическом, переносном значении даже не «непрофессионала», а именно неумехи, профана, неуча? Кажется, это началось с Брежневского времени, когда советский народ вдруг осознал, что ленинизм окончательно победил в СССР и кухарки стали управлять страной во всех областях, комсомольские и партийные выдвиженцы начали определять судьбы страны во всех областях, началось **осушение болот** и тотальная посадка картофеля (он рос на этих болотах неплохо, только трактора

вязли в них осенью, а зимой эта избыточная картошка сгнивала на овощебазах), **поворот северных рек** на юг – и что было бы, если бы ССР не развалился и Енисей и Обь поперли в Китай и Монголию?! И, наконец, война с Китаем, вторжение в Африку и в Афганистан (а я работал сторожем в пару с адмиралом, бывшим командующим Амурской флотилией, разгромившей китайцев на острове Даманском, и впопыхах представленном к расстрелу, так что между тостами он мне рассказывал о перипетиях той далекой и забытой войны). (Кстати, надо и обо мне сказать наконец нечто плохое – сколько было в моей жизни интересных встреч, а я вместо того, чтобы тогда же записывать свои впечатления, бегал за девушками, этими прелестными, но не обладающими исторической информацией созданиями!)

Но это все же все лирика, а когда же начнется **философия**? Ведь мы же хотели рассмотреть коллизию дилетантизма и профессионализма в философском плане?

1. Всюду ли уместно **ремесло**, ремесленничество, то есть **профессионализм**?

Наилучший ли это тип и способ деятельности?

Я обычно отстаивал преимущества математики как подножия всяческих умений, но что говорит Пушкин?

Ремесло

Поставил я подножием искусству:

Я сделался ремесленник: перстам

Придал послушную, сухую беглость

И верность уху.

Звуки умертвив,

Музыку я разъял, как труп.

Поверил

Я алгеброй гармонию.

Тогда

Уже дерзнул, в науке искушенный,

Предаться неге творческой мечты.

Далее даже сухой и бездушный компьютер добавляет, что речь идет о безнадежной попытке судить о **художественном творчестве**, основываясь только на рациональном начале, исключая чувства, *бессознательное* и т. д.

Что такое **профессионализм** в философии и художественном творчестве, мы видим на примере торжества во-первых гегелевского метода анализа мира в философии, которой пришлось в конце концов обойти а не *оспоривать* этот железобетонный философский бастион, тем более с наросшей на нем раковой опухолью марксизма-ленинизма, а просто обойти как военную высоту, оставив ее в тылу и не воздвигая против нее другой такой же бастион. Мы уже забыли всю эту псевдоглубокомысленную галиматью о единстве и борьбе противоположностей, об отрицании отрицания, о противостоянии положительных и отрицательных чисел (это уже из какой-то работы Энгельса)... как хорошо, что Маркс, Ленин и Сталин не «рубил» в математике, они бы нас доканали, и так сколько томов «Ленин об этике», «Ленин об эстетике», «Ленин о неисчерпаемости электрона» и тому подобная диалектическая ...ерня. И как хорошо, что

Ленину наступила на ухо целая медвежья стая, и у него нет работ о музыке, даже тем, что он вроде бы где-то когда-то слышал Аппассионату Бетховена, нам затравили и голову и сердце. А ведь бесчисленные тома Гегелевской философии разве не профессиональны? И даже то важнейшее обстоятельство, что и творческий метод и художественное воплощение его в гегелевских работах от юности к зрелости неизменно возросло, казалось бы, говорит именно о возрастании профессионализма, не правда ли? Первые его работы, посвященные философии религии, производят жалкое впечатление, но уже через несколько лет мощь мысли и сила звучания неизменно возрастают! И есть последователи, крупнейшим из них является Маркс, к счастью, не развивший его метода, но блестяще им пользовавшийся. К счастью, и Энгельс и Ильич оказались бездарными учениками их обоих, иначе бы мы не выпутались из паутины хитросплетений мысли. Чем же является диалектический метод в воплощении? Как ни странно, он не представляет саморазвития, он – однообразный **поток сознания**, он – **производство по шаблону**. И я надеюсь, что это исчерпывающее объяснение гегельянства.

К счастью, при первом столкновении с его *Наукой логики* я в ней ничего не понял, моя глупость меня спасла. Позже мне всегда не хватало времени, я влюблялся, и было не до Гегеля, а потом стало и не до Маркса. (Приступив к жизнеописанию Христа в духе Ренан, я ведь тоже влюбился, с горя почитал, что писали о нем римляне в первом веке нашей эры, потом и любовь у меня пошла наперекосяк, Ренана пришлось отложить, потом «батьюшка» велел ей меня отринуть, потом велел то же самое и другой... и вот *«Азь есмь то что я есмь»!*)

Апостол Павел: *"Но по благодати Божьей я есть тот, кто я есть, и Его благодать во мне была не напрасной: я трудился больше, чем все остальные, впрочем, не я, а благодать Божья, которая со мной."* (1-е Коринфянам 15:10)

(К месту еще раз возразить тем наивным, которые призывают погрузиться в современную литературу и из нее черпать идеи, подтверждения и возражения потоку истории и жизни. Итак, наши разговоры не так часто глубоки, но когда они глубоки, и когда ищешь подтверждения глубокому, вечному и истинному, в современном находишь либо поверхностное или пошлое переложение прошлого, либо глупость, недалекость, вздор. Профессионализм и **ремесло**, которые пропагандируются так настойчиво, и **вдохновение**, которое приравнивается как бы к невежеству, незнанию – вот сущность нашего вчерашнего спора. Мы не сформулировали какой-то общеприемлемой точки зрения, почему я и продолжил наш спор – но в ком кроме Пушкина я смог бы найти осмысленную и глубокую поддержку?!)

О художественном творчестве (в поэзии или в музыке) можно уже и не говорить, после Пушкина, очевидно, что в Моцарте уже и в пять лет было «божество и вдохновенье», и этому было невозможно научиться, почему сатана и в состоянии помочь свои ставленникам достигать императорской власти и богатства. Что в культуре и в целом в общественной жизни все более царствует невежество и мракобесие, средневековые и феодальные порядки, это объясняется не тем, что нас (мое поколение и близких к нам) плохо учили в школе и далее, а тем, что власть захватили две плеяды – рожденные вместе с Ельциным и Горбачевым, впитавшие советское растление в свои поры, и юркая

комсомольская поросль гайдаровцев и чубайсцев, возвысившимися даже и над растлением. Мы оказались слишком романтиками, отчасти и непрактичными, отчасти и совсем не юркими. Я был чуть ли не единственным, кто пытался (робко) втиснуться в шелон власти в девяностые годы – но на меня ополчились мои святые друзья: что ты делаешь? Ты не сумеешь, и тебя или съедят, или ты развратишься вместе с ними! Может быть, я бы и не развратился... А умение... Дело в том, что **НЕТ профессии властвования и управления**, нет даже такого искусства, 26-летний генерал Бонапарт, умевший командовать солдатами, а вовсе не народом и не аристократией, захватил Париж, 47-летний присяжный поверенный (при помощи многих опытных злодеев, это верно), бездарный даже в своей профессиональной области, захватил Зимний Дворец – тогда этого было достаточно. (Почему не захватили Зимний дворец декабристы? Конечно, потерялись... Но несомненно и то, что были в целом слишком благородны).

И вот мы имеем то, что имеем, богатейшую страну мира, четверть века являющуюся бесплатным донором всего мира!!!!

А во главе министерств и ведомств – недоучившиеся кухарки... нет, даже хуже кухарок... А выдающиеся ученые как личности оказались настолько бездарны, что даже не смогли противостоять ЕГЭ, и сами разрушили русскую математическую школу, лучшую школу в мире. И вот, благодаря этим трусливым умникам (а не кухаркам), ныне кухарки управляют умниками.

Где еще искусство должно играть важную Роль, помимо знаний? Даже большую, чем знания? Прежде всего в педагогике и в воспитании. Помните время, когда выпускника Матмеха брали не глядя в лучшие школы страны? И они умели учить, не изучая *науку об обучении* – как выдающиеся поэты уже в колыбели умели слагать стихи.

Как ни удивительно, искусство многозначительно и в медицине, подлинный врач лечит уже наложением руки, и история тому приводит много свидетельств, не так ли лечил и Иисус из Назарета? Потому мы и говорим об искусстве врачевания.

Талант и гениальность – это всеобъемлющие качества, которые много выигрывают при огранке (то есть при обучении в школе), но которые невозможно приобрести, даже алгебру положив в основание гармонии. И, разумеется, ни в литературе, ни в философии ни из какого профессионализма не надоишь молока и не собьешь масла, если нет в душе **dilettarsi** – способности любить. Если только не продать душу дьяволу – но научит ли дьявол стать гением?) PS. Много было вчера и безумного – но не буду утомлять читателя безумием, он о нем знает и без меня.

19 ноября. Прошло два дня после безумного заседания нашего общества, а некий червь даже сильнее точит душу. В обществе иногда возникают магнитные силовые линии, и отдельные личности в своих действиях, побуждениях, убеждениях, взглядах на жизнь невольно подчиняются напряжениям этих линий и как листья, гонимые вдоль дороги сильным ветром, устремляются в одну общую сторону, не всегда наилучшую. Столкновения частных мнений часто оказываются столкновениями вовсе не частных мнений, а навязанных нам мнений групповых, сословных или партийных. Я в своих предыдущих рассуждениях вроде бы пытался высказать

на вещи свой личный взгляд – но, увы, это мне не удалось, и меня несло почти туда же, что и всех.

Итак, попробую кое-что добавить, чтобы не переписывать все заново, а только исправляя свою точку зрения.

Споры о профессионализме и дилетантизме, кажется, возникли в семидесятые годы, в стране уже тогда почти все пошло **не так**, и заговорили о том, что профессионалов не хватает. Тогда, как вы помните, началось осушение болот, во-первых, поворот рек, во-вторых, страна стала ввязываться в африканские и афганские авантюры, в-третьих, и началась эпоха вычислительной техники, в дополнение к Матмеху появился еще факультет Прикладной математики. Я прикладную математику не любил, заниматься ею не хотел, но стал одним из первых советских программистов, потому что меня больше никуда не брали, после отсидки в Сумасшедшем доме, где из меня советский народ пытался сделать правильного человека – и это и в самом деле **весь** советский народ пытался меня переделать, потому что это именно НАРОД своим титаническим напряжением сначала перебил всю дворянско-буржуазную интеллигенцию, потому что **умники высовывались**, потом перебил всех кулаков, то есть «крестьянско-буржуазную интеллигенцию», потому что работающие и **шибко умные** деревенские тоже **высовывались**, а в мое время модной стала идея умников не расстреливать, а с помощью электрошока, лоботомии, нейролептиков и «нервно-паралитического программирования» исправлять, превращая в **нормальных** (смотри рассказ Александра Грина «Возвращенный ад»). Таков, как тогда говорили, социальный заказ. (Правда, чей сегодня социальный заказ приказал весь народ ограбить и российские богатства сконцентрировать в руках бестолковых двухсот аллигархов, живущих в заморских виллах, я понять пока не могу). Ну, вот, против поворота рек и осушения болот *вйкал* агроном Сергей Залыгин, а я ему подвживал, и он был моим кумиром [Солженицын кумиром тоже был, но, так сказать, в непересекающихся линиях, с другой стороны, в геометрии Лобачевского, и через 20 лет я сначала встретился с Солженицыным, и мы с ним обнялись, и мой сын нас сфотографировал, и это теперь историческая улика, как я тогда и предполагал, но **Солженицын не пил водку** – это имеет громадное мистическое значение, но объяснять сие я не буду, слишком надолго придется отвлечься для объяснений, тем более что после пояснения Никиты Сергеевича, что *«народу это не понятно»* я многое понял и больше ничего народу объяснять не пытаюсь, в чем расходился я и с Шафаревичем, который думал, что прав Большой народ... это-то верно, **прав народ** (даже Большой), но *народ* метафизический или даже *трансцендентный*, но НЕ население, не масса, не толпа, гонимая историческим ветром то слева направо то справа налево... а с Залыгиным я встретился позже, и мы поставили на стол бутылку водки, два стакана и два бутерброда с килькой, в кабинете Нового мира, Залыгин был редактором уже умирающего Нового мира, а я был редактором пытающегося повзрослеть недавно родившегося журнала Мѣра ... а сегодня я редактор Нового русского журнала (с топором), и он должен выжить и повзрослеть, это сегодня такая же *всемирно-историческая задача*, как *необходимость русским бабам начать рожать!*].

Итак, Сергей Зальгин был тоже моим кумиром, и он пил водку, и я налил два стакана.. «Но погоди, сказал Сергей Павлович (он был на тридцать лет старше) – я тебе еще должен кое-что рассказать, и не уверен, что ты после этого станешь пить со мной водку. Дело в том, что на том знаменитом заседании в Союзе писателей, на котором Солженицына исключали из Союза, я тоже проголосовал за его исключение. Дело в том...»

«Дело в том, – прервал я его, – что мне не надо ничего объяснять, я Вас принимаю как безусловное бытие, как движение солнца вокруг земли. И даже если бы солнце вдруг остановилось, я бы подумал, что значит ТАК НАДО. А за то, что Вы еще мне начали объяснять какие-то жизненные коллизии, важные для вас в том время, для меня только повод выпить еще один тост: *я горжусь и буду всегда гордиться тем, что вы так хорошо и с таким доверием ко мне относитесь, как к близкому для вас человеку.*» И мы выпили по полстакана, потом, закусив бутербродом, выпили еще по полстакана, посмотрели на бутылку с малым остатком водки и уже допили остаток.

И что же это за безумная жизнь, состоящая из множества встреч с такими прелестными и умными девушками и с такими тонкими, талантливыми и умными мужчинами – как мне оправдаться в том, что мне было дано так много значительного и высокого: *встреч, знакомств и даже дружб ... и даже любовей!*? Ну а народ... Мне придется написать еще одну книгу, потому что я и не могу и не хочу возвеличивать и оправдывать тупое безумие народа (хотя бы и немцев, обуянных вдруг ненавистью ко всему миру, пока их мордой в грязь не проволокли по всей Германии) – но я и не хочу только в грязь опускать свой народ, из которого произошел и сам, а не из особого вирусного облака, временами как чума изменяющего его нормальную жизнь. Ведь и меня поставь в роту солдат правофланговым и скомандуй: *Ать-два!* – и я тоже запою вдруг «Сталин наша слава боевая!» Есть народ и народ... и история... и обстоятельство... в общем, надо написать еще книгу...

Но все же «мужик как бык: втемяшится в башку какая блажь колом ее оттудова не выбьешь...» – и слава Богу и Сергею Павловичу, что хотя он был один против всех, как позавчера был один против всех Солженицын, и как сегодня один против всех Азь недостойный – но каждый раз **прав только «один против всех»,** и наоборот **«все против одного» всегда неправы!!!!**

Итак, реки не повернули, но болота осушили, хотя ныне идут дожди и они возвращаются. Но были еще электронно-вычислительные машины Минск-32, созданные академиком и целой Академией наук, и когда я начал вкаты против них в пользу персональных компьютеров (в восьмидесятые годы), даже мои друзья на меня набросились: Ну, ты, как всегда, только один умный!»! Что ты в этих машинах понимаешь? Ты их создавал? А они создавали! Вот из-за таких дилетантов, как ты, страна и пропадет!»!!!!

Вдруг в одночасье рухнул СССР. Отщепенцы вдруг из Америки завезли компьютеры. Весь Советский народ как один рухнул тоже. И советская власть рухнула. И коммунистическая диктатура. Многие сегодня мечтают о том счастливом советском прошлом. Мечтаю и я. Мне понятно, что я жил в кривобоком дому, который назывался СССР, но когда кривобокий снесло половодьем а вместо него появилась «колониальная империя» (в русском

случае появилась Колония, вроде Индии, принадлежащая до последней пуганы Британской империи, или Атлантической, или Западноевропейской... но гордо называющая себя империей). С компьютерами мы и живем.

Но вернемся к профессионалам. Профессия – это **ремесло**. Профессионалы – это ремесленники. Например, трубочисты, фрезеровщики, слесари, маляры, штукатуры, повара... Ремеслу обучают в ремесленных училищах и на разных курсах, например, на курсах бухгалтеров. Врач и юрист – тоже ремесло. И учитель. Ремесленники объединяются в Гильдии (или в «профсоюзы»). Дилетантов фрезеровщиков не бывает. Как и дилетантов врачей и юристов. Что же это тогда за эпидемия *дилетантизма*, которая губит Россию? Откуда-то с улицы приходят дилетанты и делают операции на сердце? Нет, этого не может быть. Но врачи у нас плохие (да и плохих не достает, умираем уже так, своими силами). Оказывается, **учат плохо**. Начиная со школы.

И вот тут проблема, которую мы решаем, усложняется. И надо осмотреться, иначе мы понесем пургу.

Итак, существует учитель. *Преподавание – это ремесло*. Окончив среднюю школу, курсы, учительский институт, педагогический институт, университет, и тем более математический факультет университета, можно пойти работать в школу, и я знаю не только примеры, но существует целая практика, когда в школу учителем брали вчерашнюю школьницу – в провинции – почему-то именно школьницу, – и она прекрасно справлялась с своими обязанностями. В моей деревне Корневище после войны учителем в начальной школе был человек с семью классами образования. Особенно хорошими учителями были выпускницы бывших Женских Бестужевских курсов, у нас в средней школе в Решетах такие тоже были, и на Всероссийском конкурсе школ наша школа завоевала первое место.

Я окончил Матмех, работал в школах в городе и в области, мои товарищи тоже работали и учителями и преподавателями. Выпускников университетов брали на работу в самые престижные школы, все директора знали, что выпускники Пединститутов – худшие учителя (правда, я невзлюбил, кроме советской власти, еще **педагогика** с ее манией сделать людей **стандартными**, **психиатрию** с ее манией сделать людей **нормальными**, **то есть одномерными**, с помощью нейролептиков и операций на мозге, и психологию с ее манией в конце концов применить к людям *нейролингвистическое программирование*. Посмотрите в Интернете: десятки священников этим занимаются, были даже судебные процессы, были попытки и церкви противодействовать научным методам оболванивания людей... как видите, и профессионализм не так прост, особенно в области *педагогики, психологии, психиатрии*. Но я могу быть не объективен по отношению к достижениям науки в этой сфере).

Правда, сама **наука** часто тоже представляет **опасность для человечества**. Мы едим пальмовое масло, и вдруг эпидемия раковых заболеваний... Мы едим (в России) «кормовое зерно» (для скота). Пили «сучок», то есть спирт из древесных опилок. Пили водку, в которую Андропов велел добавлять демидрол. Пили спирт «Рояль» (им Ельцин спойл народ). Мы ели турнепс,

жмых, черемшу, пили северокавказский коньяк (еще хуже). Мы гнали самогонку даже в тюрьме (сам пил в 2004 году).

Вчера слушал (по компьютеру) прекрасную певицу, колоратурное сопрано, на встрече с нею (неделю назад) она на моей ладони расписалась, и вчера она сказала, что *самый лучший народ в мире – русский*, что она не может жить без России (выступая в лучших театрах мира) – и я заплакал.

Почему наш НРЖ пока никому не нужен? Почему меня пока никто не читает? Потому что силы небесные все еще надеются, что я научусь мыслить и научусь писать – а мыслить и писать я пока умею плохо, вон даже *теорему Ферма* доказать не могу (и кстати, она не вздорная, в попытках ее доказать была создана прекрасная "Теория алгебраических чисел", то есть чисел, являющихся решениями алгебраических уравнений). Нам надо идти по незримой лестнице вверх, и лишь когда мы поднимемся на вершину, мы сможем что-то важное объяснить и читателю).

Директор Питерской школы на ВО, в которую я пришел работать, учась на 3-м курсе Университета, мне сказал: у вас громадное преимущество перед другими – вы не изучали педагогику и у вас нет опыта. В первый месяц вам будет трудно найти общий язык со школьниками, а потом, если вы останетесь самим собою, вам станет работать легко. (И один мой учитель однажды назвал меня *гением преподавания*, а собутыльник – *гением дружбы*. Жизнь редко хвалит, вот я и хвастаюсь.) Но неужели педагогика только вредна? Не знаю...

Сегодня на всех поприщах работают люди, получившие образование сначала в Средней школе, потом в Высшей школе. Ремесло, как правило, они знают достаточно для того, чтобы исполнять свои обязанности. Но что-то в России не так, что-то в ней подгнило. И я думаю, что дело вовсе не в том, о чем мы начали этот разговор. **Дилетантизма** как некой особенности, присущей качеству владения работниками в России своими профессиями (своими ремеслами) **нет**. *Дилетанты* если и есть, то это любители-рыболовы, члены Общества охотников, любители-фотографы, любители-садоводы.. Работники делятся на плохих и хороших, но граница между ними НЕ проходит по границе, отделяющей профессионалов от дилетантов, потому что в профессиональной сфере (в сфере ремесел) дилетантов вообще нет.

В 1945 году Президент Франции генерал Де Голль (он, конечно, был диктатором) уволил ВСЕХ судей Франции (они были развращены коррупцией, взяточничеством, сотрудничеством с нацизмом) – и на их место поставил студентов 4-5 курсов юридических факультетов университетов. Знания одного этого факта достаточно, чтобы нам прекратить все разговоры о дилетантизме.

Но качество человека в России вопиюще низко. В чем дело?

1. Когда болит голова, то болят и руки и ноги. Государственный организм болен, и никакой дилетантизм тут не при чем.

2. Когда все воры, то трудно сказать, хорошо ли кошки ловят мышей.

3. **Система образования в России растлилась и деградировала**. Не возможно уже разговаривать о самых примитивных вещах, большинство не знает, что Арктика и Антарктика – не одно и то же, и почти никто не знает, когда жил Иван Грозный.

В Европе Военными министрами намеренно назначают НЕ профессионалов, в России что ни сделаешь, все плохо, и даже мебельщик на посту военного министра проворовался. Но надо иметь в виду, что нет прямой связи между профессией и государственной должностью. Наихудшая профессия для управления государством – юрист. Юристов нельзя нигде ставить в управленцы, они всё угробят. А так как президентами на Западе были и генералы (Эйзенхауэр и Де Голь), актеры (Рейган), политики и миллионеры (Кеннеди), и даже юристы (Никсон), то о профессионализме государственных служащих надо разговоры оставить, надо только царя в России ПРЕВРАТИТЬ в государственного служащего, а не во владельца душ подданных.

Сферы деятельности: в одной важны *ремесленные навыки* (часовщик, ювелир, минер, повар, снайпер...), в другой нужны и знания и *призвание* (журналист, врач, учитель, вор, писатель), в третьей только *искусство, призвание, талант* (актер, певец, адвокат, оратор, художник). Но и в каждом почти виде деятельности очень важна **любовь к своему делу**.

Итак, забудем слово *дилетант* как вздорное иностранное слово, иначе будем свысока смотреть на Лермонтова, Шаляпина, Горького, тем более на Алексея Константиновича Толстого, пишущего по призванию, не для денег.

И тем более это слово унижает таких людей как Твардовский, Пушкин, Аполлон Григорьев и Азь безгрешный. Общее у нас состоит в том, что мы являемся критиками, издателями и редакторами. Учились ли мы где-нибудь этому мастерству? Даже сценическому **искусству** учатся, учатся *искусству* врачевания, а искусство редактора? То, что необходимы **знания**, притом бессистемные, не узко профессиональные – несомненно. Но оценить качество творения и дать верный совет автору – разве этому можно научиться? И когда я в толстом романе переписал полстраницы в середине, а последнюю страницу выкинул, и оказалось, что это те заплаты, которые к чужому произведению пришил **профессионал** (и как я к ним должен относиться!?) – не повод ли мне вскричать: *Ай да Васька, ай да ёшкин кот!*

Суд присяжных, в который выбирают обывателей, НЕ принадлежащих ни к криминалистам, ни к судьям, то есть людей абсолютно *несведущих в юриспруденции* – лучшее возражение нашей мании теперь насаждать профессионализм, как недавно мы осушали болота.

Великий ученый Вавилов безвинный **умер в яме**. Этого факта достаточно, чтобы осудить и Сталина, и русский народ. Всех остальных убитых можно не включать в обвинительное заключение, *достаточно одного убитого*. Не надо спасать душу, пересмотрите свое отношение к убийству Вавилова.

Для спасения России *надо ее проветрить* и во главе министерств и ведомств, а также ректорами Вузов поставить студентов, победителей математических олимпиад. Учредить Конституционную монархию, в императрицы избрать многодетную мать. Я все это пишу серьезно, тысячи людей прошли мимо меня, оригинально мыслящих личностей мало, ВСЕ собирают свои идеи из покрытых плесенью штампов. Я говорю иногда нечто свежее только потому, что у меня есть вкус на подобные вещи, их я собираю по всем дорогам, на которых удается поговорить с детьми и взрослыми, всё народное, как и сам я. На этом я и закончу свой спор с профессионалами!

I.V ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

М. П. Чернышева

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР

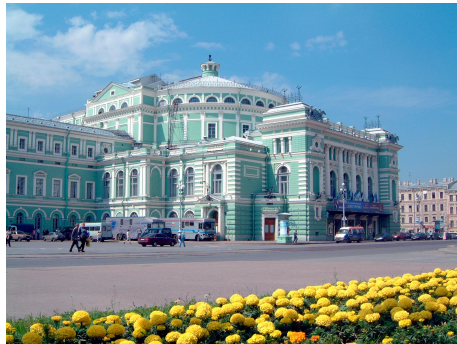
Встреча с директором театра музыкальной комедии Ю. Шварцкопом
в Доме журналистов

В. И. Чернышев

ОБРЕТЕНИЕ РАДОСТИ

Солистка Мариинского театра на сцене и в жизни

М. П. Чернышева

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР

Те, кому посчастливилось побывать в Доме журналистов 10 октября сего года на встрече с заслуженным деятелем искусств России и Генеральным директором театра Музыкальной комедии Юрием Алексеевичем Шварцкопфом, надолго запомнят этот вечер.

Начался он в полутемном зале. Ярким контрастом залу явилась на сцене фигура сильного, красивого, уверенного в своей самоценности человека. Дежурные вопросы и дежурные ответы как-то быстро сами собой отпали, как шелуха. В доверительной манере, как давний знакомый слушателей, герой вечера начал рассказ о своей жизни, о жизни, которую сделал сам, вопреки всему. (Иногда так жалеешь, что не взял хотя бы диктофона!). Такие люди, как Юрий Алексеевич Шварцкопф, – настоящие «цветы жизни», её украшающие в буквальном и переносном смысле. Окончив технический вуз, он разрабатывал проекты и строил Дома культуры в нашем городе и по всей стране. Но ему захотелось чего-то более масштабного, яркого, динамичного, и Юрий резко переменял судьбу: получив специальность организатора театральных проектов. И стал Директором театра.

Приятно было слышать, с каким уважением и теплотой он говорил о тех коллективах, где работал: театр им Комиссаржевской, театр им Ленинского комсомола, а полтора года он состоял в должности и.о. директора Мариинского театра и одновременно оставался директором театра Музкомедии. Этот период «совмещения» даже представить трудно по объему работы, её сложности и уровню ответственности. Не будучи театральным человеком, почти невозможно реально представить себе все заботы и хлопоты, связанные с постановкой нового спектакля. Декорации, костюмы, доставание средств на весь этот праздник, которым нужно порадовать зрителя... Лишь малую толику забот Генерального директора можно успеть перечислить за вечер.

К своему юбилею, 90-летию, театр пришел с разнообразным, богатым репертуаром, включающим и классику оперетты и современные мюзиклы. В юбилейном 2019 году, например, зрители приветствовали премьеры: «Веселую вдову» и «Бал воров».

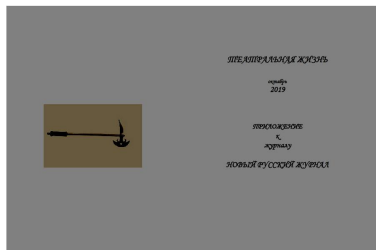
Поразил меня рассказ Ю. А. Шварцкопфа о лицензиях: оказывается, на спектакли, «позаимствованные» у других театральных коллективов (например, зарубежных), покупается лицензия и никаких отклонений от сценария, костюмов, оформления и т.д. быть не должно. Выход один – брать в репертуар отечественные спектакли. Но сценарии замечательных советских оперетт устарели... И театр приступил к почти фантастическим действиям, он начал создавать собственные спектакли. Юрий Алексеевич искал композиторов, искал или заказывал сценарии, и как по волшебству, они появлялись! Восхитил его рассказ об авторе сценария по мотивам романа Андрея Белого «Петербург», Константине Рубинском, который пришел в

театр просто с идеей спектакля! Без сценария. Сочинение либретто происходило, что называется, «на коленке», на ходу. Замечательный композитор Георгий Фиртич и удивительный режиссер Геннадий Тростянецкий – люди, известные своей неординарностью, поддержали идею и приступили к работе Их сотворчество завершилось созданием спектакля, высоко оцененного театральной общественностью и публикой, получившего премию «Золотой софит» в 2015 году. Генеральный директор заслуженно гордится этим спектаклем. Только человек, глубоко чувствующий искусство, как Ю.А. Шварцкопф, может сказать, что такой спектакль, даже в случае его «бездоходности», обязательно останется в репертуаре как визитная карточка самого петербургского, «блокадного», театра. (Кстати, напоминаем тем, кто мог забыть эту важную историческую особенность Театра Музкомедии: он, единственный из театров, продолжал работать все блокадные годы, ставя спектакли на сцене Александринского театра, а также организуя выездные бригады на фронт).

У театра Музкомедии и его Генерального директора есть и другие предметы для гордости: музыкальные спектакли в Гатчинском парке, а главное – труппа театра и её солисты. Истинным украшением вечера в Доме журналиста послужило выступление ведущей солистки театра Музыкальной комедии Натальи Савченко. Она, конечно, пела Марицу и несколько других арий, показав присущие ей истинный артистизм и музыкальность.

Жаль было, что вечер с заслуженным деятелем искусств России Юрием Алексеевичем Шварцкопфом все же подошел и к концу. Хотелось слушать и слушать рассказы о самоотверженной работе директора и коллектива театра. Но грусть от расставания умеряется сознанием, что есть Люди, посвятившие жизнь служению искусству, считающие за счастье реализовать свой огромный организаторский талант, талант государственного масштаба, на незаметном для публики, но самом трудном и необходимом посту: посту Генерального Директора Театра!

И в заключение с удовольствием замечу, что и коллективы журналов «На Русских просторах» и «Новый русский журнал» внесли свою скромную лепту в популяризацию деятельности Петербургских театров. В прошедшем году вышло несколько статей наших авторов, посвященных разнообразным спектаклям, а к встрече с Директором нам удалось подготовить буклет с

театральными статьями из указанных журналов (в частности, в нем была статья о спектакле в Гатчинском парке, который состоялся под проливным дождем), и этот буклет мы с радостью преподнесли и юбиляру и Наталье Савченко (тем более что зрители доказали свою любовь к искусству, ни один из них не сбежал

со спектакля, не смотря на дождь!)

ОБРЕТЕНИЕ РАДОСТИ

-1-

Музыку я не воспринимаю как жизнерадостную или печальную, я ее переживаю, как жизнь и мир в целом – как чувство Трагедии Бытия.

Нет, я не размышляю о трагичности бытия, о жизни и смерти, о добре и зле – в музыке все сосуществует со всем, ничто не разделено, я только испытываю невыразимую грусть, когда звучит прекрасная музыка, я словно бы возвращаюсь из частных бытия в целостное переживание обреченности и трагичности существования – но, как ни странно, при этом я словно бы теряю страх и боль повседневной жизни, я словно бы освобождаюсь от времени жизни и погружаюсь в величие вечности, в его грустную и трагическую сладость.

Но я испытываю и восторг, и радость совершенства, даже удовольствие – как привносимые мелодии второго плана.

Радостный восторг я испытываю в ощущении любви, встречаясь с красивой женщиной, даже мимоходом, только взглядом: в метро, на улице, в театре, в кино. Это восторг эстетический, радость созерцания красоты, я смотрю на красивую женщину и счастлив, что красота существует, что я ее вижу, что я еще жив и способен видеть и чувствовать и еще увижу прекрасное не один раз. Но если я влюбляюсь – с первого взгляда, или постепенно, иногда безотчетно, то в молодости я слышал музыку, она начинала во мне звучать, чаще всего музыка Вагнера, а иногда чей-то голос, обычно голос Шаляпина, неважно, в какой арии или романсе, иногда голос Дмитрия Алексеевича Смирнова, сцену объяснения Самозванца с Мариной Мнишек, или из Лоэнгрина... На третьем курсе я был влюблен с первого взгляда, она прошла мимо меня в вестибюле Матмеха и пошла на второй этаж, я проводил ее взглядом и остался, чтобы ее дожидаться. Наконец она появилась и подошла ко мне. Ей было девятнадцать лет, но она одета была во все черное, только разных оттенков, на голове была черная шляпка, на ногах черные ботиночки, черное пальто, на шее черный шарф и черные перчатки, разумеется, и юбка была черной тоже. Но так как черный цвет имел оттенки от самого нежного, блестящего, до матового, то не было ощущения монотонности.

«Я вас жду! – сказал я ей.»

«Но я замужем! – возразила она.»

И именно в это мгновение в моих ушах зазвучала трагическая музыка Вагнера, увертюра к опере Риенци. Я тогда был увлечен Вагнером и, вероятно, слушал только его. Может быть, иногда слушал Реквием Моцарта.

«Если вы скажете, когда придете сюда в следующий раз, я могу подождать вас на улице, и вы пройдете мимо меня, мне этого достаточно, можно ничего и не говорить, просто взглянуть и пройти мимо».

Мы замолчали, слушая музыку.

«Вы, кажется, учитесь на третьем курсе? – спросила она.»

«Да, на третьем.»

«Тогда мы могли бы встречаться, если бы вы согласились помочь мне подготовиться к экзамену по МатАнализу, я учусь на втором курсе».

На следующий день мы встретились и сели за скамью в одной из аудиторий, я достал учебник и стал ей читать страницу и комментировать.

– Вам понятно? – спросил я ее.

– Нет! – ответила она. – А вы что-нибудь понимаете?

– Тоже ничего! – ответил я ей шопотом.

Тогда она наклонилась ко мне, обвила за шею руками, притянула к себе и страстно поцеловала, и мы целовались, пока не задохнулись: вероятно, мы оба не дышали.

-2-

В романе автор пишет и о себе тоже, но в мемуарах он пишет о себе не меньше, чем о том, с кем встречался и разговаривал. Точно так же невольно или намеренно пишешь о себе и в статье об искусстве и в театральной рецензии. Во-первых, без этого и не обойтись, мы передаем читателю собственные впечатления об артисте, но приходится характеризовать и артиста и самого себя, чтобы понятнее были мнения и впечатления об его игре или пении. Так как я не профессиональный рецензент, не театральный критик и даже не журналист, то не могу подвергнуть анализу игру артиста (так же как и литературное произведение писателя), пишу только о том, что я переживал, что мне нравилось и не нравилось.

Вот почему и сегодня я буду писать преимущественно о себе.

Музыка – моя любовь, даже в большей степени, чем литература. Литературу я отчасти знаю, прочитал немало книг, даже их редактировал в течение нескольких лет, давал советы авторам, что и как им писать, молодым и даже тем, кто старше меня, мною двигали отчасти знания, отчасти умение, отчасти вкус и талант. Говоря о музыке, я полагаюсь только на вкус и любовь. Впрочем, возможно, во мне есть еще один источник, позволяющий музыку слышать и о ней размышлять и даже о ней говорить, однажды с выпускницей консерватории после ее концерта, на котором она исполняла прелюдии Шостаковича, мы стояли в вестибюле и разговаривали о Шостаковиче (или о музыке?) больше часу, и она слушала меня с восторгом.

Однако сегодня я пишу не о спектакле, не о музыке и пении, а о встрече и знакомстве с певицей, солисткой Мариинского театра, лауреатом международных конкурсов. Встреча состоялась в рамках проекта "Культурная столица". Ей 29 лет, я ее раньше не слышал (не так часто, оказывается, я хожу в оперу), встреча состоялась в Музыкальном зале Дома журналистов на Невском на 3-м этаже. Зал этот небольшой, уютный, при входе у меня спросили билет, его у меня не было, но я сказал, кто меня пригласил, и меня радостно пригласили пройти. Мне это понравилось и я уже словно бы услышал звуки настройки инструментов. В зале я сел на последний ряд вверху около осветителя, рядом никого не было, и я смотрел на зал и на публику, но вскоре вошла певица с женщиной, вероятно, журналисткой, которая и вела этот вечер, задавая вопросы певице.

С самого начала разговор принял домашний характер, словно это был квартирный концерт, Ольга себя назвала, сказала, что только на днях вернулась из Далласа, где пела в опере Моцарта «Волшебная флейта».

Далласская опера богатая, современная, хорошо оборудованная и большая, на три с половиной тысячи мест. На вопрос о публике она ответила, что публика ей понравилась, она почти такая же, как у нас, простая и доброжелательная, и принимали ее очень хорошо. Оказывается, она гастролирует уже несколько лет, в Мариинке поет с 2017 года, два-три раза в месяц, за месяц до начала сезона представляет в администрацию театра план гастролей и для нее составляют расписание спектаклей, в которых она будет петь. Гастроли ее организует шотландская фирма, она замужем и муж помогает ей в гастролях как ассистент. У них двое детей, сыну три года и дочери год и семь месяцев, сына она учит игре на фортепьяно и завлекает его в обучение тем, что если он будет хорошо играть, то будет нравиться девочкам.

Она родилась 23 марта 1982 г., окончила С-Петербургскую государственную консерваторию им. Н.А. Римского-Корсакова в 2006 году, с 2001 года также обучалась в Академии молодых оперных певцов Мариинского театра.

В Мариинке она исполняет партии Людмилы («Руслан и Людмила» М. Глинки), Снегурочки («Снегурочка» Н. Римского-Корсакова), Шамаханской царицы («Золотой петушок» Н. Римского-Корсакова), Царевны Лебедь («Сказка о царе Салтане» Н. Римского-Корсакова), Соловья («Соловей» И. Стравинского), Царицы ночи («Волшебная флейта» В.А. Моцарта. Поет также в Венской, Парижской и Берлинской операх.

Сначала певица рассказала нам о начале своей карьеры, оказывается, певицей она стать не хотела, ее прельщала карьера врача, преподавательница пения вместе с директрисой Академии молодых певцов чуть не на коленях умоляла хотя бы прийти на одно занятие и послушать, как оно проходит. Девочка согласилась, просидела в зале два часа и в ее жизни произошел переворот, она поняла, что она хочет быть только певицей.

Она победитель многих конкурсов, и в частности Лауреат специальной премии «За лучшее исполнение французского романса» Международного конкурса Елены Образцовой (Москва, 2006).

Это важно отметить, так как именно Елена Васильевна Образцова является кумиром Ольги и образцом для подражания.

Затем для публики поставили несколько записей певицы, в частности она исполнила арию Графини де Фольвиль в опере Дж. Россини «Путешествие в Реймс». В этой партии артистка дебютировала на сцене Мариинского театра в 2006..

Послужной список певицы впечатляющ.

Она исполняла партии Розины («Севильский цирюльник» Дж. Россини), Адины («Любовный напиток» Г. Доницетти), в операх Верди партии Джильды («Риголетто»), Оскара («Бал-маскарад»), Наннетты («Фальстаф»), партию Олимпии в «Сказках Гофмана» Ж. Оффенбаха, Цербинетты («Ариадна на Наксосе» Р. Штрауса) и Титании («Сон в летнюю ночь» Б. Бриттена).

Участвовала в концертных исполнениях опер «Сомнамбула» В. Беллини (Амина), «Золушка» Ж. Массне (Фея), «Искатели жемчуга» Ж. Бизе (Лейла), «Дочь полка» Г. Доницетти (Мари) и оперетты «Кандид» Л. Бернштейна (Кунигунда). В 2013 г. состоялся дебют в Венской государственной опере, в партии Царицы ночи, которую Ольга спела на премьере.

После того, как мы прослушали несколько записей (которые демонстрируются крайне редко и для нас было сделано исключение), певица запела для публики живую, исполнив Рахманинова «Не пой красавица при мне», Алябьева «Соловей» и, по горячей просьбе зала, «Царицу ночи» из «Волшебной флейты» Моцарта.

Я закрыл глаза. У меня в деревне в мае и июне поет соловей около дома, почти у крыльца, иногда я стою у березы, на которой располагается его сцена, и внимательно его слушаю, он на меня смотрит тоже, возможно, именно для меня он иногда и поет. Когда пела Ольга, я тоже верил, что она поет только для меня, но временами не отличал ее голос от голоса инструмента, они сливались. В «Царице ночи» она пела на немецком языке, состязаясь уже не с соловьем, а с великой Галли Курчи. Я ей об этом сказал, и она не возразила.

Не буду утомлять читателей описаниями артистической карьеры певицы, она представлена в Интернете очень тепло и подробно, но только скажу, что мы, присутствующие в зале, готовы были плакать при ее пении, оно было восхитительно, ее колоратурное сопрано было воистину волшебным – и это не дежурный комплимент журналиста, а живой возглас человека, который сам готов был стать рабом прекрасной «Царицы ночи».

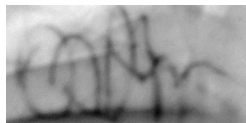
После концерта публика подходила к артистке, чтобы сказать ей несколько слов благодарности, подошел и я, подарил ей только что напечатанную брошюру «Театральная жизнь» и попросил разрешения написать о ней для Нового русского журнала. Выдающаяся певица внешне походила на скромную девочку-студентку (или школьницу), держалась просто и мило, словно это не она год за годом завоевывала самые знаменитые сцены великих театров мира. «Бывают ли у вас трудности в исполнении партий» – спросили ее. «Нет, никогда! – радостно ответила певица. – *Бельканто это собиране жемчужного ожерелья, и для тех, кто любит жемчуг, оно не представляет затруднений*».

Что самое главное в жизни? – спросили ее еще. – Семья! – ответила она не задумываясь. – И я надеюсь, что у нас с мужем появится еще один ребенок.

Не преминула певица назвать и своих партнеров по сцене, в частности Владислава Сулимского (баритон) и Алексея Татаринцева (тенор).

На прощанье и я попросил у нее автограф.

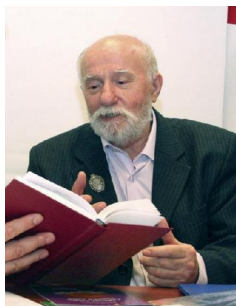
Брошюру я ей подарил, билета у меня не было, и прекрасная певица расписалась у меня на ладони. *Или не только трагедия представляет нам вечность, но и блаженство радости?!*

АНАТОЛИЙ МОЗЖУХИН

*Творить и
помнить добро
ТРЕМ РАССКАЗА*

Урок Аджубея

Божественная музыка души

Мстислав Ростропович
и Исаак Стерн.

Любовь – это святое.

Вадим Козин.

Творить и помнить добро

Урок Аджубея

Если все хорошее и плохое, что было в нашей жизни, отделить друг от друга и плохое взять и выбросить, то останется только хорошее и жизнь получится счастливой. Так, конечно, сделать нельзя, но *попробуйте выбросить плохое не из жизни, а из памяти.*

Люди, помнящие сделанное им зло, всегда несчастны. Злопамятность надо в себе полностью искоренить. Мстительность тоже. Никогда никому не мстите. Истинно великие прощают слабости и несовершенства «меньших» братьев своих.

В одной из многочисленных командировок на предприятия, где внедрялись разработанные мною машины, я встретился в 1975 г. с человеком, представившимся мне как Константин Аристархов, журналист, бывший корреспондент газеты «Комсомольская правда», автор нескольких книг по материалам зарубежных встреч и путешествий. Он рассказал мне следующую историю о знаменитых в те дни красавице актрисе Ирине Скобцовой и выдающемся журналисте и издателе, бывшем главном редакторе центральных общесоюзных газет «Комсомольская правда» и «Известия» Алексее Аджубее. В студенческие годы Аджубей и Скобцева встречались и казались настолько гармоничной парой, что все считали их женихом и невестой. Но Аджубей женился на Раде Хрущевой, которая не считалась красавицей, но была дочерью Никиты Сергеевича Хрущева – главы государства. И хотя Рада и была славной и умной женщиной, Аджубею не удалось избежать подозрений, что он не жену выбирал, а тестя. До Аджубея доходили подобные разговоры, но он относился к ним снисходительно и отвечал с улыбкой: «Если бы я женился на писаной красавице Ирине, то стал бы для всех только «мужем Скобцовой», а так я буду Аджубеем». И он оказался прав. Его таланты журналиста и редактора были очевидны. Редактируемые им газеты были самыми лучшими и самыми читаемыми в стране.

Должность главного редактора центральных газет в советском государстве была номенклатурной и давала огромные политические возможности и власть над должностными лицами любых ведомств и предприятий. Критика прессы могла уничтожить любого. Еще больше зависели от него люди, непосредственно работающие в газете. Их судьба целиком зависела от того, что им доверяют и поручат. Он – Главный редактор – решал, кого пошлют в деревню месить грязь сапогами, передавая вести с полей, а кого работать собственным корреспондентом за границу, где и деньги не те и жизнь совсем другая.

Но однажды на каком-то веселье один из корреспондентов, назовем его Вадим, напился до потери чувства страха и в присутствии Аджубея в оскорбительной форме начал развивать мысль, что не будь тот зятем Хрущева, не был бы он Главным вовек. Те, кто еще сохранял способность

мыслить, оцепенели и подумали, как бы им незаметно исчезнуть, чтобы Аджубей не увидел, что они были свидетелями этого унижительного для него инцидента. Вадима все сразу посчитали живым трупом. Аджубей, как бы отвлекшись с кем-то, без комментариев покинул вечеринку. На следующий рабочий день все боялись не то что подойти к Вадиму, а даже смотреть на него. Сам Вадим, осознавший содеянное, одиноко сидел бледный и ждал заслуженного увольнения. Он знал, что после этого его не примут на работу даже ни в одну заводскую многотиражку. Журналистом ему уже не работать.

И тут, как гром с хмурого неба, раздался вызов Вадима к главному редактору. На заплетающихся ногах побрел он на свою Голгофу. В обычно шумной редакции царил мертвая тишина.

Открыв дверь кабинета, Вадим, как сквозь туман, увидел поднимающегося ему навстречу Аджубея. С виноватой улыбкой тот подошел к нему, крепко пожал руку, говоря:

— Слушай, Вадим, я вчера так напился, что не помню, что я там тебе наговорил, но ты извини меня, если я тебя чем-то обидел.

Обалделый Вадим, приходя в себя из полубомбочного состояния, глядя в пол, с трудом выдал:

— Нет, это ты извини меня... не знаю, что на меня нашло... я понес... этот бред, я так не думаю... не помню как...

Аджубей его перебил:

— Не понимаю о чем ты, но ты же знаешь, как я к тебе отношусь, поэтому, если ты на меня не обижаешься, то я очень рад и давай приступим к делу.

Пришедший, наконец, в себя Вадим уже глядя в лицо Аджубею, тихо сказал:

— Прости меня, я идиот.

И Аджубей, глядя на него и добродушно улыбаясь, шутя ответил:

— Я знаю, но сейчас давай прервем объяснения в любви, так как нам предстоит интересная работа.

Дав Вадиму вполне престижное задание, Аджубей вышел вместе с ним из кабинета, обнимая за плечо и продолжая на ходу уточнять детали на виду у всех сотрудников.

И все! На том и кончилось!

Как повлияло это на престиж Аджубея, легко представить. Случай этот быстро стал известен и личный авторитет Аджубея отодвинул на второй план его родственные связи. А что бы было, поступи он, как ожидали от него сотрудники?

Любое зло, сделанное вам по злобе или глупости, прощайте и забывайте сразу. Объявите всем о своих принципах: всех любить, не обижаться, не помнить зла и не мстить никому, никогда и ни за что. Объявите всем, что вы прощаете всех наперед за любые гадости или подлости, которые они захотят

сделать вам. Ведь у вас тоже может ума не хватить поступить наилучшим образом, вы тоже можете сказать или сделать глупость, обидную для кого-то. В этом случае постеснитесь сказать невольно обиженному вами человеку: «Прости меня, пожалуйста, я не хотел тебя обидеть, просто ума не хватило, прости, если можешь, ты же знаешь, как я тебя люблю». И виновато улыбнитесь.

И получите тут же прощение.

Сознательно гадости делают людям, обычно, рассчитывая на их болезненную реакцию. При вашем объявленном всепрощении и мгновенном забывании всего плохого делать вам зло просто бессмысленно, так как страдать вы не будете, а это лишает злоумышленников всякого удовольствия.

Научите себя все плохое сразу забывать, не концентрируя на нем внимание. Вас ограбили? Это большое горе! Сделать уже ничего нельзя? Тогда все, р-р-раз и забыто! Все, не вспоминать больше никогда! *А все хорошее старайтесь запомнить, впитать в себя, раз за разом вспоминая с упоением каждую минуту счастья.* Плохое настроение, хандру, головную боль «лечите» воспоминаниями картин природы, моря, леса, облаков, костра, компании, любви...

Любовь – это святое чувство.

Все успехи в жизни, особенно связанные с преодолением тяжелых препятствий, запоминайте как победы с ликованием души на всю жизнь. Вспоминайте хорошее почаще и счастье вам гарантировано.

Божественная музыка души

Мстислав Ростропович и Исаак Штерн.

Я их слушал в Киеве, но не мог предположить такое.

Я бывал на концертах Мстислава Ростроповича еще как советского виолончелиста. Слушал и других выдающихся наших пианистов и скрипачей, но скачек в моём восприятии классики произошел в мае 1956 года на единственном концерте в Киеве Исаака Штерна (США). Тогда на афишах филармонии его именовали как Исаак Штерн. И именно так я его запомнил на многие годы пока не увидел, что он все-таки Исаак Штерн, а также Айзек Штерн. Аналогичные ляпы бывали и позже, например, Вен Кляйберн в СССР именовался как Ван Клиберн.

Сейчас, когда я вспоминаю тот концерт Штерна, я ощущаю необъяснимый трепет, как будто не прошло с тех пор 60 лет. Это было настоящее потрясение, от которого я дрожу и сейчас, заново переживая открывшиеся мне тогда новые ощущения.

В автобиографической книге Исаака Штерна есть фотография, которая запечатлела музыканта на площади перед зданием филармонии. В этой толпе я тоже был, и без труда разглядел там себя. Близко мне подойти не удалось, да я и не считал себя вправе.

Так выглядела Киевская филармония в 1956 с трамвайной остановкой и каскадным фонтаном

Стерн был первым американским музыкантом, приехавшим в Союз после Второй мировой войны. В своем последнем интервью незадолго до смерти на вопрос, что ему больше всего запомнилось, он ответил: «Люди, которые впитывали музыку всеми своими порами. Было удивительно видеть, как они реагировали на исполнение, как у них загорались глаза. Казалось, что для этих людей музыка была так же важна, как вода и воздух, так они слушали, затаив дыхание». Это на 100 % относится и ко мне.

Таким он был тогда в 1956 году.

Игра Стерна отличалась от виденного и слышанного мною ранее эмоциональным проникновением и полным переворотом чувств. Он не играл произведения, записанные композиторами в нотах, он жил в этой музыке своим пониманием её и передавал то, что он ощущал, нам, а мы невольно поддавались и проникались его гениальным прочтением того, что раньше слышали иначе, приземленнее. Он заставлял нас взлететь на новую вершину чувств, на которой мы еще не бывали. Это была новая для нас музыка, в которой мы тоже жили вместе с ним, благодарные за это открытие новых для нас ощущений. Ощущений потрясения.

Не только я был в таком состоянии. В перерыве я слышал разговор взрослых компетентных в музыке людей, которые говорили, что это его фантастическое исполнение объясняется тем, что он получил перед концертом сообщение из Америки о рождении у него сына, поэтому такое вдохновение. Позже я узнал, что это не так, что сын у него родился через три года, а жить в музыке был его принцип, которому он учил и студентов Давида Ойстраха, когда тот пригласил его в свой класс показать своих учеников.

Чем отличалось исполнение Стерна от других великих скрипачей? Что заставляло залы с присутствием профессиональных музыкантов принимать его с необычным восторгом? Об этом много написано. Отмечалось и фантастическое владение скрипкой, и одухотворенность тонкой интерпретации, то погружающей в глубину настроения, то возносящей за пределы осознания происходящего. Стерн завораживал публику, вовлекая слушателей в сопереживание с ним исполняемого сочинения. Он показывал своё понимание известных произведений. И это было для многих невероятным событием. Вне зависимости от уровня знания музыки все испытывали восторженное удовольствие.

С того концерта и я вынес на всю жизнь трепетную любовь к «Интродукции и Рондо Каприччиозо» Сен-Санса и «Цыганским напевам» Сарасате. И еще к воистину Божественному голосу скрипки.

Великие шутят по-своему.

Мстислав Ростропович и его жена Галина Вишневская были лишены советского гражданства в 1978 году во время несанкционированного пребывания в Париже. До этого на них «был зуб» за то, что приютили у себя в Союзе Солженицына. Вернул им гражданство Ельцин в 1990.

В то время Ростропович жил в Вашингтоне и работал главным дирижером Вашингтонского оркестра. Естественной была и дружба Ростроповича с такими музыкантами как Исаак Стерн и флейтист Жан-Пьер Рампаль. Они играли друг у друга на юбилеях, в том числе на 60-летию Ростроповича в Кеннеди-центре в 1987 году.

В 90-м 70 лет исполнялось Айзеку Стерну и Мстислав Леопольдович, получив приглашение, задумал...

Юбилей Стерна отмечали в Сан-Франциско на родине Стерна, куда должен был приехать Ростропович. Но он настойчиво приказал организаторам торжества скрыть то, что он будет на юбилее, и не включать в программу, объявив, что занят. Приехав тайно, он поселился в отдаленной гостинице, вызвал из местного оперного театра портных и заставил сшить на него балетную «пачку» лебеда, блузку, трико и тапочки-пуанты 43-го размера. На голову ему привезли диадему.

Приехав заранее до начала торжества, он по сговору с организаторами в тайной комнате, где уже ждали его гримеры, переоделся, загримировался, и пошел в женскую уборную проверить, что он неузнаваем. Убедился, что даже 43-й размер тапочек не заметили.

Дальше было невероятное. По сценарию сам великий актер Грегори Пек должен был читать новый текст «Карнавала животных» Сен-Санса, измененный под Стерна, где говорилось, что он встретил женщину, похожую на лебедя, и влюбился. И она стала его женой Верой Стерн. А Ростропович должен был играть «Умиряющего лебедя» Сен-Санса на виолончели. Для этого подговорили виолончелиста упасть в обморок, схватившись за живот, его забрали сразу три доктора. Оркестр ничего не знал, только пианист должен был играть без остановки вступительные аккорды. А Ростропович выплыл на сцену в пачке на пуантах спиной к публике, помахивая плавно руками, воображая себя Майей Плисецкой. Проплыв так через всю сцену туда и обратно, он сел за виолончель и заиграл. При этом он вдруг остановился и пошел к ящику с канифолью, в котором только что «канифолил» пуанты, и наканифолил смычок, сдув с него пыль. Тут только начался хохот. Вернувшись к виолончели, Ростропович сыграл «Умиряющего лебедя» до конца.

Оркестранты подумали вначале, что это какая-то престарелая балерина, подружка Айзека, пришла поздравить его таким образом.

Позже Ростропович написал: «...должен сказать, я редко имел такую овацию, какую получил в тот вечер. Но Айзек на меня обиделся. Почему? Вера Стерн мне сказала, что он так хохотал, что... обмочился. Это, во-первых. А во-вторых, на следующий день в «Нью-Йорк Таймс» и других газетах не было портретов Айзека, а были только мои фотографии. Словом, получилось так, что я у него нечаянно отнял популярность. Конечно, ему было обидно: 70 лет исполнилось ему, а повсюду я в образе «Умиряющего лебедя».

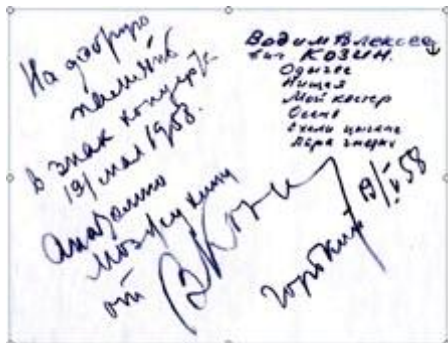

Метислав Ростропович в образе лебедя.

Это было 26 лет тому назад. Их уже нет. Но их и их Божественную музыку будут помнить многие. Как помню их я. Добрая память – это самое великое чудо света.

Любовь – это святое. Вадим Козин.

Мистика какая-то. 19 мая 1958 года я впервые встретился с Вадимом Алексеевичем Козиным – легендой моего детства. И вот документ, подтверждающий это. Ему было тогда 55 лет от роду.

Мне тогда только исполнилось 20. Я был студентом и выглядел в велюровой шляпе, купленной на деньги, заработанные на целине, вот так.

Мне трудно справиться с волнением, вспоминая сейчас, что значила песня для людей, переживших войну, лелеявших в голодных и трудных буднях чудом сохранившиеся довоенные грампластинки. Их было очень мало, как и патефонов – этой роскоши всех вечеринок по поводу дней рождения или возвращения фронтовиков. Поэтому песни Петра Лещенко, Изабеллы Юрьевой, Вадима Козина, Лидии Руслановой и немногих других были неотъемлемой частью счастливых минут миллионов нашего многострадального народа.

У моей мамы невольно наворачивались слезы, когда она вспоминала о том, что ей повезло сидеть за одним столом с Изабеллой Юрьевой в санатории «Ливадия», куда ее направили на отдых и лечение после войны. Она рассказала певице, что ее песня «Саша, ты помнишь наши встречи в приморском парке на берегу» была первой песней, которую запел я еще до войны. Мама, по простоте душевной, проговорила, что эту песню я всегда пел даже сидя на горшке. Сказала, и испугалась. Но это было именно так. Почему – не знаю. И в семейных воспоминаниях считали, что это была моя первая и любимая песня. Сказав это, мама тут же спохватилась, сообразив, что певица может обидеться. И действительно, Изабелла на какой-то миг тоже растерялась, не зная, как к этому отнестись, но увидев мамино смятение тут же заулыбалась, положила ей руку на плечо и сказала, что это самое высокое её признание, и вряд ли кто-то из певцов может похвастаться подобным. И еще, продолжая улыбаться, деликатно поспешила заверить её, что это самая высокая оценка её творчества, и она счастлива, ибо даже не представляет, как можно выше выразить и ощутить народную любовь, что это высочайшее свидетельство её популярности.

Мама с облегчением воспрянула духом и пожаловалась, что в войну пропали её пластинки, а сейчас их купить практически невозможно. И каково же было удивление мамы, когда через несколько дней Изабелла подарила ей грампластинку «Саша» для меня на память. Это был воистину царский подарок. С тех пор в нашей семье стали появляться пластинки довоенных эстрадных кумиров. Их песни пели на всех праздниках, на всех застольях.

Помню, с каким упоением пели песни Петра Лещенко, например, «Прощаюсь нынче с вами я, цыгане, и к новой жизни ухожу от вас» – каждый понимал «новую жизнь» исходя из собственного жизненного опыта, каждый видел ее по-своему. А как лихо пели его «Чубчик»!

Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый,
Развевайся, чубчик, по ветру...

Там были и такие неожиданные для советских людей слова:

А мне бе-бе-бедно-бедному мальчонке
Эх, цепями ручки и ножки закуют.
Но я Сибири, Сибири не страшуся,
Сибирь ведь тоже русская земля...

Пели громко, пели все, каждый воспринимая текст по своему, у многих в Сибири были родственники.

Но главным в большинстве песен была любовь, «вино любви».

О любви были и многие песни Козина, но не только. Он пел и о трагедии человеческих жизней. «Нищая» – о старушке «У входа в храм одна в лохмотьях старушка нищая стоит... Когда она на сцене пела Париж в восторге был от ней, Она соперниц не имела, Подайте ж милостыню ей». И как в басне мораль:

Какими пышными словами
Кадил ей круг её гостей.
При счастье все дружатся с нами,
При горе нету тех друзей.

А «Пара гнедых»:

Были когда-то и вы рысаками
И кучеров вы имели лихих,
Ваша хозяйка состарилась с вами,
Пара гнедых! Пара гнедых!

Кто ж провожает ее на кладбище?
Нет у нее ни друзей, ни родных...
Несколько только оборванных нищих,
Да Пара гнедых, Пара гнедых!

До такого трагедийного уровня, насколько я помню, не поднимался тогда ни один певец. Почему – я понял только сейчас, когда прочел все опубликованное о его жизни.

Конечно, это дисгармонировало с оптимизмом государственной пропаганды строительства социализма.

Даже в абсолютно положительной характеристике, выданной артисту

театра им. Горького ВАДИМУ АЛЕКСЕЕВИЧУ КОЗИНУ (по запросу «органов» при втором аресте) в том, что он проработал в театре с 26 февраля 1955 года по 8 октября 1959 года, и спасал весь их бюджет, было написано: «Можно принимать или не принимать этот жанр, не имеющий с нашей точки зрения большого идейно-воспитательного значения, но следует отдать должное, что В. А. КОЗИН в профессиональном отношении в найденном им жанре добился значительного мастерства и имел популярность у слушателей, его песенки широко записывались на пластинки и имели большое распространение».

Это высшая оценка, которую мог дать театр арестованному артисту.

А тогда, после войны пластинки этих довоенных кумиров не тиражировали, а были они хрупкими и легко бились. Появились на черном рынке записи на рентгеновских пленках с черепами и ребрами. Я тоже их покупал. Но уже заполняли рынок массовые тиражи грампластинок Леонида Утесова и Клавдии Шульженко, постепенно вытесняя неподдерживаемых властью представителей декаданса не только из обихода, но и из памяти людей. Забывчивость – сестра многих. Я тоже стал забывать.

Каково же было мое удивление, когда я увидел в г. Горьком (Нижний Новгород) афишу с анонсом концерта Вадима Козина! Конечно, я не мог упустить этот шанс.

Впервые после войны в 1958 г. Вадим Козин, который по слухам сидел на Колыме, получил возможность после освобождения (в 1955 году) выступить в европейской части СССР. С естественным волнением я ожидал появления на сцене человека, которого никогда не видел даже на фотографиях. И вот под робкие аплодисменты на сцене появился человек, которого я мысленно охарактеризовал как «гладкого и прилизанного». Лысина переходила плавно в прижатые к голове как будто набриолиненные волосы. Сразу было видно, что артист следил за своей внешностью.

Но как только он запел...

Вы можете не поверить, но и сейчас, вспоминая этот миг, у меня по всему телу пробегают мурашки. Голос был необыкновенный, чистый тенор звучал лучше, чем на пластинках, заезженных и скрипучих. Я испытал необычайное волнение, хотя до этого слышал многих выдающихся певцов в нашей Киевской филармонии. Это было новое ощущение, удивившее меня.

Спел несколько песен, он спросил: «Ну что вам спеть?»

Я думал зал взорвется криками..., но в ответ стояла гробовая тишина, поразившая меня. Зал молчал, видимо уже не помня его песен, пауза затягивалась. Мне стало стыдно за зал, и тут я, сложив ладони рупором, заорал «Нищая!». Козин улыбнулся сдержанной улыбкой и запел:

Зима, метель и в крупных хлопьях
 При сильном ветре снег валит,
 У входа в храм одна в лохмотьях
 Старушка нищая стоит.
 И подаяня ожидая,
 Она всё тут с клюкой своей.
 И летом, и зимой босая,
 Подайте ж милостыню ей.
 О, дайте милостыню ей.

В течение концерта он еще несколько раз обращался к залу «Что вам спеть?» Я, уже не надеясь на зал, один выкрикивал на его повторяющиеся вопросы то «Пара гнедых», то «Одыгес», то «Мой костер», то «Осень».

После концерта я не без робости пошел в артистическую уборную и застал его в одиночестве переключившим какие-то вещи. Увидев меня, он искренне, как мне показалось, обрадовался. Я представился, сказал, что зашел поблагодарить его за концерт, что после войны у меня оказались чудом уцелевшие грампластинки с его песнями. Он усадил меня за столик, повторил, покачивая головой, «чудом» и сказал, то ли спрашивая, то ли утверждая: «Это Вы выкрикивали в зале названия песен»? Я подтвердил и спросил, где еще он будет гастролировать, будет ли в Киеве?

– Увы, – сказал он, многозначительно улыбаясь, – ни в Москве, ни в Киеве, ни в Ленинграде, свободных залов нет.

Я понял его намек и, смущаясь, сказал, что люди сейчас о нем мало знают, кроме слухов... и смутился.

– Да, с 1944 по 1954 г. я провел на Колыме и в Магадане. Сейчас солист Магаданской филармонии. А какие слухи до вас дошли?

– Стандартные: шпионаж, космополитизм... – с трудом выговорил я.

– Чушь! Это после того, что я был награжден орденом Красной звезды за концерты в войсках во время войны, или за то, что я пел в 43-м году Сталину с Черчиллем в Тегеране «веселья час и боль разлуки хочу делить с тобой всегда».

– Вы были на Тегеранской конференции? – удивился я.

– Нет, в конференции я не участвовал, просто Черчиллю захотелось меня послушать, и он попросил Сталина... А я спел «Давай пожмем друг другу руки и в дальний путь на долгие года». С тех пор не люблю эту песню.

– Я понимаю....

– А я ни-че-го не понимаю – сказал он тихо-тихо с легкой чуть виноватой улыбкой, и так же тихо продолжил:

– Представляете, какова была степень доверия ко мне с учетом всех проверок, что меня возили в Иран к Самому! А менее чем через полгода арестовали.

Я был ошеломлен его откровенностью и доброжелательностью ко мне. Боясь злоупотребить этим, я не решился спросить, за что и по какой статье его судили, и перевел тему, сказав, что он прекрасно выглядит, и я думал, что он старше. Он ответил, что ему 55 лет, и что он надеется еще долго петь, пока на его концерты будут ходить такие как я. Мне опять стало неловко.

С самого начала нашей встречи я обратил внимание на его необычный взгляд. Еще в детстве один мудрый человек сказал мне, что глаза – зеркало души, и посоветовал запоминать глаза и принадлежность их человеку с его индивидуальными качествами. Со временем у меня накопится багаж, и я смогу сразу по глазам определять, что это за человек. Я не забыл это наставление и вскоре убедился в правоте его. Очень часто это помогало мне в общении с незнакомыми людьми, я как будто видел их насквозь с первого взгляда, в котором проявлялся типаж, генотип или фенотип – совокупность внешних и внутренних признаков человека, приобретённых в результате индивидуального развития и жизненного опыта. Глаза Козина были необычными, я таких еще не встречал. В них была какая-то затаенная тоска, какое-то внутреннее напряжение или горе. Я тогда подумал, что это отголосок ссылки. Взгляд раненой птицы, подранок. Но позже я увидел, что этот взгляд был у него еще до войны в 30-х годах. Вот снимок тех лет с этим взглядом.

По-видимому, он всегда чувствовал, что он не такой как все, и звездный успех у публики не компенсировал ему внутреннюю тоску.

В этот момент в открытых дверях показалась звезда Горьковской оперы Заремба и двинулась прямо к Козину. У нас с ней были явно разные весовые категории в прямом и в переносном смысле. По выражению лица Козина я понял, что он ее не знал. Я встал, представил ему приму, и еще раз поблагодарив Козина, попрощался, уступая место столь важной гостье.

Вторая встреча произошла в 1969 или 1970 году в Петропавловске Камчатском, где я бывал в те годы проездом на Командорские острова. На улицах были расклеены афиши о его концерте, и я поинтересовался в гостинице: где он остановился? Козин был большой звездой для администратора гостиницы, а я в походно-экспедиционной одежде не выглядел театралом. Поэтому на правдивый ответ не мог рассчитывать. Но Козин, находившийся рядом за перегородкой, слышал мой вопрос и вышел. С нашей предыдущей встречи прошло 12 лет, и он почти не изменился. Я как мог деликатно объяснил причину моего любопытства. Она заключалась в том, что я не мог попасть на его концерты, объявленные на афишах, так как отплывал с экспедицией на Командоры. И меня интересовало, не окажусь ли я более удачлив при возвращении через два месяца. Увы, Козин развел руками, его планами это не предусмотрено. Он подозрительно разглядывал меня, но не узнал в тридцатилетнем бородаче того юношу с едва пробивавшимися усиками. И я не удержался и напомнил ему Горький 1958 года. И тут он посветлел, подошел, взял за руку и сказал: – «Я вас помню. Вы были первым и единственным молодым человеком, пришедшим ко мне там за кулисы. Я вас вспоминал. Собираюсь в Москву, может быть, там увидимся». С этими словами его у меня забрали и увели.

И я снова почти забыл о нем, пока не появились сообщения о праздновании в Магадане 90-летия Козина при поддержке и участии Иосифа Давидовича Кобзона с открытием Музыкального салона.

Вскоре после этого Козин умер. С тех пор прошло еще 20 лет, и вот к 110-летию со дня рождения Вадима Козина в Магадане благодарные соотечественники и почитатели его таланта установили памятник певцу, где он сидит на лавочке.

Эта заметка мне далась труднее всех. Перечитав все написанное о Козине, я пришел к выводу, что, к сожалению, там много лжи, написанной людьми, которые не поняли его, и по недомыслию поддались на уловки, подsunутые им теми, кто калечил его жизнь. Тщательно проанализировав все материалы, я пришел к выводу, что его посадили в 1944 году за конфликт с НКВД, связанный с гибелью его семьи в блокадном Ленинграде, которую он просил вывезти.

Козин с детства отличался от сверстников не только тем, что писал стихи и музыку, он был эмоциональным и ранимым. А после того, что учительница гимназии принуждала его к половым оргиям, у него возникло острое отвращение к нормальным половым отношениям. Эта психическая травма сделала его закомплексованным в отношении любви на всю жизнь. Но любовь была неотъемлемой частью отношений всех окружавших его людей, среди которых он чувствовал себя любимым. Исполняя со сцены с большим успехом песни о любви, он освобождался от внутреннего гнета, от страха. Любовь слушателей и поклонников возвращала его в нормальное состояние. Но, оставаясь вне публики, он вновь испытывал одиночество, связанное с неспособностью любить той восторженной любовью, о которой пел. Очень многое, включая Автобиографию, написанную якобы им самим в тюрьме по требованию начальника следственного изолятора УКГБ по Магаданской области 24 декабря 1959 г., не выдерживает никакой критики.

А правда о нем отражена в публикациях истинных любителей его таланта и официальном снятии с него всех обвинений и судимостей. Вадим Алексеевич Козин был несомненно выдающимся артистом и народным любимцем, чье творчество на протяжении многих десятилетий дарило людям радость, учило любви и состраданию. Его голос как будто освещал темные стороны нашей жизни, согревал стынущие души, помогал им находить силы жить. Я счастлив, что мне тоже довелось испытать на себе магию его таланта. Нет никакого сомнения, что его песни еще долго будут звучать и учить людей красиво преподносить свои чувства. Это часть сокровищницы мировой культуры.

Наш уголок нам никогда не тесен.
Когда ты в нем, то в нем цветет весна,
Не уходи, еще не спето столько песен,
Еще звенит в гитаре каждая струна.

Татьяна Лестева
«Игра» с классикой Евгении Сафоновой или гимн антикультуре?

Василий АрдаMATский - Сатурн почти не виден
Молодая гвардия 1963

Геннадий Муриков
УДАР ПО КАСАТЕЛЬНОЙ
Виктор Пелевин «Искусство лёгких касаний» М, 2019.

Татьяна Лестева

«Игра» с классикой Евгении Сафоновой или гимн антикультуре?

La noblesse oblige ... В год театра нужно посещать спектакли, особенно премьеры. Чем порадуят зрителей некогда знаковые ленинградские театры со знаменитыми режиссёрами? Театр Ленсовета. После смерти Игоря Владимировича я там не бывала. Афиша: «Пиковая дама. Игра». Премьерный спектакль. О! Это «сюрреалистический триллер по мотивам повести А.С. Пушкина», да ещё с предупреждением зрителю «18+»! Из программки узнаю, что в спектакле заняты пятеро актёров – Александр Новиков, Григорий Чабан, Роман Кочержевский, Фёдор Пшеничный и Всеволод Цурило – и одна актриса – Лидия Шевченко. Роли, которые они будут «играть» (это ведь не классическая «Пиковая дама», а «Пиковая дама. Игра»!) не распределены. Лидия Шевченко будет представлять (последовательно или одновременно?) то в виде старой графини Анны Федотовны, то её бедной воспитанницы Лизы?

Нет, в старую графиню играл заслуженный артист России Александр Новиков в седом парике, завёрнутый в тулуп (отнюдь не шубу из соболей, как в повести А.С. Пушкина), скороговоркой повторяющий минут пять: запрягать, распрягать. Восхитительные меццо-сопрано наших великих актрис Елены Образцовой и Ирины Богачёвой – оперных исполнительниц партий старой графини – режиссёр и художник-постановщик Евгения Сафонова заменяет на баритон А. Новикова! Да к тому же у несчастной графини деменция, она не способна к разговору, а только к бормотанию отдельных слов.

Увы, почитание текста повести Пушкина оказалось непреодолимой преградой для режиссёра-постановщика. Как это в наше время допустить, чтобы слова пушкинской прозы звучали со сцены? Нет достойных для этой высокой чести. Е. Сафонова лишает Лизаньку и Германна слов, они тоненькими голосами издают какой-то птичий писк. Режиссёр считает, что все их переживания и чувства должны выражаться жестами и принимаемыми ими позами.

Декорации во время спектакля не меняются – это две лестницы, ведущие к двери дома графини и стена дома, в окне которого должен появляться силуэт бедной воспитанницы Лизаветы Ивановны. Вот перед этой лестницей героини и демонстрируют свои пластические умения: Германн спиной к зрителям садится на мужской шпагат (аллюзия с коронным шпагатом Анастасии Волочковой?) и всем туловищем, вздымая руки вверх, прижимается к её ступеням. А Лизанька в платье мини с широкой юбочкой и в туфельках на высоких шпильках замирает на нескольких ступенях сразу другой половины лестницы в столь вычурной позе, что её неповторимые изгибы и словами-то не опишешь. Это, надо полагать, творчество специального художника по движению – Сергея Ларионова.

Очаровательна «мамзель» из модной лавки, принесшая Лизавете Ивановне записку от Германа: мужчина с серьгой в ухе в костюме салатного цвета в туфлях на высоченных каблуках, в блестящих перчатках... Всё яркое, светящееся, из люминисцирующих материалов, переливается, сияет... Гимн ЛГБТ, не так ли?

Не могу не отметить «блистательную» сценографию сцены смерти старой графини. Графиня (в спальне она сидела в упомянутом выше тулупе) в ответ на просьбу Германа той же скороговоркой бормочет, что это не правда, а анекдот. Когда же Герман наводит на неё огромный светящийся пистоль, и её сердце не выдерживает, уже мёртвая графиня снимает парик, выползает из тулупа и в мужском костюме спокойно ходит между двумя лестницами в небытие. Ужас! Пушкинская графиня-то тоже, оказывается, принадлежит к ныне столь модному сообществу! Вот он, настоящий триллер! Правда, во время некоторых сцен, которые подразумевались как трагические, в зале раздавался хохот. Не доросла публика до поиска «скрытого смысла», «единственного ключа к объяснению сложных проблем» (К. Эммерсон, 1993 г.)? Или... Думается, что или.

А если к этому добавить ещё музыку некоего Олега Гудачёва, которую с полным основанием можно назвать психоделической, то впечатление от спектакля будет полным.

Ради объективности, нужно отметить и положительную, прямо-таки воспитательную сторону сей шедевральной постановки, её направленность против карточных игр. В течение спектакля несколько раз появляется мужской персонаж (Пушкин? Томский? Чекалинский? Не знаю.) и, как мантру, чётко и громко на литературном русском языке внушает зрителю, что при игре в фараона нужна только удача... Как говорится, спасибо и на этом.

Далеко не всем зрителям хватило терпения досидеть до конца спектакля, многие демонстративно покидали зал, иные громко обменивались впечатлениями. Я выдержала. Спектакль идёт полтора часа без антракта. Правильное решение; к спектаклям без антракта сейчас прибегают во многих театрах в надежде на петербургского зрителя, который постесняется уйти во время спектакля. Актёры вышли на поклонны. Жидкие аплодисменты, единичный вскрик «браво». Евгения Сафонова не появилась.

Позже на сайте театра нахожу информацию о режиссёре-«экспериментаторе», которому доверено ставить пьесы на сцене театра, где некогда взшла звезда Игоря Владимировича. Родилась в Томске, в 2007 г. окончила СПб ГАТИ по мастерской Ю.М. Красовского, работала режиссёром в Александринском театре под руководством Валерия Фокина, участвовала в Режиссёрской лаборатории Линкольн-центра (Нью-Йорк), стажировалась в Берлине. Стало понятно, откуда дуют ветры антикультуры.

Петербуржцы в большинстве своём не приняли такие изыски «по мотивам Пушкина»: после первого показа спектакля в июле 2019 года – перед театром состоялся пикет против пропаганды гомосексуализма под видом мистической повести Александра Сергеевича Пушкина. Пикет имел некоторые последствия: если на афишах первого спектакля стояло 16+, то после летних каникул появилось уже 18+. А это ведь не что иное, как *разрешение на вседозволенность!* Хотелось бы подчеркнуть, что театр имени Ленсовета – это не антреприза, а бюджетный театр. На такие ли «игры» с классикой должны расходоваться деньги налогоплательщиков? Впрочем, главное даже не в деньгах, а в систематическом целенаправленном разрушении русской театральной культуры и фактическом издевательствах над русской классической литературой, во внедрении изменённого сознания в умы наших современников.

Геннадий Муриков
УДАР ПО КАСАТЕЛЬНОЙ
Виктор Пелевин «Искусство лёгких касаний» М, 2019.

Всё-таки, как ни говори, Виктор Пелевин – это, в первую очередь, писатель-сатирик. Его так называемые «постмодернистские выкрутасы», склонность к восточной мистике, увлечение оккультными трактовками исторических событий разного рода, – это, по-моему, на периферии его творчества. В центре – острый и злой анализ существующего положения как внутри нашей страны, так и во всём мире.

Новая книга В. Пелевина называется «Искусство лёгких касаний» (выделено мной – *Г.М.*). Почему «лёгких»? Думаю, что это намёк на искусство символического анализа, когда каждое «касание» открывает нечто большее. Например, пожар в Нотр-Дам – это своего рода символ гибели европейской цивилизации. Кстати, об этом говорила и знаменитая предсказательница Ванга.

В первой части книги описывается судьба четырёх путешественников в загадочные края Кавказа, но это не простые туристы. В книге они представлены как своего рода символ России: «Мы вчетвером – модель России. Новой России» (стр. 15). Эти «туристы» ищут в горах Кавказа не только новых впечатлений, но хотят освободиться от духовного рабства. Мне это напомнило сюжет ранней повести В. Пелевина «Затворник и Шестипалый». Герои обоих произведений улетают в неизвестность, в далёкие потусторонние миры. Куда и в какие, нам остаётся неизвестным. Мистический проводник упомянутых туристов, в книге он носит имя Иакинф или Жорес (это вовсе не имя французского революционера, а некий таинственный ник), ведёт путешественников по неведомым тропам Кавказа. Но путь их отнюдь не прост, выясняется, что Жорес должен принести их в жертву (стр. 99) другому богу Ваалу (Баалу): «Сначала они были собой, а после пальм тоже стали светом, сперва ещё похожим на мир, а потом уже нет – просто белым чистым сиянием, в котором не было ни гор, ни детей, ни даже другого бога...» (стр. 125).

Современная цивилизация по мысли автора, судя по всему, заслуживает только того, чтобы стать искупительной жертвой.

Теперь задумаемся: почему первые две части романа названы «Сатурн почти не виден»? Ведь это название повести В. Ардаматского, посвящённой советским разведчикам (М. «Молодая гвардия», 1963 г.): «Эту повесть автор посвящает памяти советских разведчиков, погибших на незримом фронте Великой Отечественной войны. Подвиги живых и память о погибших молчаливо хранит архив.

Нарушим молчание. Теперь это сделать можно. Возьмем одну из папок, страхнем с неё пыль времени. Начнём читать документы. И вот мы уже слышим живые голоса и видим героев повести».

Точно также и у В. Пелевина: вся вторая часть книги построена на основах конспирологии и почти что чётко обозначенного политического детектива. В ней идёт речь о том, как гипотетически можно было бы оккупировать США с помощью новейших методов и разработок КГБ – ФСБ. Именно здесь ярко проявляется сатирический талант Виктора Пелевина, не просто равного Гоголю или Салтыкову-Щедрину, погружённых во внутренние проблемы тогдашней России, но и выходящего на уровень сатириков-антиутопистов Замятина, Оруэлла, Хаксли, размышлявших о мировых конструктах.

Главный герой романа Константин Параклетович Голгофский – это, судя по всему, альтер эго самого Пелевина. Здесь намёк и на Голгофу, и на Святого Духа – Параклета. Здесь явно прослеживается влияние Леонида Леонова – мастера косвенных намёков и псевдоавторских замечаний, которые будто бы комментируют некие невыраженные события (особенно чувствуется это в романе «Вор» Л.Леонова), что В. Пелевин использует как стилист

Голгофский – «Пелевин» старается понять, какое будущее грозит Америке, если она попадёт в тонкие цепкие сети ФСБ. Вот здесь-то и проявляются упомянутые вначале «лёгкие касания» автора. Голгофский догадывается, что в современной идеологической – гибридной войне главное – это создание неких «химер», то есть инородных идеологических штампов, которые исподволь внедряются в общественное сознание противника.

И вот якобы разработки ФСБ впаривают в сознание недалёких американцев мысли о «политкорректности», толерантности, сексуальных домогательствах, гендерной революции и т.д. Да так, что – это мы добавим от себя на основании новостной информации – всемирно известному Пласидо Доминго запретили выступление на гала-концерте в Далласе из-за жалоб 11 певиц и танцовщиц о его якобы сексуальных домогательствах.

Суть этих тонких конспирологических решений состоит в том, чтобы массовое сознание не только народа предполагаемого противника, но особенно его правящих кругов было полностью заблокировано неким идеологическими конструкциями, которые бы воспринимались как отвечающие известным ценностям – свободе, равенству и братству. На этих принципах якобы и строится западная демократия, хотя фактически они рушатся в теперешних хитроумных условиях гибридной войны

В результате сложных конспирологических и шпионских действий Голгофскому удаётся выяснить, что один из видных деятелей ФСБ генерал Изюмин разрабатывал и начал успешно осуществлять этот план: « В идеале он хотел превратить США в такое же тупое и лживое общество, каким был Советский Союз семидесятых. Задачей Изюмина было свернуть свободу слова и создать в Америке омерзительную и душную атмосферу лицемерия, страха и лжи, погубившую Советский Союз. С той же аморалкой, с парткомом, кучей запретных тем и избирательным правосудием – с поправками на американские реалии, конечно, но всё же. » (стр. 332).

Рассуждения В. Пелевина вольно или невольно напоминают мне известную статью Игоря Шафаревича «Две дороги к одному обрыву», написанную в 80-х годах XX века. Суть в том, что так или иначе псевдо

социалистическое и псевдо капиталистическое общества – это лишь разные проявления деятельности масонских олигархических структур и «ослепительный огонь окажется просто сваркой на строительстве очередной олигархической яхты» (стр. 360).

По мысли автора, как всегда остро сатирически направленной, создание лживых идеологических штампов, на его языке – «химер», по крайней мере ещё со времён Великого Октября, стало основой для религиозных идеологических войн. Продолжается это явление и в настоящее время.

Так заканчивает автор свои «лёгкие касания», с помощью которых он намекает читателю на печальную ситуацию наших дней не только в России, но и во всём мире. Опасность такой борьбы состоит в том, что она может иметь обратный эффект: «Наша интеллигенция всегда тянулась к свету Разума Запада, тянется и поныне. Но американская культура в современном виде – это проект ГРУ. Яд “novichok” отравил североамериканскую душу и заструился обратно в Россию» (стр. 354).

Последняя часть книги – эпилог своего рода – явно неудачна, ничего внятного из неё понять нельзя, кроме саркастического замечания, что неоднократным попыткам Путина арестовать Абрамовича помешали жида с масонами: «Путин Абрамовича уже раз пять арестовывал и отправлял по этапу – а до конца додавить не может. Абрамовича к самой зоне уже подвозят, и тут жида с масонами приезжают в Кремль, подступают к Путину с компроматом и говорят: “Отпусти немедленно нашего Абрамовича, а то все счета твои тайные раскроем”. Путин прямо с этапа отпускает. Злитесь, чуть не плачет – а поделать ничего не может. Так до зоны ни разу и не довели» (стр. 413).

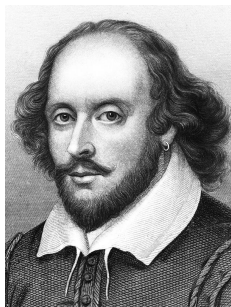
Ну, конечно, если учесть, что бывший губернатор Чукотки живёт в Англии, несмотря на небольшие недавние неприятности бывшие у него с английской визой, то следует признать, что упомянутые «жиды и масоны» не сдали «своих».

Так всё-таки, существует или нет тот самый свет в конце тоннеля, по которому ушли герои первой части романа? Автор отвечает так: «Он там есть – и такой яркий, что все наши химеры в нём сразу сгорят. Но смотреть на него можно будет только через толстое чёрное стекло, и совсем недолго» (стр. 360). И мы согласимся с этим выводом автора.

Сентябрь 2019 г.

Санкт-Петербург

ВЕСТИ С ТЕАТРАВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Вильям Шекспир: «Весь мир – театр. В нём женщины, мужчины – все актёры. У них свои есть выходы, уходы, И каждый не одну играет роль. Семь действий в пьесе той. Сперва младенец, Ревущий громко на руках у мамки... Потом плаксивый школьник с книжкой сумкой, С лицом румяным, нехотя, улиткой Ползущий в школу. А затем любовник, Вздыхающий, как печь, с балладой грустной В честь брови милой. А затем солдат, Чья речь всегда проклятьями полна, Обросший бородой, как леопард, Ревнивый к чести, забияка в ссоре, Готовый славу брэнную искать Хоть в пушечном жерле. Затем судья С брюшком округлым, где каплун запрятан, Со строгим взором, стриженной бородкой, Шаблонных правил и сентенций кладезь, – Так он играет роль. Шестой же возраст – Уж это будет тощий Панталоне, В очках, в туфлях, у пояса - кошель, В штанах, что с юности берёт, широких Для ног иссохших; мужественный голос Сменяется опять дискантом детским: Пищит, как флейта... А последний акт, Конец всей этой странной, сложной пьесы - Второе детство, полузабытье: Без глаз, без чувств, без вкуса, без всего». Монолог из комедии *Как вам это понравится*

**«Атака русских
мертвецов»
под Осковцом**

1915г.

Геннадий Муриков

Прелюдия к катастрофе.

К 100-летию Версальского договора.

Геннадий Муриков

Прелюдия к катастрофе.

К 100-летию Версальского договора.

В этом году исполнилось 105 лет со дня начала Первой мировой войны (для России 1 августа 1914 г.) и ровно 100 лет со дня подписания Версальского мирного договора, завершающего эту войну. Этим событиям журнал «На русских просторах» посвятил немало материалов, в том числе и тех, которые раскрывают неявные и до сих пор малоизвестные стороны мирового вооружённого конфликта, который, можно сказать, определил грядущие катастрофы XX века, тайны которых до сих пор остаются в значительной мере скрытыми, если и не по имеющимся документам, то по вопросам мотивации тех или иных действий.

Во время Версальских переговоров делегации от России не было, но зато, как пишут мемуаристы, "...каждый день начинался с зачитывания телефонограммы от Литвинова, который специально для связи с Версалем в качестве неофициального посла большевиков был послан в Стокгольм, где был в постоянном контакте именно с англосаксонскими вершителями Версальского мира"¹. Не это ли стало причиной того, что США не хотели признавать восстановление Прибалтики "в составе исторической России уже в период Второй мировой войны, хотя до 1917 года никто не оспаривал её преобладания в составе России. США стояли на том, что им было некогда обещано большевистскими властями"². В основании настоящей статьи я, как и всегда при рассмотрении исторических катастроф, считаю ключевыми не экономические и социальные вопросы, а более глубокие религиозно-философские проблемы, иначе говоря, – вопросы веры. Я согласен с мнением многих историков и считаю, что так называемая Первая мировая война по существу была, в общем-то, третьей, поскольку совершенно очевидно, что отсчёт нужно начинать от Тридцатилетней войны 1618 - 48 гг. Тут есть смысл обратить внимание даже на удивительное сходство самой протяжённости войны. Первая мировая война вовсе не закончилась подписанием Версальского мирного договора. В 1931 году Япония нападает на Китай; военные действия как бы перемещаются в Юго-Восточную Азию, но сама война не прекращается, и в 1939 году она вновь вспыхивает в Европе. Так что ключевые даты её – 1914 -1945 гг. – те же тридцать лет.

А в промежутке – наполеоновские войны, о смысле и значении которых повторяться не стоит, частично об этом мы уже говорили. И в основе всех этих столкновений государств, народов и простых людей вовсе не была борьба за какие-то незначительные территории вроде Эльзаса и Лотарингии на европейском континенте, между тем, как последствия упомянутых войн

¹ Из сборника статей автор-составитель Е.Н. Рудая, "Забытая война и преданные герои", М., 2011, с. 16.

² Там же стр.15.

были просто чудовищными. Историки считают, что во время Тридцатилетней войны в Германии (в то время Священной Римской империи), на территории которой развёртывались основные боевые действия, погибло около половины её населения. Зададим себе вопрос: за что же с такой яростью сражались и умирали эти люди? Ответ прост – шла неукротимая война католиков и протестантов. *Именно религиозные войны отличаются неимоверной жестокостью и бескомпромиссностью.* Тут нужно подчеркнуть, что почти сразу после окончания Тридцатилетней войны в результате параллельно развивавшейся Английской буржуазной революции потерпел поражение и в 1649 году был казнён английский король Карл I.

Поразительное и вместе с тем закономерное сочетание мировых войн и революций будет продолжаться и впредь: французская революция и наполеоновские войны, охватившие конец XVIII и начало XIX веков, и вот наконец, – предмет этих размышлений – Первая мировая война, сопровождавшаяся серией переворотов и революций и почти автоматически переросшая во Вторую мировую войну.

В нашей, да во многом и в зарубежной историографии принято считать, что источник Первой мировой войны состоит в конфликтах двух враждующих сторон как за гегемонию в Европе, так и по поводу колониального передела, особенно в Африке. К тому времени в Африке было несколько относительно небольших немецких колоний – Восточная и Юго-Западная Африка, Того и Камерун. Остальная часть Африки принадлежала странам будущей антигерманской коалиции.

В. И. Ленин в своё время раскрывал по-своему причины возникновения Первой мировой войны и её империалистический характер. «Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж её богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны»³ (стр. 15).

Действительно, стоит обратить внимание на то, что крошечные по размеру Нидерланды и Бельгия обладали колониями в Африке (Бельгийское Конго) и Юго-Восточной Азии (Индонезия), превосходящими метрополии в десятки раз по территории и численности населения.

Но всё же едва ли колониальный раздел мира мог стать причиной мировой войны. Примеры очевидны: почти за сто лет до начала Первой мировой войны Бразилия отделилась от Португалии, а Мексика от Испании. И это не вызвало никаких мировых войн, хотя территории Бразилии и Мексики

³ Ленин В. И. " Война и российская социал-демократия". [Сентябрь, ранее 28 (11 октября), 1914 г.] — ПСС, т. 26, стр. 13 - 23. (Т, 21, стр. 9 - 18.)

значительно превышают совокупные территории африканских колоний всех стран, воевавших в 1914 году. Так что тут дело, видимо, в другом. И это станет очевидным, как только удастся понять суть событий, происходивших в Европе, равно как и личности политических деятелей того времени, которых принято было считать, – да они и в самом деле таковыми были, – участниками и даже жертвами возникшего мирового конфликта.

Нет смысла пересказывать суть террористического акта, в результате которого погибли эрцгерцог Франц-Фердинанд и его супруга София, – эта тема так или иначе рассматривалась уже тысячи раз, – но вот на что следует обратить внимание: современный исследователь Макс Хейстингс в книге «Первая мировая война» (пер. на русск. Москва, 2017) характеризует Франца Фердинанда человеком, сочувствующим России: «Побывав в 1891 году в России, Франц-Фердинанд заявил, что тамошний абсолютизм должен служить “восхитительным примером” для других. Царя Николая II коробило от несдержанности Франца-Фердинанда – особенно в национальных вопросах. Кроме того, и эрцгерцог, и его жена, будучи истовыми католиками, благоволили иезуитам, не терпели масонов, иудеев и либералов» (стр. 20-21). Здесь, как и в некоторых других местах этой интересной книги, следует отметить определённую неточность: в 1891 году Николай ещё не был императором, тогда правил его отец Александр III. Имела ли место частная беседа Франца-Фердинанда с будущим царём Николаем, неизвестно, но общая прорусская позиция эрцгерцога очевидна. Впоследствии он писал: «Я никогда не вступлю в войну с Россией. Я готов идти на жертвы, чтобы этого избежать. Война между Австрией и Россией закончится свержением либо династии Романовых, либо Габсбургов – либо обеих династий» (там же, стр. 21).

Ещё в 1905 - 06 гг. П.Н. Дурново в своей провиденциальной Записке предупреждал Николая II, о том, что основная тяжесть возможной войны ляжет на Россию, единственным достижением которой будет Галиция: «Государь! Единственным призом в этой войне может быть Галиция», но «только безумец может хотеть присоединить Галицию. Кто присоединит Галицию, потеряет империю...». Присоединив Галицию, в том числе так называемый Львов (Лемберг), после Второй мировой войны, Сталин посеял зёрна межнациональных конфликтов, которые проросли событиями на Украине с 1914 года по настоящее время. Прогноз П.Н. Дурново оказался пророческим.

Но общий смысл начала мировой войны многим остаётся не ясен и до сих пор. Суть дела состоит, с нашей точки зрения в том, что историческое христианство потеряло свой смысл. Вот что писал знаменитый психолог Карл Густав Юнг: "Атака первобытных сил стала более или менее всеобща" (Цит. по книге В. Одайник "Психология политики" СПб, 1996 г., стр. 267). смысл этого утверждения состоит в том, что развалилась прежде суцая христианская цивилизация. Об этом совершенно чётко пишет В.Л. Мальков, участник Круглого стола, посвящённого теме начала Первой мировой войны 28-29 сентября 1993 года. Он пишет, что христианская цивилизация "была взорвана демоном национализма, как более активным началом" (Из сборника

"Первая мировая война – пролог XX века", М., 1999 г., стр. 15). Некоторые авторы упомянутого Круглого стола выдвинули интересную теорию, с которой отчасти нельзя не согласиться. Суть её в том, что малые государства и некоторые народности, входившие в то время в состав Австро-Венгрии, как будто нарочно подталкивали большие европейские страны к международному конфликту. Вот что пишет один из участников конференции В.П. Булдаков. Он считает, что некоторые малые страны Европы сыграли роль мосек, которых выдвигают для затравки, "преимущественно по инициативе которых неотъемлемым в перечне новых правил межимпериалистической борьбы стал лозунг «защиты прав угнетённых наций» (...) Существует достаточно факторов заинтересованности националистических лидеров малых народов в столкновении империй" (там же стр. 22).

Провокаторская роль так называемого сербского государства в советской и постсоветской литературе замолчена, но мне кажется, что она вовсе не так уж незначительна. Надо обратить внимание на ещё одно выступление на упомянутой конференции: "Только благодаря сербским интригам Россия оказалась втянутой в войну, которая отнюдь не диктовалась правильно понятыми национальными интересами Российской империи. И не геополитические интересы России требовали разрушения Австро-Венгрии, а интересы создания «Великой Сербии» того требовали" (Т. Исламов, там же, стр. 47).

П.Н. Милоков резко выступал против превращения сербского конфликта в международный, но сербско-масонская провокация, – теперь можно однозначно утверждать это – привела европейские народы к гигантской катастрофе, причины которой не изжиты до сих пор.

В нашей литературе, посвящённой этому периоду, обычно изображают Франца-Фердинанда тупым ограниченным человеком. Однако, как мы видим, дело обстоит далеко не так. Покушение Гаврилы Принципа и стоящих за ним террористических масонских кружков имело несколько иной смысл, чем якобы (почти общепринятая в нашей исторической литературе) выступление за свободу Сербии. Сербия в то время была относительно молодым государством, едва освободившимся от турецкого гнёта. Сербия получила независимость в 1878 году. В ней процветал терроризм: была убита в 1903 году царская семья Обреновичей и министры правительства, в результате чего воцарилась династия Карагеоргиевичей.

После убийства Франца-Фердинанда правительство Австро-Венгрии объявило ультиматум сербскому правительству, в котором подразумевалось его участие в заговоре и убийстве. Сербское правительство приняло девять из десяти требований ультиматума, кроме пункта 6: «Провести расследование против каждого из участников Сараевского убийства с участием в расследовании австрийского правительства».

Многие русские дореволюционные, советские и теперешние российские историки сходились и сходятся во мнении, что требования о привлечении к расследованию Сараевского убийства австрийских следственных органов будто бы нарушало суверенитет сербского государства, а потому не могло

быть принято. Так ли это? Во-первых, сравним масштаб и влияние сербского государства с Россией, которая сразу поспешила на помощь Сербии. Это несопоставимые величины. Во-вторых, обратим внимание на мнение цитируемого выше современного историка: «Недавно появилось мнение, что сербский премьер-министр Никола Пашич тоже втайне мечтал о войне, которая заставила бы Россию поддержать сербские панславистские амбиции» (там же, стр. 86).

Вспомним, что не так давно 10.04. 2010 г. польский самолёт с членами правительства Польши потерпел аварию около Смоленска. И тогда правительство РФ не только пригласило польскую сторону принять участие в рассмотрении причин этой катастрофы, но и всячески способствовало проведению этого расследования, хотя погибли многие члены правительства Польши, а не какой-то "заштатный" принц Франц-Фердинанд. Это тоже заставляет думать, что сараевское убийство и его последствия были отнюдь не случайными.

Не было ли убийство Франца-Фердинанда международной масонской провокацией, конечной целью которой было втянуть Россию в войну, печальный итог которой нам, увы! очень хорошо известен?

Ещё хочется обратить внимание на почти аналогичные события в Югославии в конце XX века. Суть вопроса в том, что сложилось ощущение в европейских странах, к которым теперь присоединились США, о необходимости разрушить славянское государство на территории Балкан: «С самого начала кризиса его (Франца Иосифа – Г.М.) министры всерьёз обсуждали только два вопроса: дипломатические меры для обеспечения поддержки Германии и будущий раздел завоеваний Сербии» (стр. 87). Нельзя не обратить внимание на общность целей, поставленных в 1914 и в 1998 гг. Судя по всему, Россия начала века знала об этих целях.

Есть все основания считать, что не только сербское правительство и террористы из окружения Г. Принципа склонялись к развязыванию войны, якобы во имя "славянского дела", а фактически во имя интересов англо-американского империализма. Коренной задачей было разрушение австро-венгерской империи, с которой у России издавна были дружеские связи: например, во время венгерско-масонской революции 1848 года царь Николай I выступил в поддержку правительства Габсбургов, даже вопреки национальным интересам России, что, в конечном счёте, привело к неудачной крымской войне. Полагаю, что эта неприятная ситуация повторилась и в 1904 году: "Между тем Сербия и Черногория уже готовились к вооружённому вмешательству в пользу славянских повстанцев. Сербы были уверены, что в случае, если Сербия и Черногория начнут войну, Россия не допустит их разгрома турками"⁴. Провокаторская роль сербских националистических организаций совершенно очевидна. К сожалению император Николай II поддался на проiski так называемых общеславянских идеологов.

⁴ Из книги "Всемирная история: канун Первой мировой войны", Москва, АСТ, 2002 (стр. 168).

Полагают, что определённую роль в опасном содействии Николая II сербскому правительству сыграли две княжны Черногорки, бывшие к тому времени замужем за представителям династии Романовых – великими князьями Петром Николаевичем и Николаем Николаевичем. Если иметь в виду, что князь Николай Николаевич на первом этапе войны был назначен верховным главнокомандующим, то эта гипотеза становится ещё более вероятной.

Вторая основная тема, которая заставляет задуматься о причинах Первой мировой войны, – это позиция Англии в соотношении с позицией других стран, а особенно Германии. Первую мировую войну называют войной трёх двоюродных братьев: английский король Георг V приходился двоюродным братом русскому императору Николаю II, их матери были родными сёстрами, а германский император Вильгельм II с Георгом V были прямыми внуками королевы Виктории⁵. Объявляя войну России (напомним, 1 августа 1914 года), император Германии Вильгельм II был уверен, что Николай II отменит мобилизацию, объявленную (опять-таки напомним) для защиты террористической Сербии и какого-то мнимого панславизма. В результате телефонных переговоров, содержание которых нам неизвестно до сих пор, Россия отказалась прекратить мобилизацию, и война началась. Вступила ли бы Германия в войну, если бы знала, что Англия поддержит Россию?

"Великобритании такая ситуация в Европе была не нужна. В её системе доминант и противовесов в таких случаях всегда становилась необходимой Россия. Необходимость эта была специфическая. К началу XX века в Британии сложилась формула взаимоотношений с Россией, которую озвучил министр иностранных дел Э. Грей: "Мы готовы (рады) сотрудничать с Россией, чтобы что-то от неё получать, но так, чтобы ничего не дать ей взамен"⁶. Имя Эдуарда Грея мы назвали неслучайно, поскольку именно от его решения зависело вступление Великобритании в войну на стороне Франции и России. Некоторое время Вильгельм II соглашался хотя бы на нейтралитет Англии. Тогда война для Германии приобрела бы более благоприятный характер. Но получилось всё не так, и непосредственным поводом для вступления Англии в войну стала оккупация Бельгии. Напомним, что это небольшое государство в то время с учётом его колоссальных африканских колоний играло огромную роль в европейской политике.

Английское правительство долгое время колебалось, на чьей стороне воевать или поддерживать нейтралитет. Министр иностранных дел Англии лорд Грей рассуждал так: у Великобритании нет никаких особенных претензий к конфликтам на континентальной части Европы. Однако, когда немецкие войска, наступая на Францию, перешли границу нейтральной Бельгии, правительство Великобритании решило вступить в войну и тем самым присоединиться к войскам Антанты, то есть России и Франции против

⁵ Источник: <https://kulturologia.ru/blogs/141118/41291/>.

⁶ Из Книги "Забытая война..." (стр. 117).

Германии. Так, с вступлением Англии европейская война превратилась в мировую.

Войны имеют разный смысл и разное происхождение. Как уже отмечалось, ссора в монархической среде, равно как и претензии на некоторые колонии в Африке и Юго-Восточной Азии (как думал Ленин и близкие к его кругам социалисты) едва ли могли быть основанием для миллионов жизней и послужившей основанием для таких учений, как коммунизм, национал-социализм, фашизм.

В чём тут вопрос? Мой ответ прост: как говорил Фридрих Ницше, Бог умер. Христианство разложилось как мировая религия. Считается, что Первая мировая война, которую все её участники, кроме России, называли Великой войной, началась из-за глупого выстрела некоего сербского террориста Гаврило Принципа, убившего эрцгерцога Фердинанда с женой. Первым выстрелом он убил принцессу Софию, а вторым тяжело ранил в шею Франца Фердинанда.

Однако существует и прямо противоположное мнение. Известная английская исследовательница Барбара Такман в своей книге "Августовские пушки" (в русском переводе она называется "Первый блицкриг", СПб, 1999 г.) убеждает читателя в том, что война готовилась, по крайней мере, за 10-15 лет главным образом, со стороны Германии. Эта книга интересна тем, что она получила мировую известность не из-за новых материалов или новых концепций, а за счёт того, что её восторженным читателем неожиданно стал президент США Джон Кеннеди, причём незадолго до пресловутого Карибского кризиса и своей собственной смерти. Б. Такман рассказывает следующим образом: "В 1914 году два события способствовали достижению Германией высшей степени готовности (к войне – Г.М.). В апреле Англия начала переговоры с русскими, а в июне сама Германия завершила расширение Кильского канала, давшего её новым дредноутам прямой доступ из Северного моря в Балтику. Узнав об англо-русских переговорах, Мольтке заявил во время визита к своему австрийскому коллеге Конраду фон Готцендорфу в мае, что, "начиная с этого времени, любая отсрочка будет уменьшать наши шансы на успех". Двумя неделями позже, 1 июня, он сказал барону Эккардштейну: "Мы готовы, и теперь, чем скорее, тем лучше для нас"" (стр. 69). Впрочем, источник этой информации в книге Такман отсутствует, однако автор склоняется к мысли, что война готовилась заранее и никакие провокации вроде убийства Франца-Фердинанда были не нужны.

Зато похожие планы были разработаны по мнению Б. Такман и со стороны Англии и Франции: "Англо-французские планы, разрабатываемые в мельчайших подробностях в течение девяти лет, были не игрой, не фантазией или упражнением на бумаге с целью отвлечь и занять умы военных, чтобы они не натворили других бед. Планы были либо продолжением политики, либо ничем. Они ничем не отличались от соглашений между Францией и Россией или Германией и Австрией, кроме заключительной юридической

фигуры, что они не "обязывают" Англию предпринимать какие-либо действия" (стр. 149). Иными словами, уже подготовленные планы начала мировой войны содержали хитроумный расклад сил, при котором Англия могла выступить на любой стороне. По этому поводу Б. Такман приводит интересные рассуждения упомянутого Грея: "По его словам, "никакие секретные соглашения" с Францией не обязывают парламент и не ограничивают Англию в выборе своего собственного курса. Он сказал, что Франция вступила в войну, выполняя "долг чести" по отношению к России, но "мы не участвуем во франко-русском союзе, мы даже не знаем условий этого союза"" (Б. Такман, стр. 174).

Каждому, кто это прочитает, сразу приходит в голову мысль, а существовала ли так называемая Антанта в действительности как реальный Союз, коль скоро даже Англия не знала об условиях этого договора? Вновь и вновь хочется в заключение подчеркнуть главную мысль этой статьи: Россия, также как и Австро-Венгрия, была втянута в войну пугём целого цикла провокаций, несомненно, имевших под собой масонские корни, что, в конечном счёте, и привело к разрушению обеих крупнейших европейских империй и победе государств англо-саксонского лагеря, т.е. Англии и США.

Как мы помним, то же самое происходило и перед началом Второй мировой войны. Насколько рассуждения Б. Такман соответствуют действительности, нам неизвестно. Могла ли начаться война и без убийства Франца-Фердинанда сербскими террористами, – остаётся только гадать, но что-то в рассуждениях автора подсказывает нам, что эти трагические события действительно готовились исподволь. Это заставляет нас подумать, как и было сказано, о проблеме масонского заговора и подобных явлениях, тем более, что события в России в 1917 году прямо говорят об этом.

Санкт-Петербург, ноябрь 2019 года

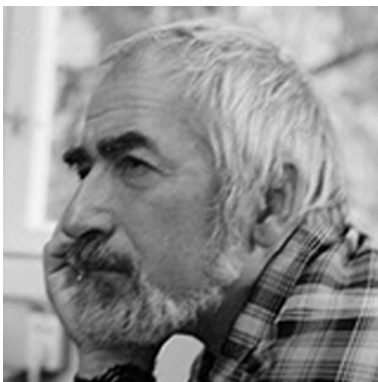
Ремарка трансцендентного редактора.

Дело не в том, что весь мир – театр, важнее, что в этом театре Россия играет чужую игру по чужим правилам против собственных ворот. Революция, построение коммунизма – все это химеры, закрывающие подлинную действительность – Всемирную войну против России, которая продолжается уже более ста лет. Предательство русских состоит в том, что они живут только для себя, но не живут для России. Но по крайней мере, надо знать правду! И эту правду мы вам и сообщаем.

VII. НАД ЖИЗНЬЮ. СТИХИ и ПРОЗА, статьи и ПИСЬМА

ВОРОНЕЦКИЙ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

В МАГАДАН И... ОБРАТНО

Воронецкий Владимир Иванович, биолог-зоолог, кандидат биолог. наук, научный сотрудник биологического факультета МГУ им М.В. Ломоносова. Работал в Магадане в начале 1970-х годов в составе биологического отдела Северо-Восточного комплексного НИИ, позднее преобразованного в Институт биологических проблем Севера ДВО АН СССР. Участвовал в экспедициях на Колыму и Чукотку, вёл природоведческую практику в Магаданском областном пединституте. Живёт и работает в Москве.

Вадим Козин

Ник. Леопольдович Браун

Предисловие

К защите диплома в Московском университете я готовился не без тревог – впереди был выбор жизненного пути. «Эпоха застоя», как её теперь называют, была в самом расцвете – жизнь была стабильна и размеренна. Газеты и журналы публиковали статьи, исполненные созидательного энтузиазма. Радио регулярно вело передачи о великих стройках Сибири, об экспедициях и открытиях, совершаемых на наших северных территориях. В передачах чередовались рассказы и песни французских шансонье. Близость обретения вузовского диплома и предстоящая свобода в выборе «поприща», где можно приложить свои силы и знания, волновали воображение...

Засиживаясь допоздна на кафедре, как это и было широко принято в те времена, я однажды разговорился о научном будущем со своим приятелем – аспирантом Аликом. Он сообщил совсем свежую новость, полученную из его родного города на северо-востоке страны – оказалось, в Магадане, в местном серьёзном заведении, называемом «Комплексным институтом», тамошний директор формирует особый биологический отдел, причём, именно по нашим специальностям. С той поры мы стали внимательно собирать все сведения об этом учреждении, твердо решив стать его сотрудниками...

Так или иначе, в самом начале 1970-х годов каждый из нас всё же попал в это учреждение, пожив и поработав в Магадане около трёх лет. В те времена город был забит «под завязку» самым разным людом. Вместе с «коренными» магаданцами – бывшими «сидельцами», «пораженцами в правах», вольнонаёмными-контрактниками – всё это составляло довольно пёстрое сообщество, замешанное на массе приезжего люда из Украины, Прибалтики, европейских городов СССР и из других мест обширной советской страны. Оно было исполнено духом жизнелюбия, надежд, предприимчивости и энтузиазма, которые не проявлялись столь ярко на «материке» в более комфортных условиях и обстоятельствах. Среди бывших «сидельцев» было множество интеллигентов и людей творческих профессий. Издавались на месте и доставлялись с «материка» много газет и журналов, работал свой театр, у кинотеатра стояли длинные очереди (и не всегда туда можно было попасть!). Местное издательство выпускало сборники стихов и прозы магаданских и чукотских авторов.

Самой острой проблемой в городе той поры для многих была проблема жилья. По этой причине вновь приехавшие ютились в подвалах, снимали комнатки в бараках или в частном секторе («шанхай» власть тоже не отменяла), а один мой знакомый собственноручно соорудил небольшой балок на склоне к бухте Нагаева. А вот с научной литературой дело обстояло совсем неважно – какой-нибудь специальный журнал или монографию приходилось заказывать по межбиблиотечному обмену. Число заказов регламентировалось, а срок доставки не ограничивался – нужное можно было ожидать несколько месяцев. Зато командировки – хоть «в поле», хоть «на материк» – почти не регламентировались...

Нет смысла описывать сохранившиеся в памяти особенности той, давно прошедшей жизни – жизни в условиях «развитого социализма». У неё были

свои особенности, своя специфика, но в памяти каждого, кто прожил в этом городе хотя бы год-другой, навсегда отпечатался «свой Магадан», в соответствии с социальными, психологическими и другими особенностями человека. Одним не подходил суровый климат, другим не хватало средств, чтоб вести образ жизни, как «на материке», третьих не удовлетворяла среда, недостаток общения в условиях этого города, хотя население Магадана считалось (да и сейчас остается!) одним из наиболее образованных. В общем, абсолютно довольны «Магаданом» чаще всего бывают только охотники, рыболовы и долго живущие здесь коренные жители... Равнодушного отношения к нему я никогда не видел. А случайные встречи с магаданцами в других краях неизменно вызвали в них бурю эмоций, восторгов и расспросов, которые мгновенно сближают прежде незнакомых людей...

Лично у меня, несмотря на протекшие десятилетия, в памяти и во снах порой всплывали не только отдельные лица, какие-то эпизоды или события. Иной раз эти воспоминания становились настолько доминирующими, что как-то сами собой выливались в небольшой рассказец или стих. Эти вещицы так глубоко сидели во мне, что я никогда не решался их публиковать. Однако сейчас решил описать некоторые впечатления от моего «прошлого» Магадана, которые объединились в моем восприятии с «нынешним», с которым мне довелось заново свидеться спустя многие десятилетия...

Свидание через полвека

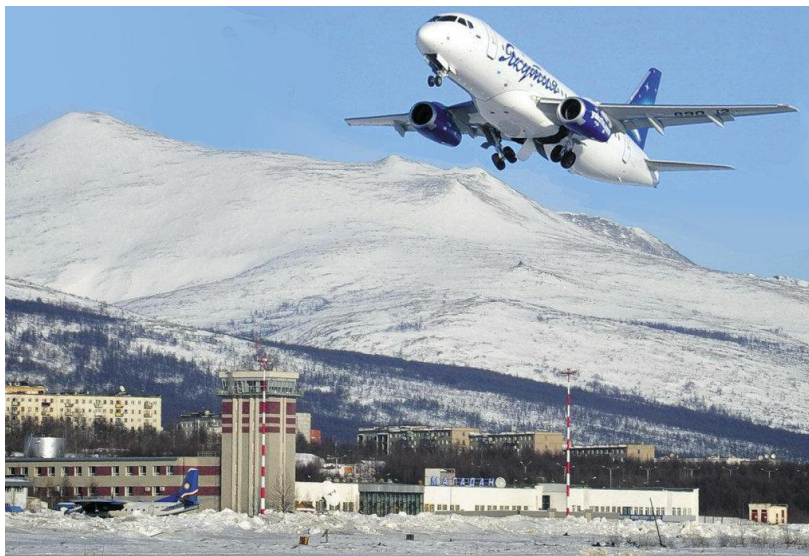
Новая встреча с Магаданом состоялась только в 2019 году, т.е. почти через полвека после первой. Сложилась же эта поездка из целой суммы больших и малых событий. На встрече уже немногочисленных школьных выпускников случайно выяснилось, что мой бывший одноклассник Саша Вацман провёл своё раннее детство именно в Магадане. Вместе со старшей сестрой он там учился в школе №1. Это обстоятельство сразу нас сблизило, мы стали обмениваться различными новостями и воспоминаниями. Тема Магадана стала для нас общей и однажды, прочитав о предстоящем 90-летию города, мы авантюрно решили: «А полетим-ка!». Но на юбилейный праздник нам попасть не удалось – подходящий по цене и срокам билет достался нам значительно позже, а Сашина жена нашла и забронировала по интернету подходящее жилье...

И вот мы на регистрации в Шереметьево, потом в аэрофлотовском «Боинге». Я почему-то был уверен, что наш самолет должен непременно лететь, как мы когда-то летали на ИЛ-62 – через Красноярск, где прежде бывала обязательная дозаправка. Но теперь все обстояло иначе – взмыв из аэропорта «Шереметьево», самолёт сразу взял круто к северу. На особом табло, вмонтированном в спинку впереди стоящего кресла, можно было видеть, что наш маршрут пролегал севернее Ярославля, прошел почти над Вологдой, затем – значительно севернее Перми и наискосок пересек всю республику Коми, выйдя к середине Ямала...

В советской школе нас совсем неплохо учили географии, и, наблюдая на мониторе картинку нашего полета, я догадывался, что новая техника теперь

позволяет лететь кратчайшим путем между двумя точками земного шара... Мы быстро прошли почти у Норильска, пересекли основание Таймыра и вышли к горным хребтам нижнего течения Лены... Я хорошо представлял себе эти безлюдные и пустынные пространства. Воображение рисовало одиноких оленьих пастухов или рыбарей, которые, приставив руку к глазам для защиты от низкого солнца, смотрят на наш высоко летящий самолет, такой же одинокий, как они сами. Не хотелось даже думать о вероятности вынужденной посадки в таких диких местах!

От реки Лены наш лайнер стал заворачивать южнее, мы прошли район Верхоянска, в иллюминаторе появилось множество хребтов и извилистых рек, пробивающих среди них свою дорогу. Появившееся на экране название «Усть-Нера» позволило идентифицировать среди них Индигирку, а за несколькими хребтами после нее заблестели ярко выраженные петли Колымы с обширными отмелями и светло-широкими отвалами песков, многократно перемытых ради получения драгоценного металла. После этого началось снижение, и на табло стали стремительно уменьшаться показатели полета, относительно стабильные в течение нескольких часов – высота 10-11 тыс. м, скорость – около 900 км/час, температура за бортом – 40-50 градусов! Кажется, я уже узнаю характерные разливы и острова когда-то знакомой речки Армань. И вот, через 7 часов полёта нас принимает аэропорт «Сокол» – воздушные ворота «золотой Колымы», которому почему-то наши современники пожелали присвоить имя Высоцкого, занесённого однажды волей случая в эти края...

Поселившись в маленькой гостиничке с местным названием «Тенька», мы в тот же день отправились осматривать город. Выйдя на Колымское шоссе недалеко от того места, где оно переходит в проспект Ленина, сделали первое

открытие – оказалось, мы остановились позади магазина, соединившего в своем названии два очень близких нам понятия – «КОЛЫМСКИЙ АРБАТ». Мы восприняли это как приятный и добрый знак! Посоветовавшись меж собой, решили по городу пройтись для начала традиционным маршрутом – то есть проспектом Ленина от самой речки Магаданки до телевышки, а затем по перпендикулярно пересекающему его проспекту Карла Маркса. Такой маршрут соответствовал устремлениям моего сотоварища и моим собственным желаниям. Саша хотел посетить несколько учреждений, оставив в них рекламу специальной техники, к разработке которой он был причастен, а я рассчитывал увидеть знакомые места, где в свое время жил, работал или куда заезжал в гости. Обоих нас мучило любопытство, как все эти места изменились за десятилетия, что появилось нового и что сохранилось из старого?

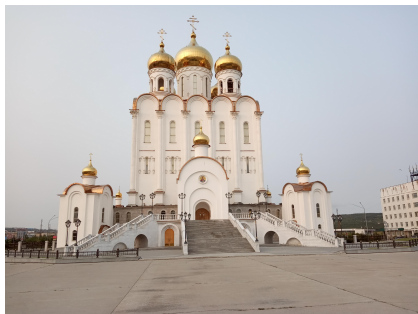
От нашего пристанища, расположенного за так называемым «Гороховым полем», густо поросшим кустами ольховника, какими-то травами, белым клевером и куртинами роскошного иван-чая, наш путь к центральным проспектам пролегал через речку Магаданку. Именно она в прежние времена служила границей города. Теперь же застройка подступала не только к самой набережной, но и распространилась далеко вдоль Колымского шоссе по склонам сопки Крутой. В состав города по нынешнему генеральному плану вошли многие кварталы левобережья и даже отдельные посёлки, отстоящие на десятки километров от города. Правда, современный Магадан не дотянулся до соседней области, как это сделала Новая Москва, но, все равно, на плане это смотрелось внушительно.

Толкуя меж собой о новых кварталах, построенных в эпоху жёсткого правления первого секретаря Магаданского обкома Н.И. Малькова, мы перешли через речку по красивому мосту с литыми решётками и с ящиками цветов вдоль перил. И, вот, слева я увидел знакомое строение городского автовокзала. Весьма символично, что первый же маршрут по городу у нас начался с этого здания. Отсюда когда-то пришлось мне ездить в Колымское нагорье, в ближние и дальние посёлки колымской трассы. Не однажды за стеклянными витринами автовокзала приходилось прятаться от суровых магаданских метелей, дожидаясь в поздний час нужного автобуса до институтского общежития в окраинном поселке Пионерный.

В те давние времена вокзал был свеж и аккуратен. Помнится, в нём всегда витал запах от свежеразкрашенных в летнее время батарей отопления. Ближе к ночи здесь всегда собиралась та специфическая публика, которую называли «бичами». Тяжёлый «аромат», исходящий от бичей, перебивал запах масляной краски. Время от времени к автовокзалу подъезжал мигающий милицейский газик и среди бичей, разомлевших в тепле, возникали движение и лёгкая паника. Относительно активные старались убраться подальше, потому что милицейский наряд мог прихватить парутройку бичей, способных самостоятельно передвигаться, и вывезти их куда-то на патрульной машине (больше туда не входило, да, вероятно, и задача такая не стояла). По каким критериям «выдергивались» из толпы такие личности, понять было невозможно.

Проблема бичей уже и в ту эпоху казалась очень непростой. Она остается не решённой и сегодня, поскольку в ней переплетается множество факторов – от наследственных до социально-психологических. Что как раз и подтверждали своим присутствием несколько подобных личностей, расположившихся в разных углах автовокзала. Однако не они привлекли наше внимание, а явная малочисленность возможных пассажиров – в советские времена у касс автовокзала роились очереди, множество людей приезжало и уезжало в колымские посёлки, в предприятия и ИТЛ (исправительно-трудовые лагеря), широко разбросанные вдоль Колымской трассы. В этот раз мы такого оживления не увидели – в нижнем зале едва насчитывался десяток человек, а в верхний – вход и вовсе был закрыт. Только монументальная дорожная схема, выполненная масляными красками и висящая в каком-то странном отдалении, свидетельствовала о былой многочисленности населения и обжитости Колымы. Специально распечатанный и висевший в окошке кассы листок расписания также свидетельствовал о малом числе автобусных маршрутов. Объяснение этой малолюдности я получил несколько позже – и самым неожиданным образом – из публикаций в газете «Вечерний Магадан»...

Русская Америка

После посещения автовокзала мы решили осмотреть недавно открытый Свято-Троицкий кафедральный собор Магаданской и Синегорской Епархии, который уже издалека привлекает внимание всех въезжающих в город сиянием своих золотых куполов и своими благородными формами. Тем более впечатляюще он смотрится сразу за пустынным пространством «Горохового поля», примыкающего к реке

Магаданке. Готовясь к поездке, ещё в Москве, я прочёл в интернете, что собор возведён в первые годы нового века и посвящён «памяти жертв политических репрессий». В его изящные пропорции, как отмечается на некоторых сайтах, архитекторы заложили мотивы древнерусского зодчества. Я не большой знаток храмовой архитектуры, но немало поездил по владими́ро-суздальской земле, видел и знаю тамошние соборы, поэтому возьму на себя смелость утверждать, что стиль магаданской постройки ближе всего соответствует именно владими́ро-суздальскому стилю зодчества. Приятно сознавать, что Свято-Троицкий кафедральный собор – самый высокий собор, построенный в азиатской части страны, высота его центрального купола превышает 71 м, а главная лестница, ведущая к нему с прилежащей обширной площади, считается сравнимой по грандиозности с Испанской лестницей Рима. К сожалению, внутреннего убранства нам

увидеть не пришлось – церковных праздников в эти дни не было, и пустующий собор был закрыт.

И своими размерами, и элегантностью форм собор доминирует над окружающей застройкой. Он поставлен на месте фундамента Дома Советов, строительство которого было остановлено во второй половине восьмидесятых годов. На этой же площади во время праздничных демонстраций советского времени своей указующей рукой направлял народные массы монумент «вождя мирового пролетариата». Вполне логично, что памятник атеисту и гонителю церкви перенесён в другое место. Сам же собор замкнул открытое пространство, ограниченное зданиями почтамта, треста «Северо-восток-золото» и бывшего обкома (ныне – областной администрации), таким образом возникла обширная Соборная площадь. Помнится, в давние времена мне приходилось частенько бывать здесь, посещая почтамт с притягательным окошком «письма до востребования», перед которым всегда бывала некоторая очередь. В метельные дни тут нередко отогревались одинокие бродяги, остерегавшиеся суеты соседнего автовокзала.

Через площадь, напротив собора и лицом к нему, сейчас стоит монумент – памятник епископу Иннокентию (Ивану Евсевию Попову-Веньяминову), первому, окормлявшему обращённые им в православную веру народы, населявшие обширную территорию Камчатки, Якутии, Северной Америки, Алеутских островов и Приамурских земель. Епископ был сподвижником генерал-губернатора Восточной Сибири графа Николая Муравьева-Амурского. Святитель Иннокентий, вне всяких сомнений, достоин такого памятника, поскольку за годы миссионерского служения, оставаясь истинным подвижником, в своих непрерывных и тяжких трудах преодолел пешком, на упряжках и байдарах тысячи километров здешних бездорожий. В разных частях своей епархии он прослужил больше половины своей жизни, то есть свыше 45 лет. Непрерывно путешествуя, Святитель проповедовал религиозное учение, и приобщал коренные народы к культуре, просвещению и образованию. В советские времена о нём знали только специалисты-историки, я же осмысливал многотрудные деяния епископа впервые, осматривая этот памятник.

Зато кое в чем мне повезло еще в давнем отрочестве – тогда в мои руки попал роман Сергея Маркова «Юконский ворон». Он открыл мне глаза на подвиг русских людей – северных землепроходцев, мореходов и купцов-промышленников, утвердивших русский флаг на Аляске и в Калифорнии. Вместе с торговлей и ремеслами они принесли туда русскую культуру и светскую образованность, организовав еще в конце 18 века Русско-Американскую компанию, занимавшуюся организацией охотничьего промысла и скупкой мехов у местных индейцев и эскимосов. Отправляясь в Русскую Америку, каждый промышленник или купец брал обязательство перед правлением Компании: «Никаких обид не допускать, но изыскивать всевозможные и на человеколюбии основанные средства со всевозможным решением по взаимному доброму согласию, грубых же и в варварских жестокосердых обычаях заматеревших остерегаться и приводить в познание»⁷

⁷ <https://topreading.ru/bookread/24164-sergei-markov-yukonskii-voron> стр. 2.

Бескрайние новые земли, как отмечают современные источники, «были приобретены горсткой мужественных русских промышленников, оторванных от Родины тысячами океанских миль и сибирских вёрст и всё-таки сохранивших с ней нерушимую духовную связь». Поразительный пример такой связи продемонстрировал самый первый Главный Правитель всех русских колоний в Америке, каргопольский купец Александр Андреевич Баранов, построивший на острове Кадьяк здание библиотеки (!), куда было доставлено много книг по истории Америки и Азии, труды М. Ломоносова, С. Крашенинникова, руководства по металлургии, горному делу, различным ремеслам. При библиотеке устроили и школу для детей местных народов, обучали русскому и французскому (!) языкам, географии и математике, а также различным ремёслам... А всего-то под началом Александра Баранова в Русско-Американскую компанию объединялись пара сотен русских православных промышленников и несколько тысяч креолов и жителей коренных народов, принявших принесённое русскими православие.

В советское время почему-то редко говорилось о роли наших предков в освоении американских земель. И не только американских! На средства компании и при содействии российского правительства было организовано около 50 многотрудных экспедиций по разведке и описанию новых земель, их пушных и минеральных богатств. Из числа 15 кругосветных путешествий наиболее известна экспедиция И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского. А роман «Юконский ворон», описывающий путешествие Лаврентия Алексеевича Загоскина по землям Аляски, взбудоражил в своё время мое отроческое воображение и запечатлелся на всю жизнь. И эта книга оказала на меня более глубокое воздействие, чем авантюрные северные рассказы Джека Лондона... Не потому ли и поманил меня Магадан?!

Восхищаясь Соборной площадью и храмом, мы еще не знали ни о трагедии расселения посёлков Колымы, ни того, что она по времени практически совпала со строительством собора и памятника. А узнав, я невольно задался вопросом: что предпочли бы предки-первопроходцы и купцы-промышленники – строительство храма или помощь бедствующим соотечественникам? Понятно, что на него ответить некому... На него нам отвечает наша действительность... Но об этом – позже...

С Соборной площади мы вернулись на Ленинский проспект. Здание бывшей гостиницы «Магадан», ныне закрытой, было увешано табличками различных контор, бюро и организаций. Выглядело все это непривычно и, по правде говоря, неряшливо. Я бывал в этой гостинице в ее лучшие времена, и мне захотелось заглянуть в нее снова. Внутри находилось агентство «Аэрофлота». Там мы увидели хорошо одетых поляков, которые долго оформляли себе обратный билет и расспрашивали служащих, как им попасть на Колыму, в пос. Ягодное... Общение затянулось, мы вышли на проспект и, обнаружив магазинчик «Магаданские сувениры», тут же решили обследовать его. Тем более, что Саша хотел привезти кому-то из друзей звериные фигурки, а у меня было желание пополнить собрание чукотских резных

пеликенов⁸, хранящихся дома с незапамятных времен. Ассортимент сувениров, выставленных на продажу, был на удивление невелик, многие показались откровенно грубоватыми и небрежно исполненными (как тут не припомнить роль художников, придирчиво оценивавших в былые времена каждое изделие!). Практически исчезла чукотская резная кость, комбинированные фигурки национальных умельцев из меха, весьма популярные в прежние времена. Оправдываясь, продавщица сослалась на сезон отпусков, из-за которого магаданцы, уезжавшие на «материк», существенно опустошили её коллекции. В дальнейшем мы обследовали почти все сувенирные заведения (а их в центральной части Магадана больше десятка), включая и те, над которыми красовались богато выполненные вывески типа «золото, серебро и драгоценные камни». Однако довольно скоро стало понятно, что относительно простых сувениров нам не найти, а приобретение шикарных и дорогих не входило в наши планы.

Дух магаданский

Пройдя по Ленинскому проспекту до его пересечения с проспектом Карла Маркса (еще ранее он носил имя Сталина), мы обратили внимание на то, что прежде существовавшая сеть разнообразных государственных магазинов полностью исчезла. Закрылся даже считавшийся самым крупным и богатым городской универсам «Восход». Мне он запомнился огромными очередями, возникавшими, когда «выбрасывали» что-нибудь ходовое и импортное. В одной из них в своё время пришлось постоять и мне, чтобы купить теплый индийский свитер, так необходимый во время магаданских метелей. Исчез обширный книжный магазин «Луч», в котором можно было часами рыться в книгах местного издательства или в литературе, регулярно поступающей с «материка». При хороших знакомствах с продавцами можно было купить редкие издания, свежий номер популярного альманаха «На Севере Дальнем» или отличные сборники, иллюстрированные талантливыми магаданскими художниками (с одним из них, Виктором Кошелевым, мне посчастливилось близко познакомиться). Книжные прилавки в те времена существовали даже в некоторых гастрономах, куда мы «забегали» специально, охотясь за пищей духовной. Сейчас на весь город осталось всего семь книжных магазинов. Магаданское книжное издательство давно ликвидировано, местные авторы издаются очень малыми тиражами. Большую часть книг стали завозить с «материка». Среди прочих мне глянулся серьёзностью ассортимента небольшой магазинчик «Книги для вас», расположенный в самом начале проспекта Ленина. Все остальные были насыщены ходовой канцелярщиной, учебной литературой и пособиями. Особенно впечатлил своим интерьером и местоположением магазин Закрытого общества «Магаданкнига», существующий в старом двухэтажном бараке, волею случая уцелевшем на Якутской улице вблизи телевышки.

⁸ Традиционный северный сувенир-оберег, существо дружелюбное и жизнерадостное, вырезается из кости в виде пузатого человечка с улыбкой до ушей.

По старой привычке, обходя эти заведения в поисках редкостей, я вскоре получил возможность убедиться, что у местных продавцов ещё не выветрился дух прежних «книжников». Однажды, основательно порывшись в различных изданиях и поспрашивав у продавщиц подробности о каких-то местных авторах, я вскоре заглянул в это же заведение снова. Женщина, явно запомнившая меня, вынула из-под прилавка несколько разнокалиберных книжек и сказала: «Мне кажется, они могли бы Вас заинтересовать». С благодарностью я выбрал лишь небольшой поэтический сборник Игоря Кохановского, вспоминая с досадой о весовых ограничениях Аэрофлота на ручную кладь, с которой предстояло лететь обратно.

В верхней части проспекта Ленина мы с Сашей по старой памяти заглянули в кинотеатр «Горняк» и в рядом расположенный городской парк. И там, и там перемены были разительны. Кинотеатр, давно уже признанный региональным памятником культурного наследия (построен в 1948 г.), откровенно пустовал: собственных служащих внутри него было побольше, чем нескольких потенциальных зрителей. Возможной причиной такому запустению был тот же сезон отпусков, так как позже я прочёл в газете, что для привлечения магаданцев в его стенах делается очень много – закуплена и установлена новая демонстрационная аппаратура, открыт второй зал, всем этим хозяйством призван руководить совсем молодой парень-компьютерщик, неистощимый на выдумки по привлечению любителей кино... Но в моей памяти оживали картины настоящего народного столпотворения, когда, вернувшись из экспедиции, мы с товарищами посменно держали очередь, чтобы попасть на фильм «Красная палатка». И так бывало тогда не однажды!

Городской парк, изначально сохранявший облик колымской тайги, подвергся еще более радикальной «трансформации» и «реконструкции». Вдоль всего парка, тянущегося от «Горняка» до здания бывшего телецентра, создана ранее не существовавшая Аллея памяти. На ней возведены: Мемориал жертвам Великой Отечественной войны, Георгиевская часовня и памятник жертвам локальных военных конфликтов. Вход в парк украсился новой аркой (вполне банальной, по сути), в нём появились новые аллеи и разнообразные павильоны, новые постройки, памятники и аттракционы. Пройдя в его глубину, мы увидели новый стадион, дворец спорта, ледовый комплекс, бассейн, театр кукол и автодром. Мне показалось, что всем этим парк явно перенасыщен, и от того уютного уголка колымской тайги, каковым он изначально закладывался, мало что осталось. Но, возможно, магаданцам виднее – ведь сейчас, в век автомобилизации, тайга находится буквально рядом, стоит лишь отъехать на городскую окраину...

В результате первой же нашей прогулки по центральным проспектам (а мы не чурались и отклоняться от намеченного маршрута), у нас сложилось впечатление некоей давней и ставшей уже традиционной запущенности города, которую местная власть и пытается преодолеть, но всё и сразу ей не поддается. В дальнейшем, после посещения удаленных от центра улиц и кварталов, это впечатление только усилилось. Некоторые дома, в которых расположены офисы или магазины, могут быть относительно неплохо отремонтированными, но рядом стоящие здания нередко контрастируют с ними своим несвежим видом.

На наших глазах в центре ремонтировали и красили фасад старой советской гостиницы «ВМ Центральная». Да ещё напротив автовокзала начался ремонт асфальта с традиционным выламыванием поребриков (Да, сказали мы сами себе, это вам не московский всегородской повальный ремонт обочин и асфальта!). Многие тротуары даже в центре требовали внимания ремонтников. Запущенные дворы тоже требовали забот эксплуатационных компаний и просто дворников. Правда, в иных дворах появились современные детские площадки, но их пока немного. В скверах и на газонах буйствовали сорные травы, давно никем не кошенные. Радовал глаз лишь повсеместно цветущий белый клевер, местами сформировавший сплошной аккуратный ковёр. Трудно сказать, был ли он посеян специально или со временем распространился сам по себе. В прежние времена такого клеверного покрытия не существовало, и это украшение очень радовало взгляд, как и отдельные куртины малинового иван-чая, неожиданно встречавшиеся в самых разных местах.

С этим клевером у меня произошел небольшой, но символичный казус. Загоревшись размерами и красотой цветения этого растения, я решил прикупить его семян в местной лавке, благо она случилась по пути. На мой вопрос о клеверных семенах продавщица ответила положительно и принесла приличного размера пакет. На всякий случай я решил прочесть, кто же их производит. На пакете была напечатана фирма с офисом в Москве! Позднее мы многократно встречали самые неожиданные предметы и продукты, которые завозились в Магадан из Москвы или иных городов европейской части России. Как ни странно, даже воду для детского потребления везут из подмосковной Черногловки! Между тем, и артезианские скважины с особо чистой водой, и минеральные источники с разным лечебным действием вод именуются как под Магаданом, так и в Колымском нагорье. Не лучшим образом обстоит дело и с многими продуктами, которые везутся издалека. Не этот ли коммерческий стиль породил такую дороговизну в магаданских магазинах?.. Стоило ли разорять местные предприятия, которые производили многое и по вполне приемлемым ценам?

Город в целом оказался явно грязноват и мало ухожен, решили мы меж собой, не смотря на облагораживающие работы в отдельных кварталах и в отдельных дворах. Вероятно, эта простая мысль давно уже «висела в воздухе», потому что вскоре, как сообщила местная пресса, энергичный областной губернатор Сергей Носов предложил городским властям тратить на благоустройство дворов до 100 млн руб. в год. А вскоре и областная Дума провела заседание, посвящённое концепции развития города на десятилетие вперёд. Похоже, что это только начало, и хотелось бы ожидать преобразования Магадана...

Впрочем, нам пришлось стать свидетелями и того, как очень непросто принять и реализовать верное решение по поддержанию красоты и порядка. И здесь уместно рассказать о проблеме существования местных птиц – голубей и чаек, что бросилось в глаза и поразило нас в первый же день. Отражение этой проблемы мы потом неоднократно встречали в прессе, в интернете, слышали в местных выпусках новостей или в отзывах местных горожан.

Магаданские птицы

Прогуливаясь и осматривая центр города, мы обратили внимание на многочисленные стаи голубей, которых на открытых площадях или в скверах подкармливали праздные старушки и совсем мелкая детвора под присмотром заботливых мамаш. В таких местах асфальт, различные пандусы, карнизы и даже спинки скамеек были обильно помечены помётом этих птиц. Глядя на то, сколько пыли, грязи и перьев разлетается в стороны при подъёме стаи на «крыло» или при приземлении отдельных особей, мы решили, что голубей в городе явно переизбыток, и что виной тому, в первый черед, отсутствие регламентации их подкормки, которой явно злоупотребляют горожане. Давно известно, что неограниченная подкормка животных (как и всякое сентиментальное покровительство) приводит к неограниченному росту численности любого вида. А последнее имеет множество негативных последствий – порождает перенаселенность, эпизоотии, появление паразитов и т.д. Кстати, припомнилось, что уже во многих российских городах власти настаивают на подобном ограничении в отношении подкормки голубей. А в некоторых странах Западной Европы, между прочим, давно существует запрет на такие действия, а нарушителей, естественно, штрафуют и довольно чувствительно. Поэтому мы даже обрадовались, увидев в грязноватом скверике за магаданским театром табличку, гласившую: «Не кормите птиц! Штраф 2500-5000 руб.». Новая мэрия явно взялась наводить чистоту и порядок в городе – одобрительно отметили мы.

Каково же было изумление, когда мы узнали, что сотрудник магаданский прокуратуры опротестовал решение мэрии о развеске подобных табличек на том основании, что такая позиция нарушает права граждан (!). А ещё этот сотрудник предписал мэрии демонтировать все таблички. Как удивительно искажается сознание некоторых чиновников, волею судеб поставленных близко к закону. Как странно их непонимание того, что в решении специальных проблем следовало бы опираться на объективные рекомендации профессионалов, а не на сентиментальные высказывания отдельных дилетантов. В конечном счете, после такого заявления магаданской прокуратуры актуальная для города проблема регуляции численности голубей утонула в дискуссиях, в противоречивых и спорных высказываниях различных городских структур, что, по оценке местной газеты «Вечерний Магадан», превратилось в какую-то странную административную возню.

После этой истории нас уже не удивляли пронзительные вопли множества тихоокеанских чаек, гнездящихся на крыше практически каждой магаданской многоэтажки. Подросшие птенцы испытывали крепость своих крыльев не только на доме со знаменитой башней с часами (против бывшего универмага «Восход»), являющейся своеобразным символом Магадана, но и на крыше мэрии, на крыше администрации области, на крышах множества жилых домов, школ и общественных зданий. По оценкам специалистов, на городских крышах гнездится более тысячи пар. Простой расчёт дает нам оценку одновременного пребывания в городе около 4-5 тыс. птиц, которые оставляют гнездовой мусор, многочисленный помёт, погадки, случайно

потерянные объекты питания (рыба, беспозвоночные и другая органика), а также накапливающийся материал линьки пухового и перьевого покрова птенцов и взрослых птиц. К тому же, далеко не все яйца или птенцы благополучно развиваются, часть из них попадает в разряд разлагающихся останков.

Мостовые и листья деревьев вокруг таких зданий покрываются частым белым крапом, особенно заметным на припаркованных японских лимузинах, которыми так богат Магадан. Попадает помёт и на одежду граждан, идущих по улице или ожидающих транспорт на остановках. Понятно, что все эти «отходы жизнедеятельности» далеко небезопасны в санитарном отношении (чтобы ни говорили местные чиновники!).

Но есть еще один аспект – резкие крики голосащих чаек создают особую «звуковую среду», которая устанавливается в городе на весь сезон размножения – с апреля-мая и по сентябрь. Чайки общаются весь брачный период, периодически очень часто и энергично. Один известный исследователь жизни чаек описал восемь разновидностей только основных криков, которые используют эти социальные птицы в своем общении. Большинство их издается в полную громкость – птица буквально кричит «всем телом»! Подлетая к месту строящегося гнезда или к подрастающим птенцам, взрослая птица издаёт призывный крик, на который партнёр по размножению или птенец должен обозначить свое присутствие ответным сигналом, после чего между ними возникает некий звуковой «дуэт». Такие «диалоги» в полный голос звучат многократно от раннего утра до позднего вечера. Общаться громкими криками может не только размножающаяся пара, но и всё отдельное гнездящееся сообщество. А на каждой крыше гнездится практически небольшая колония!

Плохо представляю себе, уютно ли чувствуют себя жильцы верхних этажей после начала размножения этих птиц в светлые майские вечера и короткие ночи. Не мешают ли постоянные полёты и пронзительная перекличка во время школьных уроков или занятий в других учебных заведениях? Не отвлекает ли она чиновников административных структур при решении важных вопросов жизни города и всего колымского края? Понимая разнокачественность человеческого восприятия, можно предположить, что далеко не всем горожанам живется и работается комфортно в обстановке, создаваемой этими крикливыми птицами... И где же тот служащий магаданской прокуратуры, что считает своим долгом заботиться о благополучии магаданских сограждан?..

Магаданские встречи

Не только городской антураж, но и уличное общение с магаданцами говорили нам, что город сильно изменился. Два случая восстановили впечатление о Магадане, как о городе открытых и доброжелательных людей, каковым он был в недавнем прошлом и запечатлелся в моей памяти...

Мой товарищ очень хотел увидеть двор и квартиру, где он жил в раннем детстве с родителями. Мы нашли тот самый дом. Вышедший из подъезда

человек, конечно, уже не помнил Сашино семейство, давно уехавшее на «материк». Но насчет квартиры все объяснил: и что теперь там живет одинокая пожилая женщина, и даже сказал, как ее зовут. Напоследок он открыл кодовый замок и впустил нас в подъезд. На наш звонок дверь нужной квартиры свободно открылась, и без лишних разговоров нас пригласили войти. И только после этого начались расспросы и выяснения, кто и когда здесь жил... Трудно представить такую открытость в больших городах на «материке».

Другой случай произошёл с нами у перехода через Колымское шоссе. Мы остановились у перехода со светофором и стали дожидаться, когда в нём появится разрешающий сигнал. Воскресный день был на исходе, и в город по Колымскому шоссе, полого спускающемуся в долину Магаданки, катил бесконечный поток праворульных «хонд», «сузук» и разных «мицубиси». Ожидая включения зелёного сигнала, мы посматривали то на этот сверкающий фарами поток, то на светофор, который продолжал гореть красным. Вдруг возле нас остановилась иномарка, и молодая симпатичная дама, сидевшая за рулем, очень доброжелательно сказала нам: «Вы, наверно, хотите перейти улицу?... Там, на столбе, имеется кнопка, её надо нажать, чтоб включился светофор, останавливающий движение». Девушка приятно улыбнулась и поехала дальше, а мы – два пожилых и многоопытных москвича, – долго смеялись над своей недогадливостью и удивлялись вниманию незнакомки. Вероятно, местная жительница приметила нас еще издали и легко просчитала ситуацию по виду наших фигур, в которых явно прочитывалось ожидание.

Вообще-то, не только ностальгические воспоминания привели меня с товарищем в Магадан. Каждый из нас предполагал совершить ещё несколько дел, которые было невозможно поручить кому-то постороннему. В то время как Саша планировал обойти ряд магаданских организаций, мне предстояло определиться, куда и в чьи руки предпочтительнее передать книгу воспоминаний бывшего заключенного колымских лагерей Георгия Карловича Вагнера. Впоследствии, после многолетней отсидки, Г.К. Вагнер быстро вырос в крупного учёного-искусствоведа, внесшего в годы «оттепели» и позднее огромный вклад в изучение древнерусской архитектуры. В конце жизни он описал свои злключения на Колыме в книге «Из глубины взываю (De Profundis)»⁹. Хранительницей архива Г.К. Вагнера – Ольгой Леонидовной Курбатовой, – мне было поручено передать книгу либо в магаданскую библиотеку, либо в краеведческий музей, сориентировавшись на месте, в каком из этих учреждений она будет более востребована и доступна. Другое поручение касалось музея певца Вадима Алексеевича Козина, где мне предстояло выяснить у сотрудников некоторые обстоятельства, связанные с творчеством близкого певцу питерского поэта Николая Леопольдовича Брауна. Оба поручения носили деликатный характер и казались интересными и мне, и моему сотоварищу по путешествию.

⁹ Г.К. Вагнер. Из глубины взываю (De profundis). Изд-во «КРУГЪ», Москва, 2004. 270 стр.

В один из дней нашего пребывания в Магадане мы отправились в областную библиотеку им. А.С. Пушкина и в краеведческий музей. Оба учреждения стоят рядом на Якутской улице, которая некогда была сплошь застроена деревянными бараками. Когда во время морозов однажды затопило наш институтский подвал, какое-то время мне пришлось пожить в одном из таких строений в окружении весьма специфической публики, какую в наши дни, наверно, уже нигде и не встретить...

Сегодня уже трудно припомнить облик той тесной библиотеки, размещавшейся по адресу ул. Якутская, 35, где в свое время я заказывал научную литературу. От этих времен у меня сохранился лишь старый читательский билет в дерматиновой обложке грязно-коричневого цвета, с нечетким тиснением снаружи и с записью внутри о праве допуска в читательский и технический залы. Этот билет я и предъявил на регистрации, рассчитывая произвести определенный эффект. Действительно, пожилая регистраторша удивилась, приязненно улыбнулась и сказала: «Я вижу, Вы – читатель со стажем.... В это лето Вы – второй, кто пришел с таким билетом! Сейчас я Вас перерегистрирую!». И я получил картонную карточку почти такого же размера, но более приятной голубовато-зеленой окраски.

Первым делом я хотел выяснить, имеется ли в библиотеке какая-либо экспозиция, посвященная истории Колымы или вновь поступившим книгам. Нам хотелось, чтобы с книгой Георгия Карловича Вагнера познакомилось как можно больше людей. После расспроса сотрудников выяснилось, что еще недавно подобная экспозиция имела, но в данный момент по каким-то причинам она не действует. В этой ситуации оставалось прояснить такой же вопрос в соседнем краеведческом музее. А пока я решил найти в библиотеке всю литературу о Викторе Ивановиче Кошелеве – художнике-графике, которого я знал когда-то и который создавал поразительные офорты на колымско-чукотские мотивы. Кажется, они теперь представлены даже в Русском музее, а в те времена он мог запросто подарить какое-то изображение, если оно тебе понравилось, или если попросишь.

С Виктором меня тогда, почти сразу по приезде в Магадан, познакомила институтская коллега Татьяна, успевшая защитить кандидатскую диссертацию в Ленинграде и, так же, как и я, прилетевшая в Магадан в организуемый там биологический отдел СВКНИИ. Я до сих пор благодарен ей за это знакомство. Виктор был сыном участника Великой Отечественной войны, какое-то время ездил по стране с отцом-военным, учился во Львове, жил и работал в Киеве, из которого улетел на Чукотку, где проработал больше десятилетия. Имея художнический дар и соответствующую подготовку, он оформлял районную, а потом и окружную газету. В советскую эпоху такие

газеты издавались в каждом районе или в небольшом городе. После Чукотки он перебрался в Магадан, женился, был принят в Союз журналистов, потом в Союз художников СССР. С Таней мы часто бывали в его мастерской, где всегда гостили его друзья и знакомые с Чукотки, или с Колымы, или с «материка». Виктор был независим в суждениях, богемен и свободолюбив. При всей специфике тогдашней магаданской жизни, в которой иной раз слишком явно ощущалось незримое влияние людей с ул. Дзержинского, 9¹⁰, мастерская Виктора была сохранившейся ячейкой «оттепели», к тому времени уже почти «замёрзшей» на «материке». Это именно в ней пел и пил Высоцкий, приехавший к другу, когда сорвался со съёмки и на пару дней залетел в Магадан. К Виктору заходили и заезжали самые разные люди, а он принимал и раскрывался только перед теми, в ком чувствовал какое-то творческое начало, какуо-то нестандартность.

В те времена Виктор любил ездить в разные уголки Колымского края, старался бывать в поселениях коренных народов Колымы и Чукотки. Однажды, «запурговав» в Уэлене, он за пару недель освоил резьбу по моржовой кости. Неизменно брался иллюстрировать выходившие тогда широким потоком в Магаданском издательстве поэтические сборники, детские книжки, сборники национальных сказок. Мне особенно запомнились его офорты, создаваемые в результате тончайшей, практически ювелирной, работы, которую он проделывал остро отточенным инструментом на отшлифованной поверхности металлической пластины. Каждый из них представлял собой не просто какое-то изображение, но своеобразный иллюстрированный рассказ, который можно было постепенно прочесть, рассматривая грамотно расположенные вставки. В одном рисунке он создавал целое повествование, гравировав множество мелких и мельчайших образов. В запомнившейся мне на чукотские темы гравюре «Праздник кита» сюжет как бы разворачивался сам собой, одно изображение выходило из другого: хвост кита, на нём – и рыба, и лодка, а еще – пеликен, и всё это переплеталось в причудливый северный орнамент.

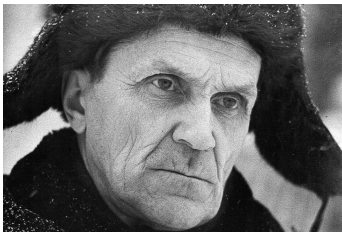
Однажды мне пришлось наблюдать, как он гравировал сюжет, посвящённый купанью на Севере. Три (кажется, именно три!) крепких мужичка плещутся в ледяной полынье, полузанесённой со всех сторон снежными наметами. На лёд сброшена меховая одежда, унты, рукавицы, а чуть в стороне открыто стоит бутылка водки. «Я тут подумал и припрятал для них ещё несколько бутылок. Сможешь найти?» – спросил меня Виктор с хитрой улыбкой. Я внимательно всмотрелся в рисунок и увидел за одним унтом бутылочную тень, горлышко другой высывалось из глубины крайнего унта, еще одна лежала на льду под рукавицей. «Три!» – уверенно сказал я. «Эх ты, натуралист! – засмеялся художник. – Их же дюжина, смотри!». И, действительно, показал мне все двенадцать водочных бутылок, самым искусным образом замаскированных среди одежды и льда... Мне всегда очень жаль вспоминать о том, что Виктор рано ушёл из жизни, едва перешагнув пятидесятилетний рубеж.

¹⁰ Адрес резиденции тогдашних магаданских спецслужб и милиции.

Всё это припомнилось мне, когда я искал в библиотеке литературные материалы о нём и о его выставках. При любезном содействии дежурного библиографа были заказаны несколько каталогов и брошюр. Я был откровенно разочарован и огорчён скудостью источников об этом талантливом и открытом человеке, что сохранились в местной библиотеке, ведь знакомство и общение с Виктором так согревало мою магаданскую жизнь!..

Выставка Варлама Шаламова

Видимо, та же дама-библиограф, что помогла разобраться мне в библиотечных каталогах, обратила моё внимание на международную выставку, посвященную Варламу Шаламову. Выставка объехала несколько стран и, наконец, была привезена из Германии. Вспомнив о знакомых аспирантках-«шаламоведках», занимающихся в Литературном институте изучением творчества этого писателя-«сидельца», я решил повнимательнее ознакомиться с материалами выставки и, если подвернется что-то интересное, переснять его для исследовательниц. Небольшое открытие ожидало меня почти сразу – оказалось, что отец Варлама Тихоновича Шаламова, будучи священником, служил на Аляске и Алеутских островах вместе с будущим Патриархом Тихоном. Как странно порой судьба играет людьми – сын священника тянул свою каторжную лямку почти в тех же краях, где на свободе его отец окормлял духовной пищей детей природы, учил их терпению и милосердию!

Шаламовская выставка была довольно обширна, ее возили по многим странам Европы и, несомненно, тема «сталинских лагерей» и ГУЛАГа производила сильное впечатление на европейцев. Но, осматривая её, я думал совсем о другом. В каждом народе есть патриоты и антипатриоты, сторонники и противники правящих режимов. В нашей стране между властью и ее оппонентами с давних времен сложилось такое ожесточение, какое не утихает до сих пор. Не потому ли столь стремительной была революция и столь ожесточённой гражданская война, стереотипы которой докатились и до наших дней?

Как результат – кучка экстремистов, назвавшихся большевиками, захватила и держала власть, действуя любыми методами и средствами, включая откровенно безнравственные и аморальные. Впоследствии всё это предопределило еще больший раскол общества на сторонников и оппонентов советской власти, на «своих» и «чужих». Раскол растянулся на много поколений и в полной мере не изжит и сегодня. Заслуга В.Т. Шаламова, на мой взгляд, как раз и заключалась в том, что на примере лагерного быта он выявил явление «социальной близости» лагерного начальства с «блатарями», связь представителей власти и уголовников, игнорировавших нравственность и любую человеческую мораль. Действительно, стоит расколоть общество на

«своих» и «чужих», как любому из «своих» станет понятно, что с «чужими» можно не церемониться. Так было и в эпоху религиозных войн, и во времена разных революций в странах Западной Европы, в эпоху французской революции, когда казнили то одних, то других... Характеризуя социальную жизнь своей страны в конце тяжелых 1920-х годов, известный зоолог и охотовед Борис Михайлович Житков, много повидавший на своем веку, как-то сказал с горьким сарказмом, что как эволюционист и дарвинист он горько сожалеет, что человек произошел именно «от обезьяны», а не от лошади или собаки, поскольку последние, по крайней мере, благородней!

Можно приводить множество примеров противодействия власти и народа, как в прошлой, так и в современной действительности, но меня особенно поразила история, о которой я прочел в тот же вечер в местной газете «Вечерний Магадан»¹¹. Газету мне принесла дежурная той гостинички, где мы квартировали. Эта публикация наглядно иллюстрирует жестокость человеческой природы, легко проявляющейся у большей части окол властных исполнителей. Даже если власть далека. Даже если её распоряжения нелепы до глупости и бесчеловечны до озверения...

Выселение с Колымы

Автор газетной статьи «Из колымского белого ада... (отрывки)» Василий Образцов описал, как в начале 2000-х годов по чьему-то «мудрому» распоряжению из «бесперспективных» колымских поселков выселяли работников ранее процветавших овощеводческих совхозов. Начиналась публикация интригующе: *«Хочу вам рассказать о судьбе поселков Таскан и Эльген, жителям которых пришлось пережить такое, что можно было найти в воспоминаниях ээка лагерей Дальстроя. Но если заключенные были осуждены, этапированы на Колыму и отбывали наказание за свои настоящие или мнимые преступления, согласно решениям судов, то вина жителей Тасканской долины была только в одном: в том, что они жили на этой земле...»*. Далее довольно подробно (с именами и фамилиями) рассказывалось, как насильно выселяли работников прежде богатых совхозов, как закрывали там предприятия и учреждения, как лишали людей работы, детей – возможности учиться, пенсионеров – получать медицинскую помощь. Чтоб не платить бюджетные деньги за выселение из упраздненных поселков, администрация Ягоднинского района распорядилась отключить в них водо- и теплоснабжение. А, когда оказалось, что жители как-то сумели выжить и в таких чудовищных условиях, то осенью 2003 г. в Таскане появились большегрузные машины и подъемный кран. Энергетики, с молчаливого согласия (или указания?) властей отключили электроснабжение и вывезли подстанции, оставив жителей без света накануне суровой колымской зимы. Тотальное отключение было продолжением жестокого эксперимента по выживанию. Как далее излагал автор в той же статье: *«Если кому-то кажется, что я сейчас пишу сценарий для фильма ужасов или описываю действия, которые никогда не происходили, то вы глубоко заблуждаетесь...*

¹¹ Газета «Вечерний Магадан» от 1 августа 2019 г. № 31, стр. 16-17.

Люди оказались отброшенными из цивилизации к моменту начала заселения Колымы. Десятки семей остались один на один с настоящей колымской зимой с ее пятидесятиградусными морозами, быстро наступающей ночью, в темноте, без отопления».

Для чего, спрашивается, был затеян этот драматический эксперимент, обернувшийся для многих людей страданиями, утратой здоровья, а для некоторых и преждевременной кончиной? Но подобное происходило и в других местах Колымы – такими же методами закрывали поселки Кадыкчан, Мякит, Октябрьский и множество других. В Мяките власть даже выставляла милицейский пост, чтоб люди не могли ездить за продуктами (!). Стоило ли это той экономии бюджетных средств, которые выучила власть на закрытии и переселении колымских сел и поселков? И почему так упорно отмалчивалась магаданская администрация, к которой неоднократно обращались бедствующие жители? Ведь в Магадане именно в это время возводились храмы и памятники, «обеспечивающие» духовное возрождение народа. Трудно поверить, что столь экстренно надо было выселять с обжитых мест своих же сограждан, задолжавших только «за энергопотребление»! Не вызывает сомнения, что под этой акцией лежали и чиновное рвение показать свою «административную состоятельность», и стремление продемонстрировать более высоким властям свое умение «решать масштабные государственные задачи». Но кто скажет, не было ли здесь сговора местных властей с какими-то новыми бизнес-структурами, внедрявшими свои щупальца в российскую экономику?¹²

Каким-то особым цинизмом веет от того, что губернатор Н.Н. Дудов, при котором и шло сознательное и целенаправленное уничтожение инфраструктуры Колымы (по специально разработанному и принятому при нем Закону Магаданской области)¹³ в конце 2005 г. был награждён Орденом Почёта – «за большой вклад в социально-экономическое развитие области и многолетнюю добросовестную работу»... А спустя недолгое время получил и другую почетную награду – Орден Святого благоверного князя Даниила Московского II степени (РПЦ, 2011 год) – за внимание к помощи в строительстве кафедрального собора. И уже не удивляет замечание одного местного журналиста о том, что «местная властная элита очень стабильна – если внимательно проанализировать, почти все чиновники региона были еще в советские годы партийными или хозяйственными руководителями. Фактически политика в регионе превратилась в административное дирижирование»¹⁴. Только вот зачем, ради чего?..

¹² Сегодня на Колыме добывают золото около 25 компаний, часть которых имеют Канадскую и Американскую юрисдикцию. Все они используют работников по вахтовому принципу, нанимая специалистов и рабочую силу в Европейской России.

¹³ Закон Магаданской области от 07.07.2003 № 373-оз (В редакции Законаов Магаданской области от 22.04.2005 г. N 590-оз; от 25.10.2005 г. N 622-оз; от 19.12.2006 г. N 780-оз; от 02.05.2007 г. N 846-оз) «О Программе содействия в переселении граждан, проживающих в неперспективных населенных пунктах Магаданской области на 2003-2007 гг. Принят Магаданской областной Думой 25 июня 2003 г.

¹⁴ Александр Кынев. Информ Портал «Красное Знамя» Про Отставку Магаданского Губернатора Дудова 4 февраля, 2013. 16:18.

Остается только дождаться тех времен, когда вскроется вся правда об этой колымской трагедии наших дней, в данном случае – откроются имена «подлинных авторов и исполнителей», которые своими действиями за несколько лет выселили сотни и тысячи людей. К примеру, если в 2001 г. в Эльгене официально было зарегистрировано 540 чел., то к 2007 г. осталось 47. В 2002 г. в Таскане проживало 243 жителя (на девять лет раньше – 850 и население росло!), то в 2007 г. – уже 40. Автор статьи, опубликованной в «Вечернем Магадане», констатирует, что «нехитрыми манипуляциями были сэкономлены средства бюджета на закрытие и переселение» Теперь выселяемым платить надо было уже на порядок меньше! *«Знали ли районные власти, областная администрация и губернатор о том, что здесь происходит? Знали!!»* – утверждает автор. Но если кто-то подумает, что на этом жуткая история с выселением колымских труженников, пенсионеров и школьников закончилась, то достаточно посмотреть сайт Ягоднинского суда, на котором даже спустя много лет после описанных событий то и дело публикуются иски граждан к местной администрации с требованиями об обеспечении сертификатами на получение жилья или о компенсациях за утраченные дома и квартиры¹⁵...

И здесь уместно процитировать оценку жителя Магаданской области, найденную на случайном сайте интернета: «Население Магаданской области некогда насчитывало больше 300 тысяч человек, сейчас живёт немногим более 100 тысяч. Десятки посёлков закрыты. Они стали призраками, а их история уходит и забывается»¹⁶. Приведённый текст сопровождается картой из цветных значков; при этом красных, обозначающих закрытые поселки, оказывается большинство...

Ну, и чем все это не сюжет для новых «Колымских рассказов» в духе В.Т. Шаламова? Не просматривается ли в этой истории та самая административная «целесообразность», по которой старательные служаки когда-то насильно гнали людей на Колыму, а в нашу эпоху таким же жестоким образом изгоняли оттуда? И где больше нравственного начала – жертвовать человеческими жизнями ради золота для страны или – ради экономии бюджета и абстракций демократии?... После публикации продолжения названной статьи в № 32 «Вечернего Магадана» следовала сноска: «Продолжение читайте в следующем номере «ВМ». Однако ни в № 33, ни в №№ 34 или 35 никаких продолжений уже не последовало... Намёк более чем прозрачный – времена меняются, а человеческая природа и психология неизменны!...

Замечательно само по себе, что в конце лета 2019 г. в Магадан была отправлена социологическая экспедиция РАН, чтоб выяснить причины депрессивности и обезлюживания золотоносного региона. Экспедиция проехала около тысячи км по Колыме, взяв более полусотни интервью.

¹⁵ Как пример, решение Ягоднинского районного суда по делу № 2-173/09 от 14 мая 2009 г.

¹⁶ Призрачная Колыма. Существующие и закрытые поселки Магаданской области.

Надеюсь, в местах работы экспедиции нашлось немало людей, пожелавших прокомментировать эту проблему. Интересно было бы узнать, к каким выводам и рекомендациям пришла эта экспедиция и будут ли они опубликованы в российской или магаданской прессе? ...

А напоследок стоило бы добавить на эту тему сентябрьское сообщение из местных газет о том, что региональное правительство разработало программу развития сельского хозяйства Магаданской области на ближайшие годы, согласно которой планируется модернизация и строительство животноводческих помещений, увеличение производства кормовых культур, а в самом Магадане сооружение тепличного комплекса. Еще предусмотрено введение в сельхозоборот новых земель и финансирование их известкования и окультуривания... Так и хочется спросить авторов этой программы: «А что с эльгенскими и тасканскими квадратными километрами окультуренных угодий, которые десятилетиями кормили саму Колыму и ее столицу? Там ведь все это уже было и работало!? Или они каким-то чудесным образом бесследно растворились в пространстве?» И, кстати, зачем сегодня сдаются в аренду китайцам сотни гектаров пашни в окрестностях пос. Клепка? Неуж свои сельскохозяйственные умельцы перевелись?

Воистину – чудны дела твои, Господи! Спаси и помилуй от беспамятства чад своих, внеси разум в головы их!...

Колымский альбом Георгия Карловича Вагнера

В один из дней мы с другом отправились в местный краеведческий музей. Одной из целей посещения музея было выяснить, имеются ли в нем какие-либо материалы о Г.К. Вагнере. Георгий Карлович Вагнер (1908 – 1995) – ученый-искусствовед, художник, философ и писатель находился в Колымских лагерях с 1937 по 1947 год – 5 лет по приговору «за контрреволюционную деятельность» и 5 лет как «вольнонаёмный, в связи с невозможностью выезда с Колымы в военное время». В 1949 г. он снова подвергся аресту и высылке на север Красноярского края. Мемуары Г.К. Вагнера «Из глубины взываю (De Profundis)» являются уникальным историческим свидетельством эпохи. Молодой художник и преподаватель Рязанского художественного училища, которое теперь носит его имя, был арестован в Рязани в 1937 году, одним из поводов было то, что он негативно отзывался о варварской акции уничтожения Сухаревой башни и других московских памятников архитектуры. Г.К. Вагнер не только описал историю своего ареста и жизнь на колымской каторге, но и, будучи художником по образованию, запечатлел на бумаге сюжеты лагерного быта, картины суровой колымской природы, обратную «дорогу из Ада» – плавание на корабле по Охотскому морю из Нагаевской бухты до бухты Находка. Стойкость духа, нравственное воспитание и практические навыки физического труда на земле, полученные в детстве в рязанском имении бабушки, а также профессия художника – став «доходной» в лагере, он был спасён назначением в художники-оформители наглядной агитации – все это позволило Г.К. выжить и добиться уже в пожилом возрасте всемирного признания в качестве ученого-искусствоведа.

После короткой беседы с директором музея Александром Александровичем Ореховым мы прошли в зал, где он показал небольшую экспозицию из четырех колымских рисунков Георгия Карловича Вагнера и его небольшой фотопортрет. Это, несомненно, были его рисунки – я узнал и стиль, и характерный размер бумаги, и нехитрую манеру изображения подручными материалами. В своё время мне пришлось держать в руках альбом рисунков Г.К. Вагнера с названием «КОЛЫМА», тисненным на матерчатой обложке. После смерти Георгия Карловича альбом хранился у его племянницы Ксении Кузнецовой. Фактически это был иллюстративный комментарий к его воспоминаниям. Альбом имел малый формат, легко мог быть спрятан в любой карман или под одежду и содержал карандашные и акварельные рисунки, сделанные в 1946-1947 гг., когда Г.К. Вагнер, «отмотав» пятилетний срок заключённого на прииске «Мальдяк», был вынужден задержаться на Колыме в качестве «вольнонаёмного». Рисунки, экспонирующиеся в небольшой музейной витринке, без сомнения, перекликались с «Колымским альбомом» и даже как бы дополняли его.

В музее я не спросил, какими путями сюда попали рисунки Г.К. Вагнера. Стало понятно, что книга воспоминаний Георгия Карловича, содержащая историю его ареста, заключения и последующей жизни на Колыме, здесь придется к месту. И я передал её в музей. Вероятно, следовало бы еще передать сюда и изданную в 2006 году книгу «Георгий Вагнер. Ученый, художник, человек», в которую в качестве иллюстративного материала были включены копии рисунков из «Колымского альбома»¹⁷. Сам альбом был передан Ольгой Леонидовной Курбатовой в дар Рязанскому художественному музею, в котором Г.К. Вагнер проработал много лет – до первого ареста в 1937 г. и по возвращении с Колымы до второго ареста в 1949 г.

Пройдя несколькими залами и полюбовавшись изящно оформленными и удачно расположенными экспонатами, я невольно вспомнил тот старый музей, что располагался на Пролетарской улице в строении бывшей Дальстроевской комендатуры. Многим экспонатам было откровенно тесно в небольших помещениях этого здания. Поэтому осмотр экспозиций в те времена занимал не так уж много времени. Но я захаживал туда не ради рассматривания экспонатов. Музей издавал «Краеведческие записки», содержащие статьи разных авторов, в которых было много интересных сведений по истории, этнографии и природе Колымского края. Лично мне были особенно интересны работы Алексея Петровича Васковского – человека уже легендарного к 1970-м годам, который начинал геологом в экспедициях Ю.А. Билибина – первопроходца и открывателя золотоносности Колымы. Объехав и исходив большую часть территории Дальстроя, простирившегося по всей северо-восточной части страны, Алексей Петрович стал признанным знатоком геоморфологии, географии и многих особенностей природы этой обширной территории. Накопив воистину энциклопедические знания о Северо-Востоке, он стал к концу жизни обобщать их в статьях

¹⁷ Георгий Карлович Вагнер – ученый, художник, человек. Москва: ИМЛИ РАН, 2006. 463 стр.

фенологической, географической, ботанической, орнитологической и других направленностей. Вот за этими-то «Записками» я и захаживал в музей, если не удавалось их найти в книжных магазинах и лавочках. Здесь они задерживались дольше всего...

В один из дней мы с другом отправились в единственный в стране музей Вадима Алексеевича Козина. Мне ещё довелось слышать концерты этого великого певца в Магадане, где он изредка выступал – то во Дворце Профсоюзов (теперь – Центр Культуры), то в других местах. Вадим Алексеевич не был особенно в чести у местных властей, о нём в 1970-е годы практически не упоминали советская пресса и телевидение. Будучи пенсионером, он подрабатывал редкими концертами в самом городе и в некоторых ближайших колымских посёлках. Запомнилось, что его обычно сопровождали какие-то пожилые дамы, которыми он строго руководил. Не помню, кто ему аккомпанировал, но иногда к роялю садился и он сам. Его пение производило на публику очень сильное впечатление, и владельцы магнитофонов (особенно японских, которые тогда могла купить только местная «номенклатура») пытались его записывать. Но записи эти, конечно, не шли ни в какое сравнение с его голосом лирического тенора, так волнующим слушателей.

В те времена областью правил первый секретарь Магаданского обкома С.А. Шайдуров – ставленник геолого-партийных структур. Область бурно развивалась, росла экономика, открывались новые прииски на Колыме и на Чукотке, строились гиганты энергетики (Билибинская атомная, Колымская ГЭС), расширялись научные исследования. Сюда ехали специалисты со всей страны – из Москвы, Ленинграда, Прибалтики, Украины... Прилетали даже предприимчивые студенты, чтоб подработать в старательских артелях. В самом Магадане проживало много бывших колымских «сидельцев» и вольнонаёмных специалистов – людей интеллигентных и эрудированных. В условиях сурового климата и небольшого по масштабам города все это создавало неповторимую атмосферу дружеского общения в домашних условиях или в тогдашних кафешках и ресторанах. Однако за творческой интеллигенцией чувствовался неусыпный пригляд «недремлющего ока»...

Всё это вспомнилось мне, когда мы с Сашей шли по проспекту Карла Маркса от «Восхода» в сторону Магаданского театра. На проспекте стояли тумбы с историческими фотографиями старого Магадана – остатки оформления праздника 90-летия города. Юные продавщицы, вероятно, сами еще школьницы, продавали в павильончиках карандаши, тетрадки и всякую мелочь, необходимую школьникам к 1 сентября. В скверике с фонтаном, из которого пили воду вездесущие магаданские голубы, мы увидели на скамеечке

сидящую фигуру пожилого человека. Это был памятник Вадиму Алексеевичу Козину, отлитый в бронзе. Памятник изображал усталого, даже старого человека, наскоро одевшего короткое пальтецо и валенки, словно только что вышедшего из дому без головного убора, но с любимой кошкой на руках, чтобы подышать свежим воздухом, и здесь, на скамейке, погрузившегося в раздумья. Человек-памятник сидел на краю скамейки и всем своим видом словно располагал к общению. Памятник, несомненно, был очень удачен, хотя и несколько грубоват в исполнении. Он передавал характер и обстоятельства жизни великого певца, хотя, на мой взгляд, смотрелся мрачновато. Впрочем, мрачной была и большая часть его жизни после того, как его насильно вырвали из круга родных и творческих людей, из состава Московского Союзконцерта, и выслали по приговору Особого совещания НКВД в 1944 г. на дальнюю окраину страны на 8 лет «за пропаганду и агитацию» (статья 58-я УК РСФСР). Восемь лет превратились в добрые полвека! А до высылки он пел в цыганском хоре, потом на эстраде, имел бешеную популярность благодаря необычному природному голосу и умению задушевно исполнять свои и чужие тексты песен, имел и близость к вождям. Последнее обстоятельство и сказалось самым трагичным образом на его судьбе! К счастью, нашлись трезвые умы, решившие не помещать его за колючую проволоку, а использовать по назначению и таланту. В.А. Козин активно выступал в культбригаде и в Эстрадном театре Маглага. Благодаря большому числу выступлений, был досрочно освобожден осенью 1950 года, после чего и поселился в Магадане. И кем он только после этого не работал, и чем только не занимался – был хударком ансамбля песни и пляски клуба им. Дзержинского, начальствовал над клубом 7-го транзитного городка, работал старшим библиотекарем областной библиотеки, гастролировал вместе с концертной бригадой областного театра им. Горького по всей Сибири (целых 10 месяцев!) – от Урала до Дальнего Востока, где участвовал в 205 концертах... Трудно сказать, почему певец не вернулся в родной город, ставший уже Санкт-Петербургом, после своих злоключений, однако следует вспомнить, какие перемены произошли с тогдашним Ленинградом в результате войны и блокады... А ведь он родился в Санкт-Петербурге в 1903 году.

Перед поездкой в Магадан я получил письмо от друга нашей семьи, питерского поэта и общественного деятеля Николая Николаевича Брауна, с просьбой непременно посетить музей и передать его директору просьбу уточнить, какие тексты исполнял Вадим Козин на стихи его отца – известного ленинградского поэта Николая Леопольдовича Брауна. Сам Николай Николаевич глубоко чтит память Вадима Козина и принимал участие 28 октября 2004 года в открытии мемориальной доски на доме его деда в Санкт-Петербурге на Малой Посадской, 20. Обращаясь к руководству и сотрудникам музея, Н.Н. Браун написал сопроводительное письмо, в котором значилось:

«Имя Козина в моей жизни звучало с отроческих лет. Его пение многократно слушал мой отец, замечательный русский поэт Николай Леопольдович Браун. Конечно, в нашей семье были его пластинки, в том числе с печатями «обменный фонд». Но мне запомнилось, что отец не раз говорил: грампластинки не способны передать ни нежный лирический

тембр его голоса, ни его природный сценический артистизм, ни исполнительское обаяние. А поскольку пел он без микрофона, который заведомо вносит свои искажения в звук, были слышны тонкие оттенки смысла, особенная сердечность в его обращении к слушателю, доверительность и задушевность. Именно так пояснял отец его искусство. В те, советские годы, оглушающие лозунгами и призывами к строительству новой, «пролетарской жизни» и к «мировой революции», его искусство воспринималось как желанный контраст всеми, помнящими Россию с её прежними песенными традициями, особенно ещё уцелевшим старшим поколением. Его концерты утоляли душевную потребность людей всех бывших сословий, к одному из которых принадлежал Козин.

На стихи Николая Леопольдовича Брауна Вадим Козин исполнял 9 песен. Подтверждение этому я нашёл в Интернете. Но мне известны только две: «Заката лучи догорели» и «Россия». Обращаюсь к Вам с просьбой: при возможности, отыскать остальные»...

К письму прилагался текст песни, ранее неоднократно исполнявшейся Н.Н. Брауном-младшим перед разными аудиториями:

*Николай Ник. Браун
Слова и музыка*

*Вадиму Козину, Петербуржцу в Магадане
Песня*

Он, внук цыганки Паниной Варвары,
Взяв от её костра репертуар,
Прямой наследник таборной гитары,
Семь струн-лучей всем сердцем принял в дар.
Его отец, – поднимем жизни планку, –
Был питерским купцом в расцвете сил.
Просватал он красавицу цыганку.
По Петербургу первый «Benz» водил.
Что было дальше? Беды и невзгоды
Настигли петербургскую семью,
Конечно же, с семнадцатого года,
У гибели России на краю.
Петь стал Вадим сперва в концертах сборных,
В кинотеатрах питерских – «Колосс»,
«Гигант» и «Капитолий», где, бесспорно,
Успех его в аплодисментах рос.
Любя оттенки белого романа,
Он «Утро» нам «туманное» дарил,
Затем с разгульной удачью цыганской
Гнал тройку с ямщиком, что было сил...
В войну узнав тревоги боевые,
Он верил: Родина в душе жива,
О несказанной красоте России

Он пел – на моего отца слова.*
 Звучали на фронтах его концерты.
 Пел о любви он на передовой.
 Не славил он вождей, живых ли, мёртвых.
 В итоге – срок «по пятьдесят восьмой».
 Вдоль всей страны – этап до Магадана
 (Срок восемь лет – ведь всё ж не двадцать пять!),
 Там – след седины от стольких «утр туманных»,
 Мороз – под пятьдесят! – не даст скучать.
 Там повстречал любимых он артистов.
 На сцене лагерной не одинок,
 Со скрипачом лихим и баянистом
 Весь Магадан влюбить в себя он смог.
 С бульваров не парижских – магаданских! –
 Летел, сквозь всю метельную страну,
 Тембр голоса, магически-цыганский,
 Храня искусства тайну не одну.
 Его пластинки за Полярным Кругом
 Любили звёзды сцены и ЗеКа...
 В Сиянье Северном над Петербургом
 Душа его светла и высока!
 17 сентября 2007 года. Келломайки-Комарово

И письмо, и текст песни лежали у меня в папочке, когда мы отдохали в скверике, немного не дойдя до музыкально-драматического театра им. М. Горького. В соседнем доме, украшенном ликами первопроходцев Севера, когда-то находилось небольшое кафе, куда мы с сослуживцами бегали обедать. Сквера тогда не было, да и В.А. Козин тогда жил по другому адресу – их у него в Магадане было несколько.

Мы внимательно осмотрели памятник, сфотографировались возле него и отправились в музыкальный салон и музей-квартиру В.А. Козина, где он проживал в конце своей жизни. На стене подъезда с высоким крыльцом (зимой оно наверняка становилось скользким и небезопасным!) висела табличка и звонок, сигнализирующий сотрудникам музея о появлении посетителей. После нажатия кнопки дверь открылась, и мы поднялись на пятый этаж обычного жилого подъезда. Средняя дверь вела в салон, мы вошли в прихожую, где нас уже ждали несколько сотрудниц. Директор музея в момент нашего визита отсутствовала, и из нескольких сотрудниц нами занялась одна, которая представилась как Наталья (полное имя – Наталья Викторовна Белошицкая). Она оказалась эрудированной и компетентной собеседницей. В прошлом ей пришлось быть корреспондентом районной колымской и городской магаданской газет, но в связи с сокращением фронта журналистской работы уже несколько лет как перешла на работу в музей. Очень обстоятельно она рассказала нам о жизни В.А. Козина в Магадане, о непростом отношении к нему со стороны различных сменявших друг друга

властей второй половины XX столетия, о непростом быте великого таланта, достойного лучшей участи и судьбы.

Наталья Викторовна показала нам крохотную квартирку Вадима Алексеевича, рассказала историю музыкального салона, возникшего уже в конце жизни певца, когда постперестроечная власть, наконец, поняла, что prošля и настоящая слава певца Козина отбрасывает и на неё свой облагораживающий свет.

В течение двух часов мы перебрали множество тем, но кульминация была достигнута, когда я достал из своей папочки распечатку песни Н.Н. Брауна-младшего, посвящённой В. А. Козину. Присутствовавшие при этом сотрудницы музея по очереди ознакомились с текстом, по-разному комментируя его. Тут же был принесён огромный альбом, посвящённый памяти Козина, и в списке его песен сразу были найдены ссылки на тексты Николая Леопольдовича Брауна. Мое замечание о том, что позднее могут быть найдены и присланы в распоряжение музея дополнительные аудиозаписи песен, исполняемых сыном Н. Л. Брауна, вызвало очень эмоциональную и положительную реакцию... Живая творческая связь с музеем была установлена, протянулась ещё одна нить, соединяющая центры кристаллизации русской культуры...

Напоследок я сделал соответствующую запись в толстом гроссбухе почётных посетителей, указав свой адрес и телефон для возможной связи...

И в самом музее, и после я припоминал, что когда-то уже сидел в тесной козинской квартирке с книгами, стеллажами и картинами над пианино, в памяти остался след простого разговора о подмосковных дачных пригородах, скорее об их насельниках, которые почему-то его интересовали. Я мог попасть к нему в дом с Мироном Этлисом или с Виктором Кошелевым, с которыми пришлось перебивать во многих домах – в те времена почти весь Магадан легко захаживал друг к другу в гости. Увы, память человеческая несовершенна, а спросить уже не у кого! Осталось только навестить всех троих на Марчеканском кладбище...

Мирон Маркович Этлис

Эта невесёлая мысль подвигла меня отправиться в Северо-Восточный университет (бывший областной пединститут), с которым меня когда-то связала студенческая практика по природоведению. О последних годах жизни Мирона (а для меня он так и остался под этим именем!) мне могли рассказать только там, потому что раннего Мирона я хорошо знал и по совместной работе в начале 1970-х, по общим застольям, и по его приездам в Москву, когда он, наполненный живой энергией, приезжал в очередной раз разминивать свою жилплощадь.

Писать однозначно о Мироне невозможно: он был многогранен, как всякий талант – легко импровизировал и рифмовал¹⁸, дарил и раздавал

¹⁸ Запомнился выпуск новогодней стенгазеты, в которую Мирон экспромтом предложил посвящение одной коллеге:

остроумные анекдоты и парадоксальные проекты; его характер и наклонности постоянно вылезали, выпирали и вторгались в такие сферы, которые давным-давно были кем-то «приватизированы», задевали чей-то интерес и – не дай Бог! – чью-то власть. Такие люди почти всегда раздражают начальство и их стараются «убрать». Так что овсе не случайно и Мирон с 6-го курса Рязанского «меда» прямиком оказался под Джезказганом и Экибастузом, в тех самых каменоломнях, где за 20-минутный перекур, отбиваемый по рельсу, можно было прослушать, к примеру, краткую лекцию о последних достижениях ошельмованной науки генетики. Спустя несколько лет в тех же краях «сидельцам» с незавершенным медицинским образованием разрешили сдавать экстерном экзамены на врача в недавно открытом Карагандинском мединституте. Мирон сдал, стал дипломированным психиатром и, вернувшись домой, устроился на несколько лет в столичную скорую психиатрическую помощь.

Из его уст я слышал рассказ о том, как однажды ему пришлось перейти по узкому карнизу из номера в номер общежития в главном здании МГУ на Ленинских (теперь – Воробьевых) Горах. В одной из комнат заперлась старшекурсница, «слетевшая с катушек» из-за несдачи какого-то важного экзамена. Я потом рассматривал этот карниз на 9-м этаже – даже с земли жутковато представить, как по нему можно пройти от окна к окну! Но для Мирона были характерны смелость и решительность. Может быть, в силу таких свойств характера он и уехал в Магадан в начале 1960-х. Здесь он неоднократно женился, останавливая свой выбор преимущественно на своих пациентках (ухаживать за другими дамами у него просто не было времени!). Позднее, когда приходилось разводиться, он брал большой северный отпуск и ехал в столицу. В московском Бюро обмена он просматривал каталоги и выстраивал длинную обменную цепочку таким образом, чтоб оставить для разводимой супруги оптимальную площадь, а себе обрести комнатёнку, в которой за ним могла бы сохраниться столичная «прописка», столь важная в те времена. Мне всегда вспоминается мироново благородство, так контрастирующее с современными историями разводов какого-нибудь успешного актера или бизнесмена, которые смакуются по «ящику» «журналюгами» – сколько мерзкого мусора и склок выворачивается на публику под вывеской «пиара»!..

Однажды Мирон появился в Москве и попросился заночевать (сам я ночевал у него многократно, когда из-за непогоды не мог попасть в общежитие на Пионерный). Поутру довелось быть свидетелем сложного аналитического действия – на старинном письменном столе моего ученого тестя (добавлю – двугумбовом, что сразу скажет о его размере!) поднявшийся рано утром Мирон раскладывал сложный «пасьянс» из каких-то бумажных карточек и квадратиков. Все это перемежалось бодрым комментарием и его

Она как женщина Востока
Черна, томна, и волоока,
Но холодна – ей дал урок
Суровый северо-восток!

телефонными звонками разным персонам. Невыветрившийся с вечера хмель не позволял мне уловить идею в его действиях, но к обеду Мирон удовлетворенно провозгласил: «Сошлось! Все согласны! Еду в Бюро!».

При том ханжестве, которое культивировалось в научных организациях различными «комитетами» и «активами», открытых путей для Мирона было немного, но его относительную интеллектуальную свободу никакие администрации ограничить не могли. Но и в этих условиях ему, конечно, было нелегко, хотя прямо он почти никогда не жаловался на обстоятельства и притеснения, находя выход в каких-то нетривиальных поступках и решениях.

Человек живой и общительный (даже сверхобщительный), он в свое время предложил Николаю Алексеевичу Шило, тогдашнему директору института, член-корреспонденту АН СССР, создать лабораторию физиологии человека на Севере в память о тех заключённых, которые провели многие годы в лагерях на Колыме и Чукотке. Николай Алексеевич поддержал и расширил инициативу Мирона и, в свой черёд, решил открывать не лабораторию, а специальный отдел с последующим постепенным преобразованием его в институт изучения проблем северной биологии. (теперь – Институт биологических проблем Севера ДВО РАН). Сам Мирон занимался изучением проблем алкоголизма, пытаясь выяснить, какие именно алкогольные напитки ускоренно приводят к деградации личности. Мы, конечно, пошучивали над такими исследованиями, которые, к тому же, считались закрытыми по линии МВД. Только позднее станет известно, что получились серьёзные результаты и что эти исследования проводились в русле разработок Тихоокеанского океанологического института, в лаборатории фармакологии, руководимой известным дальневосточным ученым И.И. Брехманом¹⁹. Лаборатория занималась изучением и внедрением в практику адаптогенов – веществ, широко используемых в современной медицине и в самых различных сферах деятельности людей. Они-то частично и были позже внедрены в практику советской винно-водочной промышленности...

Однажды, когда его особенно стала доставать «партгруппа» нашего отдела, Мирон пришёл на новогодний вечер в мундире «лазоревого полковника»²⁰, заимствованного из театральной костюмерной. Костюмчик сидел на Мироне идеально, сотрудники пришли в бурный восторг, а «партийцы» то ли что-то поняли, то ли его шутка понравилась и им, но нравы смягчились и притеснения на время утихли...

Просматривая сборник Игоря Кохановского, купленный у магаданской

¹⁹ Мир человека тесен – убеждаешься в этом, столкнувшись с удивительным перекрещиванием человеческих судеб. Израиль Ицкович Брехман перед войной был курсантом Военно-морской медицинской академии, в которой кафедрой физики заведовал мой будущий тесть Леонид Николаевич Курбатов. По возвращении в Москву мне пришлось работать в лаборатории, возглавляемой тоже бывшим курсантом этой Академии, который тогда же выходил из блокадного города. В мемуарах Л. Н. Курбатова описана драматичная картина эвакуации курсантов под командой преподавателей по льду Ладоги в декабре 1941 г.

²⁰ В царскую эпоху – Начальник 3-го отделения Канцелярии Е. И. В. (См. А.К. Толстой «Сон Попова»)

книжницы, я случайно наткнулся на строчки, которые более всего подошли бы к описанию личности Мирона в условиях той поры:

«Живу в блокаде дурновкуся
Книг, сериалов, песен, пьес...
Все это тягостно и грустно,
Но плёбс возносит до небес.
И очень редко, как сквозь тучи,
Как сквозь ненастный мрак зимы,
Таланта искромётный лучик
Мелькнёт и канет в бездне тьмы...»

Вот таким искромётным лучом мне запомнился этот человек, не канувший в бездну казённости и не растворившийся в административно-партийном или сменившем его капиталистическом озверении...

Зайдя в институт, я лишний раз убедился, что никакое серьёзное дело невозможно совершить в сезон отпусков – жизнь теплилась только в библиотеке, где добрые женщины нашли для меня небольшую брошюру, выпущенную в память Мирона Марковича Этгиса – «советника президента Северного международного университета (ныне СВГУ), общественного деятеля, сопредседателя областного общества "Мемориал", известного магаданского публициста и литератора, учёного-исследователя, работавшего в академической и университетской науках». Большую часть брошюры занимал список статей и трудов Мирона. Мы внимательно просмотрели страницу за страницей и пришли к выводу, что ни по одному из современных критериев эти труды не были бы зачтены как научные – ни в современной реформируемой РАН, ни в системе российских университетов. Но критерии-то не наши, а разработанные и заимствованные за пределами нашей страны! Так что если им поверить, то и Мирона не было, и российской науки до прихода активистов «дурновкуся» тоже быть не могло...

«Нет, ребята, всё не так... Всё не так, ребята!»²¹...

Магаданские памятники

Несомненной достопримечательностью современного Магадана стали появившиеся в значительном количестве новые памятники и скульптуры. Такому украшению городской среды местные власти в последнее время явно придавали особое значение. И это не только традиционные монументы, посвященные Великой Победе нашего народа, не только уже упомянутая Аллея памяти и часовня на ней, но и специальная часть старого Марчеканского кладбища, где на Мемориальной аллее фронтовиков продолжают с почётом хоронить участников той страшной войны. Белые обелиски на этом участке, действительно, смотрятся как торжественно замершие шеренги!

В центре города появились бюсты Юрия Билибина – первооткрывателя месторождений колымского золота и Эдуарда Берзина – первого начальника

²¹ В.С. Высоцкий «Все не так как надо!» (песня)

Дальстроя, который сам был оклеветан своими сподвижниками и, как и многие, репрессирован. Появились еще монумент Основателям Магадана и Узел памяти, скульптурная композиция певцу и композитору В. Козину, памятник В. Высоцкому на смотровой площадке над Бухтой Нагаева, – всё не перечислить! Есть даже небольшие бронзовые скульптурки животных – моржа, песца, полярного суслика евражки и других. А в Приморском парке создана фигура зубатого кита-косатки из сваренной сетчатой оболочки, которая наполнена морскими камнями.

Возможно, самый замечательный памятник из всех – «Время», поставленный в том же Приморском парке. На меня он произвел наиболее сильное впечатление. Скульптор Ю. Руденко собрал его из множества деталей и частей от разных механизмов и машин, которые в совокупности создают фигуру старого сутулого мамонта. Зверь получился весьма внушительного размера, его масса и грузное рыжее тело еще издали производят ошеломляющее впечатление, которое только усиливается, когда приближаешься к нему и когда в глаза бросаются все эти многочисленные шестерни, диски и а теперь утратившие свое предназначение и ставшие пригодными лишь для создания фигуры мощной, но давно вымершей животины. Эта особенность скульптуры не всеми посетителями парка и не сразу осознается, но потом наводит на философские размышления не только о судьбе человеческого труда (сколько его здесь было вложено – одни брошенные колымские поселки чего стоили!), но и о судьбе человечества в целом. Ныне эта тема как бы нависает над сознанием многих людей, особенно – близких к природе, негативные процессы в которой становятся все более явными и заметными.

Вдвоем с Сашей мы долго рассматривали этот замечательный и глубоко символичный монумент, сами фотографировались возле него и с удовольствием фотографировали других, просивших запечатлеть их на фоне этого образного воплощения Времени. Не все ушли сразу, я видел, что некоторые подолгу стояли в раздумье поблизости...

...Дня три Магадан поливали дожди, порой они приобретали просто характер стихии – по телевидению в новостях передали, что в нескольких местах размыло Колымскую трассу, и значительный её участок, длиной чуть ли не в 300 км, стал непригоден для сквозного движения. В городе и в ближайших к нему поселках в аварийном порядке была мобилизована

ремонтная техника и брошена на создание временных объездов, чтоб хоть как-то по временным объездам задействовать дорогу для провоза грузов и пассажиров. Телекомментаторы и местные жители не однажды помянули закрытие «бесперспективных» поселков, в которых в свое время жили и смотрители трассы, обязанностью которых, кстати, было следить и предотвращать аварийные ситуации

на этой в буквальном смысле стратегической дороге, связывающей Магадан с Якутском. Новый губернатор С. Носов – человек чрезвычайно активный и деятельный, – проводил бесконечные совещания, «выбивал» средства и, наконец, заявил, что трассу надо перепланировать и перестроить заново на современный лад! А совсем недавно стало известно, что на высшем областном уровне принято решение о финансировании ремонта брошенных капитальных домов, сохранившихся на трассе и в прилегающих поселках. Территория требует приложения человеческого труда – маятник пошел обратно!..

Уловив перерыв в деятельности циклона, мы с другом решили, наконец, посетить главный и самый известный памятник Магадана – «Маску скорби» Эрнста Неизвестного. Мы давно присматривались к этому не всегда заметному из города серому пятну на боковом склоне сопки... Дорога к памятнику начиналась где-то в верхней части Колымского шоссе, которое спускается по пологому склону к речке Магаданке. Туда вверх, навстречу потоку машин, мы и двинулись. Не находя нужного указателя к памятнику, стали спрашивать у встречных дорогу к нему. Наконец нашёлся довольно обычный проулок среди каких-то разнокалиберных построек, отдельных жилых зданий, гаражей, хибар и огородов.

После долгого подъёма среди низкорослых зарослей ольховника и отдельных молодых лиственниц, свидетельствующих о прежнем распространении здесь натуральной тайги, мы вышли на обширную асфальтированную площадку, предназначенную для различного транспорта. На ней не было ни души. «Маска скорби» находилась ещё выше, к ней предстояло подниматься по узкой лестнице с перилами. Поднявшись, мы оказались возле этого памятника, в котором абсолютно все его детали, цвет и отдельные фигуры вызвали настолько гнетущую тоску, что каждый из нас стал ощущать чисто физический дискомфорт. Если скульптор хотел создать такой эффект, то, конечно, он его достиг теми нехитрыми средствами, что были в его распоряжении и что рождала его фантазия... Мы осмотрели памятник со всех сторон, прошли по всем смотровым площадкам возле него и сделали вывод, что повторно сюда мало кто захочет прийти. Возможно, подтверждением нашей мысли стало и то, что за всё время нашего пребывания здесь не появилось ни единой живой души. Правда, одиночный внедорожник, управляемый молодой дамой, приехал и остановился в центре стояночной площадки. Против заднего сиденья открылось окно, в него выглянула дама неопределённого возраста. В четверть минуты она окинула взглядом сам памятник, склон сопки, дальние постройки и тут же авто уехало обратно. Другой живой душой был уборщик, обошедший все дорожки и площадку в

поисках мусора. Над сопкой стояла абсолютная тишина. В стороне покрякивала одинокая кедровка, перелетая между кустами кедрового стланика. Посвистывала мелкая пичуга...

Такая тишина хорошо очищает память и в ней всплывает давно забытое. Я стал догадываться, почему Мирон настаивал на скорейшей установке памятника на этом «бесхозном» склоне, хотя, конечно, никакого «пересыльного лагеря» здесь быть не могло по определению – лагерь был где-то там, внизу, возле шоссе. Мудрый Мирон прекрасно понимал всю эфемерность власти временщика и спешил «ухватиться» за любой вариант возведения этого монумента...

Стоя на мокрой площадке, я припомнил несколько наших бесед, которые мог спровоцировать в своих фантазиях и гипотезах неуправляемый Эдик Ахназаров. Все мы уже тогда, в 1970-е годы сомневались в бесконечно повторяемых идеологических догмах. Эдик, как ученый-системщик, утверждал, что при такой искусственности идеологии государство долго не протянет. Мирон же, ссылаясь на опыт французской революции и знание психиатрии, был убежден, что в обществе всегда может появиться группа фанатиков какой-нибудь идеи, которая может повести народ куда угодно, если народ чем-то недоволен или если не верит своим вождям ... Не скажу, что это было предчувствие того распада, который обрушил нашу страну через два десятилетия, но уже тогда мы улавливали диссонанс между идеологическими призывами верхов и морально-нравственным состоянием вокруг нас. Не потому ли сейчас провозглашено, что нынешнее государство строится без идеологии?

То, о чём мы тогда спорили и что предчувствовали, сегодня стало наукой управления обществом, технологией «цветных революций», в которых тонко используется биосоциальная сущность человека. При всей сложности своей организации современный человек, пользующийся сложным речевым общением, способностью к построению и передаче абстрактных понятий, системой накопленных знаний в виде науки и т. д., все равно хранит в своей психике обезьяноподобного предка с животными инстинктами и рефлексам, порой красиво оформляемыми речами, богатством, верными соратниками и другой атрибутикой современности. Обо всем этом сегодня можно прочесть в популярном и одновременно фундаментальном труде Ноя Харрари²² или в книге Дугласа Кенрика²³, обобщивших сотни новейших научных публикаций. Можно сколько угодно спорить о деталях и частностях, но суть человеческая от этого не изменится...

Вспоминается бессмертный сарказм замечательного натуралиста Б.М. Житкова, который почти век назад почувствовал звериное начало в *человеке разумном*, которого «строители светлого будущего» освободили от веками пропагандируемой церковью морали и нравственности. Колымские

²² Юваль Ной Харрари. Sapiens. Краткая история человечества. М.: «Симбад», 2011. 570 с.

²³ Дуглас Кенрик. Инстинкты и смысл жизни. Почему в нас так много животного. СПб.: Изд-во «Питер», 2017. 256 с.

лагеря и многое, что им предшествовало и последовало, пронстекли именно от этого, не зря русский гений констатировал простую истину: «во всех стихиях человек – тиран, предатель или узник»... Жаль, что в современных «школах» и «университетах», готовящих смену современной административно-бюрократической «элите», преподают только гуманитарные дисциплины, но не знакомят этих людей с основами биосоциальной психологии, которая уже более полувека под разными названиями разрабатывается в американских университетах. И такое пренебрежение человеческой сущностью не может не вызывать настоящей тревоги за будущее страны...

Посёлок Ола и село Гадыя

После неудачного визита в практически пустой СВГУ я решил посетить места, где проходила природоведческая студенческая практика в окрестностях Магадана. Саша согласился меня сопровождать и, дождавшись окончания дождей, мы сели в автобус до Олы и почти через час я попросил водителя притормозить у спуска к урочищу Нюкля. Мне не раз приходилось бывать на этом побережье Тауйской губы, а сейчас хотелось показать ее красоты своему товарищу, который никогда здесь не был. По довольно крутой, но проезжей дороге, мы спустились к воде, любуясь по пути куртинами иван-чая и неизвестного мне ромашковидного растения, густо рассыпавшего свою желтизну по всем склонам и обрывам морского берега. Тауйская губа слегка туманилась, слева проступали горные контуры полуострова Кони, прямо возвышался из воды остров Завьялова, а правее были видны низко расположенный Магадан и возвышающаяся над ним Марчеканская сопка с оконечностью полуострова Старицкого...

Этот великолепный пейзаж не портила даже взмученность вод, широким потоком приносимых сюда речкой Олой. На побережье стояло множество машин, отдельные передвижные домики, палатки и какие-то временные сооружения из полиэтилена. Вдоль уреза воды перемещались тысячные стаи тихоокеанских чаек (возможно, включая и тех, что уже отгнездились на крышах Магадана и Олы). Осмотревшись, мы увидели тут и там отдельные тушки и головы рыбы-горбуши. Точно такую же картину я уже видел на отмелях бухты Нагаева... В поле зрения можно было насчитать несколько десятков рыбаков – одни стерегли свои удочки дальнего заброса, другие рыбачили с лодок, кто-то чинил или перебирал сети... Женщины у машин чистили и обрабатывали рыбу. Горбуша шла на нерест. Понятно, что пищи для чаек было в избытке. Вот откуда пополняется та гнездовая популяция на крышах жилых домов и служебных зданий Магадана!...

Мы осмотрели остатки заброшенного рыбзавода с огромными чанами, облицованными деревянными досками – отсюда снабжались магаданские гастрономы икрой и соленой рыбой. Доски настолько просолились за годы эксплуатации, что избыток соли выступал на их поверхности до сих пор, спустя десятилетия. Между чанами на гальке небольшими пятнами цвели милые северные очитки изумительного малинового окраса. Двигаясь вдоль

пляжа, мы вышли к двум скальным останцам пирамидальной формы, которые кем-то весьма удачно были названы «сахарными головками». За ними со стороны поселка поставлен памятник первой экспедиции, высадившейся здесь под руководством Ю. Билибина на поиски колымского золота. В литературе до сих пор встречаются сомнения, относительно места высадки – получается, что вроде как это место – явно неудачное, весь груз экспедиции нужно было потом переправлять на противоположный берег реки, где и находился старинный поселок Ола. Однако даже с побережья нам была хорошо видна длинная отмель, которую намывает река при своем впадении в Тауйскую губу. Это означало, что гадлинский берег был выбран для выгрузки экспедиции отнюдь не случайно.

Неподалеку от памятника первой экспедиции воздвигнут иконостас, где иногда осуществляются религиозные службы. Встреченный нами местный ихтиолог высказал возмущение тем, что под предлогом этих служб местный священник неподалеку построил себе загородный дом с нарушением границ водоохранной зоны. Мы уклонились от солидарности с его чувствами, хорошо представляя себе масштабы нарушений природоохранного законодательства в Подмосковье (да и в Центральной России вообще) в условиях торжества современного «дикого» русского капитализма.

В посёлок Ола посуху можно было попасть, лишь пройдя несколько километров по отсыпанной гравием дороге. Высоко над разливом взмученной от дождей реки пролегал новый мост. Старый, к которому вела узкая лента забытого асфальта, остался в сторонке и лежал заметно ниже. Припомнилось, как с университетским зоогеографом Вадимом Виноградовым (ныне покойным – коротка человеческая жизнь!) мы поздним октябрьским вечером, возвращаясь в Олу, постучали в будочку охранницы старого моста, чтобы справиться о времени последнего магаданского автобуса. Пьяная баба в ответ на наш вопрос понесла какую-то невнятную околесицу, а когда мы уже отошли, вдруг распахнула дверь и вышвырнула наружу маленького котёнка, сопроводив его матерным напутствием. Запомнилось, как ярко осветились волны стремительной реки, игравшей своими струями даже в таком слабом свете...

Сейчас трехвековая Ола застроена многоэтажными домами, раскрашенными в теплые цвета. Я не узнал поселок, который когда-то был застроен только в центре приземистыми двухэтажками, а большая его часть состояла из частных строений (порой откровенно ветхих хибарок). Теперь, этот старинный поселок имеет статус городского и, как ни странно, числится вторым во всей Магаданской области по числу жителей, которых насчитывается в нем больше шести тысяч. Даже единственный колымский город Сусуман не дотягивает до этого уровня! В Магадане мне говорили, что именно сюда предпочитают переезжать обитатели многих «бесперспективных» и закрываемых поселков на Колымской трассе. Оно и понятно – в Оле имеется целый набор работающих предприятий, магазины (в том числе роскошный сувенирный), две школы, дворец культуры, церковь;

детские площадки и цветники придают поселку благоустроенный вид. Что важно – имеется и хорошая связь с близкой областной столицей, куда можно ездить на работу.

Мы обошли поселок, который выглядит, скорее, как городок, и в какой-то момент увидели, что от автовокзала отходит небольшое маршрутное такси, в стекле которого виднелась табличка «Гадля»... А ведь это именно то замечательное место, куда я так стремился попасть, чтобы найти давние следы студенческого лагеря на берегу реки, найти тот приборный огромный камень, от которого можно было оттолкнуться и попасть в обжигающий холод горного потока – и он вмиг промчит несколько сотен метров и замедлится ровно напротив того мелководного заливчика, где уже с раннего утра так хорошо прогревается вода и где можно долго отходить от ломоты в костях, порожденной ледяными струями. И все это под пристальным взглядом белоплечих орланов, разделяющих на другом берегу рыбу тушку и чутко прислушивающихся к залившимся трелям охотского сверчка или королевой пеночки... Мы громко закричали и бросились вслед за маршруткой. Внимательный водитель притормозил, и мы попали в число пассажиров – трёх девочек-старшеклассниц, угрюмой озабоченной старухи и неопределённого возраста мужичка с бойким взглядом. Когда-то я ходил пешком по грейдеру этой дороги, теперь ее обступал со всех сторон молодой лиственничник, и маршрутка быстро неслась по хорошему асфальту...

Село Гадля я не узнал – в былые времена оно состояло из одноэтажных домишек, в доброй половине которых проживали эвены – представители коренного малочисленного народа. Их мужская часть занималась совхозным оленеводством, некоторые на все лето уходили со стадом далеко на Ольское плато. За околицей неподалеку были загоны для домашних олешек, где даже летом держали десяток-другой этих животных, а в начале зимы здесь производился забой значительной части совхозного стада. Русские мужчины занимались рыболовством, работали с техникой, что-то строили или шоферили. Некоторые женщины работали на звероферме, где разводили черно-бурых лисиц, и занимались огородничеством. Кроме управления вяло существовавшего совхоза-техникума, начальной школы, столовки, лавки да пустовавшей почты, кажется, в этом национальном селе никаких других общественных заведений тогда больше не было. Важным днём в жизни села была пятница, по этим дням в лавку завозили некоторое количество спиртного типа легендарного «Солнцедара»...

Как-то в 70-е годы, отшагав положенные километры от Олы, я вошел в село вслед за худенькой черноволосой пионеркой с набитым портфелем. Девочка спотыкалась, походка ее была неверной, что я объяснил себе размером и возможным весом ее портфеля. Но, когда ребенка особенно сильно повело в сторону, и она упала, я бросился к ней. Поднимая обмякшее тельце, спросил, что с ней? Ответ, как и характерный винный запах, меня поразил: «Сегодня же пятница!»... Оказалось, что у местных насельников существует традиция – делиться со своими детьми, тем «хорошим», что

потребляют сами... Число эвенков, проживающих ныне в селе, резко уменьшилось – примерно от половины до пятой части. В газетах обсуждается вопрос о восстановлении знаний национального языка и культуры.

В середине новой Гадли стоят такие же раскрашенные пятиэтажные дома, что и в райцентре Ола. В их нижней части открыты магазины, аптека, почта и все, что нужно современному жителю. Рядом виднеется памятник участника Великой Отечественной войны. Построен рыбоперерабатывающий завод «Тандем», на котором до последнего времени работают отнюдь не местные жители, а контрактные приезжие-корейцы. Но не внешние перемены интересовали меня – сердце рвалось увидеть реку в том месте, с которым связывали теплые и волнующие воспоминания. И я увлек товарища за околицу Гадли.

На грейдерной дороге простирались огромные лужи после недавно прошедшего циклона. Огороды с посадками картофеля тоже местами были подтоплены. Я не узнавал местность – не наблюдалось никаких следов оленьих загонов, более того, на их месте поднялись густые заросли молодых лиственниц.

Слева просматривалась невысокая дамба – защита полей от разливов реки. Лиственницы поднялись всюду, включая и пространство вдоль дамбы. Я остановился – эта местность мне была незнакома и неинтересна, время поглотило и полностью переформатировало прежний пейзаж... Поколебавшись, мы повернули обратно.

У магазина нам встретился попутчик по маршрутке, который спросил, что мы ищем. В разговоре он представился как профессиональный браконьер и, если мы хотим купить рыбу или что-то еще, то, можно не сомневаться, в любое время и в любом количестве он обеспечит, поскольку живёт здесь же, знает каждую тропинку и каждый куст, и, сколько бы за ним не гонялись здешние нацгвардейцы, поймать его им не удастся. Мы стали расспрашивать, почему сложилась такая нелепая ситуация, что когда-то насыщенные рыбой и олениной гастрономы Магадана и Олы не продают нынче такие продукты? Но в этот момент из переулка вывернулась попутка, и мы поспешили воспользоваться ею в преддверии очередной тучи, наплывающей из-за сопки...

...Мы ещё много бродили по городу, побывали на празднике «Куваевский костер», ставшем традиционным, посетили донельзя запущенный рыбный порт, который вызвал возмущение даже у представителя президента, разыскали и поклонились могиле Мирона на Марчеканском кладбище, любовались и восторгались уникальными агатами, коллекцией метеоритов и всем ошеломляющим антуражем естественно-исторического музея СВКНИИ под любезные объяснения экскурсовода Галины, и, в конце концов, улетели домой, чувствуя, что совершили большое дело и закрыли для себя какую-то жизненную недоговоренность или недосказанность...

Расставаясь в московском метро перед тем, как разъехаться по домам в разные стороны, я спросил Сашу: «Ну, как? Ты доволен поездкой?». «Да, конечно! – последовал ответ. – Теперь эта тема для меня закрыта, жизнь продолжается!» И мы погрузились в привычную московскую суету...

Недели через две, обменявшись с другом и спутником очередными электронными письмами и фотографиями, я увидел на экране компьютера приписку: «Снова тянет в Магадан!»...

Что тут скажешь – такой он, этот город на краю нашей России... Распрощаться с ним навсегда невозможно ...

Список иллюстраций

На титульном листе кроме фото автора:

1. Вадим Алексеевич Козин.
2. 10. Николай Леопольдович Браун. 1920. «Цех поэтов» Николая Гумилёва

В тексте последовательно:

1. Аэропорт в Магадане (Сокол) с 31.05.19 имени Владимира Высоцкого
2. Свято-Троицкий Собор на главной площади Магадана. Посвящён жертвам репрессий. Освящён 1.09. 2011
3. Памятник «Время» Юрия Руденко. Установлен 7.09.2013. Справа – автор статьи Владимир Воронецкий
4. Георгий Карлович Вагнер
5. Варлам Тихонович Шаламов
6. Памятник Вадиму Козину рядом с его Музеем-квартирой
7. Маска Скорби Эрнста Неизвестного на сопке Крутая. Памятник установлен 12.06.1996

Анастасия Куницкая

КОКТЕБЕЛЬСКАЯ СИМФОНИЯ

Папе, который всегда со мной

ПОЕЗД К МОРЮ

Из окна поезда смотрю на непрестанно убегающую, исчезающую из вида буйную зелень в обрамлении ясно-голубого неба с причудливым узором облаков. Природа стала заметно пышнее и южнее, хотя мы еще в целых сутках езды от Крыма, куда несется наш поезд, начиненный натруженными, притихшими, едва верящими в свое отпускное счастье пассажирами. Долго-долго смотрю в окно и вижу, как с каждым километром наполняется, напитьсявается солнечным светом мир.

Смотрю и шепчу, повторяю про себя, как молитву: еду к солнцу, еду в счастье, еду к морю...

РЫЦАРЬ УТРА

Люблю утренний, нешумный, неторопливый, едва пробудившийся ото сна июньский Коктебель²⁴. Дорога к морю ветвится потайными, не каждому знакомыми улицами и улочками. По пути то и дело возникают одноэтажные саманные домишки, бог знает кем и когда вылепленные. За облупленными заборами тянутся постоянные дворы с чередой неприхотливых курортных жилищ. Из-за высоких оград чванливо, сверху вниз, взирают на проходящих богатые коттеджи и безыскусные гостевые дома. А в глубинах дремучих садов прячутся, скрываясь от постороннего взгляда, старые коктебельские усадьбы, хранящие свои истории.

У калиток возлежат полусонные бесформенные собаки цвета придорожной пыли и подслеповато-равнодушно щурятся на солнце. Вдоль безлюдных улиц выстроились вереницы автомобилей, утомленных долгой изнурительной ездой. Из дворов уже слышны приглушенные ленивые голоса взрослых и звонкие дисканты детей, но еще никто не шлепает сланцами по мостовым, не вышагивает в купальных костюмах с надувными кругами и матрасами наперевес, не тащит круглых арбузов и продолговатых дынь под мышками.

В этот утренний час, когда я в благостном одиночестве держу свой путь к морю, мне встречается один человек. У него поджарое тело, длинные руки и длинные ноги, которые споро крутят педали допотопного советского велосипеда. Его обветренное загорелое лицо утопает в белоснежной пенной бороде и все лучится от счастья. Как его зовут, кто он и откуда – я не знаю. Но когда бы ни случилось нам встретиться, он широко улыбается и радушно кивает мне как старой доброй знакомой.

²⁴Коктебѐль – посѐлок городского типа на берегу Черного моря в юго-восточной части Крыма. С начала XX века популярен в среде русской интеллигенции как место отдыха и творчества. Традицию заложил поселившийся в Коктебеле и воспевавший его поэт и художник Серебряного века Максимилиан Волошин.

«Доброе утро!» – восклицает он, поворачивая ко мне свое доброе открытое лицо. – «Доброго вам, благословенного дня!» – и, не останавливаясь, едет дальше. Я смотрю ему вслед и вижу, как стремительно удаляется он в свою, отдельную от меня и всего мира, неведомую жизнь у подножья Кара-Дага.

Я неспешно иду на свидание с морем и в каждом шорохе, в каждом стрекотании слышу теперь это радостное, ликующее, животворящее утро. Доброе, щедро подаренное мне крымской землей и ее прекраснотушным рыцарем на стареньком велосипеде.

ТЕПСЕНЬ

Дорога к морю постепенно поднимается в гору. Под ногами – выжженные травы и сухая растрескавшаяся земля. В лазоревой оправе неба показался большой дом с белеными стенами и аккуратным палисадником. Стоит гордо и прямо, один на один с потухшим вулканом Кара-Даг, посреди безлюдного плато Тепсень²⁵. Как живется ему, пустившему новые корни на руинах погребенного под землей забытого мира? Видит ли он во сне узкие улочки средневекового города? Слышны ли среди шуршания трав шаги бесчисленных ног и перезвоны колоколов? Приносит ли ветер с моря шум давно разрушенного порта?

Опускаюсь на землю, прикладываю ладони к шершавой иссохшей земле и вглядываюсь в даль. Вот так же, быть может, сидела здесь тысячу лет назад загорелая черноглазая девчушка в простом платье из грубого сукна. Любовалась на вечные горы, восхищенно разглядывала акварельное небо, радовалась морю и весело бегущим кучерявым облакам. И думать не думала, что весь ее добрый, уютный мир с глиняными стенами домов, душистым запахом лепешек и монотонным бляением овец однажды уйдет глубоко под землю, растворится, исчезнет, как мираж. А новые, неведомые люди будут ходить по нависшему над мертвым городом земляному небу и любоваться *ее* морем, радоваться *ее* облакам и вечным горам. Ходить и не верить, что вечные горы тоже не вечны. И что этот понятный осязаемый мир однажды так же смешается с землей и навеки погрузится в холодную тьму.

Ложусь, прижимаюсь всем телом к колочим травам. Прикрыв глаза, вдыхаю горький запах полыни. И в сонной дымке встает передо мной полуденное глиняное небо, медлительно плывут отары облаков, пышет жаром круглая лепешка солнца. А где-то у линии горизонта, вне времени и пространства, пасутся пятнистые пестрые лошади, и девчушка с черными косами бежит и бежит, подставляя ветру смуглое улыбающееся лицо...

²⁵ Тепсень – городище, расположенное на южной окраине Коктебеля на территории плато Тепсень. Место городского поселения в VIII – первой половине X века н. э.

ШТОРМ

Штормит вот уже три дня кряду. С каждым часом море набрасывается на берег все яростней и непримиримей, как сварливая жена на непутевого забулдыгу-мужа. То катит мелкие, закипающие злобой, язвительные и колючие волны, скрежеща зубами прибрежной гальки. То окатывает ледяными струями и брызжет пенистой слюной, выплевывая сгустки черных водорослей. А то замахивается и со всей дури яростно бьет наотмашь. Берег лежит, сгорбившись, низко пригнувшись, и лишь виновато-покорно перебирает мокрыми подгулявшими камнями.

Наконец, обессиленное собственной злобой, море вскидывает последние мутные волны и нехотя отступает.

На следующее утро по-королевски спокойное, облаченное в бирюзовое с серебром гофрированное платье, море торжествующе сияет и величаво колышет юбками. Оно благодушно приобнимает побежденный в многодневной битве берег и снисходительно поглаживает его мягкими нежными волнами. А сонный, потирающий намятые бока берег ластится и с немym обожанием припадает к струящимся ажурным кружевам.

ЛУННОЕ ЗАТМЕНИЕ

Крымская ночь готовит грандиозное представление. Хлопочет на небе как домовитая хозяйка. Натирает поверхность до блеска, рассыпает горстями звездную мишуру, выдувает воздушные облака, а по центру торжественно водружает желтый циркон Луны. Все гости уже собрались, заняли зрительские места, можно начинать!

Воцаряется таинственная тишина, многотысячный зал запрокинул головы и замер в предвкушении мистического спектакля...

Наконец раздается тревожный шепот моря, звучит одинокая песня ветра. Он летит и печально гонит по небу укрытые темной вуалью силуэты облаков. Поравнявшись с Луной, облака сбрасывают свои одежды, проплывают нагие мимо царственного лика, и вновь укрываясь вуалью, скрываются из виду.

Море шумит все громче и тревожнее, завывает ветер, зрительный зал почти не дышит, объятый страхом. Зловещая чернота надвигается с правой небесной кулисы, медленно и неотвратно наползает на лунный диск и кровожадно опутывает жертву мохнатой паутиной прядью. Луна тускнеет, мрачнеет и наконец превращается в едва различимый оранжевый обод.

Море берет оглушительный предсмертный аккорд, демон зла разевает черную пасть и заглатывает Луну на глазах у оцепеневшей от ужаса

публики! Крупная капля крови стекает вниз и застывает в небе темно-красным рубином Марса. Непроглядная крымская ночь опускает с неба черный занавес.

Придя в себя от потрясения, зрители начинают ерзать, перешептываться и спрашивать друг у друга, сколько будет длиться антракт. Все лишь пожимают плечами и тянутся за напитками. Утомленные долгим ожиданием, многие разочарованно качают головами и разбредаются по домам.

Но вот ночной воздух разрезает пронзительный крик чайки – чудеса продолжают! Там, где прежде блистала Царица-Луна, внезапно возникает угольно очерченный магический круг. Тончайшая лунная нить вырывается из тьмы и светящейся дугой ложится на небо. Зрители замерли, открывши рты. На глазах у изумленной публики лунная нить ширится, превращаясь в острый серп. Через несколько минут на небе уже лучится месяц. Еще немного, и он преобразуется в лунное полукружье, которое растет, наливается, раздается вширь... Публика следит, затаив дыхание. Еще мгновение, и перед миром предстает воскресшая Луна в роскошном, сверкающем серебром, облачении.

«Чудо, чудо!» – проносится по рядам. Зрители переглядываются, улыбаются и облегченно вздыхают.

Крымская ночь выходит на авансцену и раскланивается под бурные аплодисменты и восторженные крики «Браво!» Она взмахивает дирижерской палочкой, и Черное море разражается хвалебной одой в честь Повелительницы ночи. А ошалевший от счастья южный ветер разносит во все концы благую весть о свершившемся чуде.

КРЫМСКАЯ РОЗА

Светает. Солнце уже проснулось, но еще нежится в небесной постели, озаряя вершины Сюрю-Кая²⁶ густо-розовым, охристым и золотистым. Неторопливо пробуждается природа – расправляет бесчисленные листочки, тянет вверх стройные стебли, смахивает росу с цветков, бесшумно порхает тонкокрылыми бабочками.

Любовно обхожу тихий сад и вдруг останавливаюсь. Завороженно гляжу, как раскидистый розовый куст с отеческой гордостью выводит в свет свое трепетное создание. Белый, с зеленоватым отливом, тугой бутон покачивает белокурой головкой на гибкой шее и смущенно подбирает хрупкие, в тонких прожилках, лепестки. Молодцеватый шмель в бархатном камзоле кружит и кружит над нежным цветком и, горя

²⁶Сюрю-Кая – в пер. с крымско-татарского – «Острая скала». Горный хребет, расположенный между поселками Курортное и Коктебель, на территории Карадагского заповедника.

нетерпением, призывно жужжит. Немного осмелев, бутон встряхивает прелестной головкой и, грациозно наклонясь, приоткрывается. Солнце встает из-за вершины, протягивая к бутону сверкающий луч. Юная роза трепещет, источает тончайший аромат и чувственно подрагивает.

Проходит всего пара дней, и посреди сада уже блистает пышным великолепием крымская роза. Облаченная в многослойный белый кринолин, она благоухает и улыбается солнцу как равная. Армия крылатых почитателей так и вьется над ней. Женщины ахают, мужчины расточают изысканные комплименты. Она же, уверенная в своей неотразимости, царственно предается знойной неге и никого вокруг не замечает.

Но вскоре края лепестков прекрасной розы начинают желтеть, скручиваться и покрываться патиной. Давешние поклонники обходят ее стороной, а прежде такое приветливое солнце нещадно сушит обветшавшее платье. Наконец ветер срывает с нее последние одежды и, напевая беззаботную песенку, уносится прочь.

Растоптанная, убитая горем она стоит, не шелохнувшись. И лишь голая сердцевина, похожая на корону, еще напоминает о былом величии...

ДВОЕ НА ВЕРШИНЕ

Позднее июльское утро. Ветер разгуливает по прозрачно-голубому небу, набрасывая кружевные облака на пики Сьюрю-Кая. Они цепляются за острые скальные края, застывают на мгновение, отрываются и вновь плывут по небесной глади, похожие на большие сказочные корабли. Горы расстилаются так близко, что кажутся добрыми великанами, живущими по соседству.

На самой вершине самой высокой скалы мне всегда чудятся двое, навечно сросшиеся друг с другом спинами, словно сиамские близнецы. *Его* голова с охапкой волос и буйной бородой обращена лицом к небу, *её* лицо с нежными очертаниями глядит и глядит в сторону моря. Их резные лики так спокойны и прекрасны, что кажется, будто мир и не может быть иным, как только огромным, полным света и предназначенным для двоих.

И все вокруг подчинено этому извечному закону природы. Вот пронеслись, щебеча на лету, две крохотные пичуги и, подгоняемые ветром, скрылись из виду. Вот ветер налетел на маленькое деревцо с двумя тонкими, тянущимися к солнцу, вершинами. Они поклонились, качнулись вправо, затем влево и снова выпрямились, согласно подрагивая листьями. Вот закружились в танце две большекрылые бабочки и на два голоса запели в вышине невидимые глазу птицы.

Ветер молодецки присвистнул, и облака над ликами расступились, открывая их застывшему взору всю небесную и морскую беспредельность.

Утро сменится днем, день – вечером, на землю опустится ночь и снова заалееет рассвет, а двое на вершине будут вечно смотреть в бескрайнюю синеющую даль. И в пении ветра будет слышаться торжественный гимн Мужчине и Женщине, воплощенным в камне мудрой крымской природой.

КАРА-ДАГ

К древнему вулкану Кара-Даг нас бойко мчит бородатый отчаянный капитан верхом на белом удалом кораблике. Во весь опор гонит он своего морского конька, пришпоривает, как лихой наездник, взбивая облако пены и окропляя стальные бока мириадами брызг. Юн и весел капитан, резв и горяч его конь, летящий навстречу солнцу и волне. Молодым жаром пышат их упругие тела, бесстрашие юности в каждом их движении!

Стремительно проносятся смельчаки мимо смущенных, молчаливо рдеющих бухт. Крымский ветер треплет золотые кудри капитана, ерошит волны под взмыленным животом его скакуна. Целый мир безраздельно принадлежит только им двоим.

Все дальше и дальше от берега, все ближе и ближе к отвесным скалам мертвого вулкана. Грозной громадой надвигаются древние стены, тревожно кричат темнокрылые хищные птицы, дьявольски поблескивают на солнце застывшие языки серо-бурой лавы. Бесстрашные мореходы лишь шуряют на солнце и самодовольно скалятся.

Над самой головой уже нависло изборожденное огнем каменное тело Кара-Дага. Он кажется доисторическим чудищем с гигантской пастью, готовым проглотить наш самоуверенный кораблик, как кашалот проглатывает мелкую рыбешку.

Но капитану все нипочем – он подводит белое суденышко так близко, что изумрудная вода начинает беспокойно ворочаться и урчать, словно морской великан, чей сон посмели потревожить. Огромная птица срывается с вершины и, расправив крылья, парит над нами в зловещей тишине. А Кара-Даг назидательно грозит с высоты устремленным в небо Чертovým пальцем.

Вняв природе, капитан отгоняет наконец кораблик от стен негодующего вулкана и бодро летит к Золотым воротам²⁷. Вот уже

²⁷Золотые ворота – небольшая скала-отторженец, миллионы лет назад оторвавшаяся от Карадагского массива. Получила название благодаря своей форме и золотому цвету, который она приобретает в солнечную погоду.

показался вдали их волшебный свод. Бережно обнимает Кара-Даг свое ненаглядное сокровище, защищая от бурь и ветров. Он больше не кажется злым чудищем – теперь он похож на большого нежного зверя, качающего на исполинских руках любимое дитя.

Капитан улыбается во всю белоснежную зубную ширь и ведет морского конька напрямик на Золотые ворота. Он делает знак пассажирам, и маленький кораблик с обоих бортов дает салют россыпью блестящих монет!

Летят золотистые кругляшки – посланники несбыточных желаний, бьются о каменные стены и падают к ногам Золотых ворот, чтобы припасть к морскому дну и вечно мерцать из глубин, подобно далеким и недостижимым звездам...

АЙВОВОЕ ДЕРЕВО

Знойные июльские дни. Деревья в саду погрузились в тягучую дрему и лишь изредка подрагивают листьями, будто от легкого прикосновения капель. Наверное, им снится дождь.

И только невысокая коренастая айва с темно-зелеными плотными листьями стоит на своем посту у ворот, как верный часовой. Ее натруженные ветви гнутся под крепкими упругими плодами, покрытыми нежным юношеским пушком. Не в силах больше томиться на цепких ветках, они продирают свои грушевидные головы сквозь обильную листву и с жадным любопытством заглядывают за высокую ограду. Туда, где так манит огромный, сверкающий, полный звуков и красок неведомый мир.

Мудро и строго глядит на своих детей айвовое дерево. Оно сжало желторотые плоды в железных объятиях и словно говорит: «Подождите, наберитесь силы от моих корней, окрепните, налейтесь. Еще наступит, придет ваше время...»

От натуги и зноя кора айвы высохла и потрескалась, а в ее трещинах затаились капельки смолы, точно скупые слезинки. Скоро, скоро взлелеянные плоды созреют и без сожаления покинут ослабевшие ветки. Одни будут сорваны жесткими руками, другие сами упадут и останутся доживать свой короткий век на осенней сырой земле. Редкий плод прорастет, чтобы стать таким же крепким и сильным и взрастить на своих ветвях сотни новых жизней.

Но один дерзкий мечтатель вдруг оттолкнется и высоко прыгнет за ограду! И покатится беспечным пилигримом по свету в поисках далекого волшебного сада.

НОЧНОЕ КУПАНИЕ

В сгустившихся сумерках почти наощупь пробираюсь к морю. Пляж давно опустел, лишь в дальнем его конце едва различимо звучат чьи-то голоса. Невидимое море спокойно и ровно дышит, только изредка раздаются легкие всплески, похожие на тихие вздохи.

Скидываю сарафан и сандалии, осторожно ступаю по холодной гальке и на мгновение замираю у самой кромки. Черная крымская ночь окутала все вокруг, и только россыпь звезд мерцает в вышине, а где-то вдали поблескивает огоньками, как драгоценное ожерелье, Ордж²⁸. В следующую минуту я уже плыву, укутанная прохладным струящимся шелком. Впереди – сплошная бескрайняя чернота.

Внезапно охватывает страх: кажется, будто в мире есть только ты – крохотная безымянная капля, и эта черная бездна – необъятная, сумрачная, непостижимая. Времени нет – оно словно остановилось. И меня тоже нет, я растворилась в миллиарде таких же безвестных капель, в миллиарде прошедших и будущих столетий. Может, я уже умерла. Или еще не родилась и мерно качаюсь во вселенских утробных водах, чтобы когда-нибудь появиться на свет. Или так и остаться навеки безвольной бестелесной частицей мироздания.

Страх сдавливает мне горло. В отчаянии ныряю, переворачиваюсь и резко, с силой выталкиваю себя на поверхность. Делаю глубокий вдох и кричу – истошно, пронзительно, во всю глотку!

С трудом разлепляю полные разъедающей влаги глаза и вижу мир. Он еще совсем смутный, чужой и безлюдный, но это он, я его узнала и плыву, плыву, не останавливаясь, ему навстречу. Где-то вдали маячит тусклая точка света. С каждым мигмом она становится все ближе, четче, и наконец превращается в желтый глаз фонаря, освещающего пустынную набережную.

Обессиленная, выбираюсь на берег и падаю на спину, широко раскинув ноги и руки. Бесчисленные белые звезды сгрудились надо мной и часто-часто моргают, с любопытством разглядывая, точно видят в первый раз. А полная луна, как мама, счастливо улыбается во все свое круглое шербоатое лицо, приветствуя мое ночное рождение.

ВИНОГРАДНАЯ КРОВЬ

Август идет на убыль, но жара стоит изнуряющая, как в самом разгаре лета. Даже в тени дома воздух горяч и душен. Единственное спасение – укромный уголок сада, увитый виноградом. Ложишься на топчан, вытягиваешься всем телом и, заложив руки за голову, глядишь сквозь резные листья на лазоревые лоскутки неба. Тяжелые виноградные грозди

²⁸ Ордж – (разг.) расположенный по соседству с Коктебелем город Орджоникидзе.

уже налились и отливают изумрудом, а пробивающийся сквозь листву солнечный луч зажигает на них гирлянды янтарных бусин.

Любуешься дивным созданием природы, этим совершенным божьим сплетением и с внезапной горечью осознаешь, что судьба его, увы, предрешена. Вобравшую в себя солнечный свет и соки земли, напитанную медовой сладостью гроздь срежут с материнской лозы и кинут в темный душистый мешок. Каждый плод, цепляющийся из последних сил за мертвый черенок, будет оторван и сыпан в бессмысленную грудку. Ни один не избежит смертельной давки. И будет лопаться кожа, будут хрустеть и дробиться косточки. И яростно забрызжет во все стороны душистая кровь бесчисленных маленьких жизней.

А когда все будет кончено, жмых выкинут на помойку, а перебродившую в страданиях кровь разольют по бездушным сосудам. И кто-то счастливый одним случайным мигом бытия будет пить ее, пьянеть и сладко забываться, окропляя вином потаенное одиночество. А на утро по его жилам будет течь виноградная кровь, смешанная с кровью земли. И на языке останется горький привкус маленькой виноградной косточки.

ВОСХОЖДЕНИЕ

Мой путь к вершине начинается у подножья потухшего вулкана Кара-Даг, будто от темных врат переплавленной в огне смерти. Первая узкая, неизвестно куда ведущая тропа, первый трудный подъем – и тебя выносит, буквально выталкивает в новый ослепительный мир! Плато Тепсень высоко поднимает меня и держит на своих широких материнских ладонях, вручая одетый во все цвета радуги волшебный Коктебель. Слово показывает все, что я буду теперь долго и преданно любить – красные крыши домов, оранжевое солнце, золотые купола, зеленые холмы, голубое небо, синее море, скромные фиолетовые цветы.

Вдыхаю полной грудью и прибавляю шаг. Предстоит еще очень длинный путь.

Спускаюсь к морю, иду вдоль кажущейся бесконечной, пестрой набережной. Сувенирные лавки и лавочки, рестораны и ресторанички, магазины и магазинчики – все сливается в говорливую многоцветную ленту. Величественным кораблем проплывает мимо Дом Максимилиана Волошина. И вновь – лавки и лавочки, рестораны и ресторанички.

Навстречу мне непрерывным потоком идут люди. Одни не замечают, равнодушно проходят мимо. Другие бросают лишь беглый взгляд. Третьи кивают мимоходом и тут же исчезают из виду. Четвертые останавливаются, чтобы переброситься парой ничего не значащих слов. И редкий, очень редкий прохожий вдруг заглянет тебе прямо в глаза.

Когда набережная наконец кончается, кажется, будто незаметно прошло полжизни. Оглядываясь назад и сжимается сердце. Столько удивительного, яркого, самобытного встретилось на пути, а в памяти остались только размытые картинки, цветные лоскуты и обрывки фраз.

Чтобы перевести дух и почувствовать себя живой, с разбегу бросаюсь в море. Вода успокаивает, придает сил. Я долго шла, я устала, а впереди ждет самое трудное – восхождение. И это когда сил поубавилось, энтузиазм поиссяк, волосы растрепались. Собираю волю в кулак и иду – никто не пройдет этот путь за меня.

На гору Кучук-Енишар, которую называют теперь горой Волошина, ведет вытоптанная бесчисленным количеством ног тропа. Я иду и думаю о Марии Степановне²⁹, спешащей на поднебесное свидание с мужем сквозь годы и десятилетия. Об этих знакомых и незнакомых людях, сжимающих в руках заветные камушки³⁰. Как преодолевают они этот путь? Сколько раз настигает их разочарование, боль, отчаяние, неверие в собственные силы? Сколько раз кажется им, что все напрасно! Что никому не нужно это трудное восхождение. Что ничего, стоящего таких усилий, их там не ждет... Кому-то дорога дается проще, кому-то труднее, но никому не бывает легко, никому. И кто-то сворачивает с пути, а кто-то, превозмогая усталость, идет и идет, как иду сейчас я. Останавливается, вздыхает, улыбается, чертыхается, бодрится и снова идет.

И вот, когда силы уже совсем на исходе, вдруг что-то переворачивается, опрокидывается, открывается, и ты внезапно понимаешь, что добрался до вершины. Нет, нигде и никогда ты не видел таких ярких красок, никогда так дурманяще не пахли травы, никогда не был ты так близок к Солнцу. Никогда так просто и радостно не ощущал Создателя в каждой малой травинке, в каждом дуновении ветра, в каждом цветочном лепестке. Как, должно быть, привольно лежать здесь и смотреть в синее-синее небо. И ничего больше не хотеть...

Я опускаю обе ладони на гладкое каменное одеяло, навечно укрывшее этого большого Человека, и невидимые слезы тихо струятся из моих глаз. Я что-то говорю ему такое, чего не могу сказать никому на свете. И я знаю, что он слышит меня. Ведь он сам меня сюда призвал, чтобы осыпать бесценными дарами. Их так много, что хватило бы не на одну человеческую жизнь. Клянусь, что я все отдам сторицей. Тем, чем умею, чем могу – аметистами слов, сердоликами рифм, симфонией фраз. Великой музыкой русского языка. Это мое восхождение, моя вершина, к которой мне идти и идти до самого конца...

²⁹ Волошина Мария Степановна, урожденная Заболоцкая – вторая жена Максимилиана Волошина, пережившая мужа на 44 года.

³⁰ По легенде Волошин просил не приходиться на его могилу с цветами, а только приносить морскую гальку. Так поступает каждый, кто восходит на гору Кучук-Енишар, где похоронен поэт.

ТИХАЯ БУХТА

Путешествие в Тихую бухту за край Коктебеля напоминает полет на другую планету. Природная материя вроде та же, но геометрия гор и холмов, причудливый замес красок, высота неба – иные, словно вышедшие из-под руки таинственного неземного ваятеля. Иными кажутся даже воздух и звук, хотя объяснить словами, *что именно* здесь по-другому, вам вряд ли удастся. Только всем естеством ощущаешь эту потустороннюю нездешность, в которую тебя постепенно и незаметно вытягивает. Будто кто-то невидимый берет и расплетает всего тебя, как шелковую пряжу, и тут же влетает высвобожденные нити в лазорево-охряную невесомую ткань.

Лежишь на песке, и вдруг начинает казаться, что пальцы рук и ног, перебирающие мелкие песчинки, теряют привычную форму и плавно перетекают в песок, точно вода в древний сосуд. Входишь в море, и оно обволакивает тебя, превращая волосы в волны, а тело – в мельчайшие частицы воды. Запрокидываешь голову к небу, и уже сам становишься этим небом – глубоким, далеким и бескрайним. Еще мгновение, и покажется, что ходить по воде или парить по небу так же легко, как думать или дышать.

В закатный час медленно идешь по кромке моря мимо длинной череды тентов и палаток, напоминающей высадку земного десанта на Луну. Сидящие на берегу люди застыли, вписанные в магический пейзаж. Они кажутся ненастоящими, нарисованными на диковинном полотне фигурами. И сам ты превращаешься в неспешное движение воздуха, которое едва касается их отстраненно-отрешенных лиц. Станных задумчивых лиц, обращенных внутрь себя.

Незаметно опускается на Тихую бухту вечер. Огромный розовый шар луны показывается на горизонте. Он степенно поднимается над темными водами, превращаясь в огненно-рыжую голову с гигантскими глазницами.

Тихая бухта качнулась, как океанский лайнер, и замерла.

Пристально взирают с высоты печальные лунные зеркала, словно хотят разглядеть эту далекую Землю, на которой так суетно и устало живут давно затерянные во Вселенной крохотные человечки...

ПАДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ

Не спится. Сажу в парусиновом кресле на террасе и вглядываюсь в ночное крымское небо – черное-черное, сплошь усыпанное белесыми крупинками звезд. Так много и такие крохотные, сгрудились, как люди на галечном пляже.

Вот одна звезда метнулась по небу, чиркнула полоской света и налетела на острие Сюрю-Кая, точно маленькая птичка на шип прекрасной розы. И опять звездное безмолвие, будто никогда и не было ни этой звезды, ни ее яркого, пылающего полета.

Так же и мы лишь мелькнем на небе жизни, чтобы мгновенно сорваться и ринуться вниз, оставляя за собой неясный след. Но как восторжен и печален этот отчаянный полет! Как сладко сжимается сердце, как кружится голова...

ЗВЕЗДА ПО ИМЕНИ СЧАСТЬЕ

Коктебельское лето кончилось так же неожиданно, как счастье. Явилось, обмахнуло разгоряченные лица красочным веером, мелькнуло мечужной улыбкой и сбежало, как вероломная Кармен.

Может, оно только приснилось нам одной необыкновенной крымской ночью? Сказочный сон девочки Мари, безумный сон мальчика Бананана³¹.

Или наоборот, все настоящее, всамделишное осталось там, а здесь затянется, засосет виртуальная реальность, где моря нет, скал нет, солнца нет, лета нет...

И только холодной северной ночью, укутавшись в плед и выйдя на тесненький балкон, запрокинешь голову и вдруг заметишь дружелюбно подмигивающие с небес звезды с загадочными именами Кара-Даг, Сюрю-Кая, Тепсень, Кучук-Енишар. Они заблестят, закружатся в причудливом танце и сложатся в новые яркие созвездия – цветок Крымской розы, полукружье Тихой бухты, ореол Черного моря, подкова Золотых ворот.

И среди всего этого, щемящего сердце великолепия, драгоценным алмазом засияет звезда Коктебель. Далекая крымская звезда по имени Счастье.

³¹ Мари – главная героиня сказки Э. Т. А. Гофмана «Щелкунчик и мышиный король», мальчик Бананан – главный герой культового кинофильма Сергея Соловьева «Асса».

НОВЫЙ РУССКИЙ ЖУРНАЛ

литературной и философской критики

(для всех, кто любит отечество)

на правах рукописи

№ 14

Подписано в печать 5 декабря

Формат 60x90 1/ 16 14,75 п.л = **236**

Печать по требованию

Редакция не несет ответственности за мнения авторов

Почта редакции
Email: mvnch@mail.ru

СПб
2019

От редактора.

29 ноября. Дорогие друзья!

Хотя я не совсем удовлетворен качеством издания (чему виной болезнь, а может быть, вмешательство масонских сил и вирусов в мой организм), однако журнал вышел, поэтому будем благоразумны и будем искать истину вместе. А вместе мы ее непременно найдем.

Редактор

4 декабря. Сегодня ночью я понял, что седующий номер будет превосходным, он выйдет 31 декабря 2019 года ПО СТАРОМУ СТИЮ.

Следовательно, тех, для кого год наступает по Новому стию, я поздравляю уже в этом номере. А православных поздравлю в №15.